

Чак Паланик

До самых кончиков

Миллиарду мужей грозит скорая отставка

Chuck Palahniuk

BEAUTIFUL YOU

© Chuck Palahniuk, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Когда с Пенни полетела одежда, судья лишь вытаращился. Присяжные покачнулись и заерзали. Журналисты остолбенели. И хоть бы одна душа во всем зале пришла на помощь. Стенографист прилежно барабанил по клавишам, фиксируя каждое слово: «Кто-нибудь! Мне больно! Ради бога, остановите его!» Ловкие пальцы вывели: «Нет!» Затем последовала фонетическая транскрипция протяжного стога, кричания и визга, уступив место целому реестру криков о помощи.

Мужские пальцы выстукали: «Спасите!»

И добавили: «Прекратите!»

Будь в зале суда еще дамы, дела пошли бы иначе. Увы, Пенни оказалась в одиночестве. За последние несколько месяцев все женщины куда-то попрятались. В госучреждениях их теперь днем с огнем не сыщешь. Те, кто наблюдал за страданиями Пенни – судья, присяжные, зрители, – были сплошь мужчины. Этот мир принадлежал им.

Стенографист напечатал: «Умоляю!»

Через мгновение: «О нет! Только не сюда!»

Суежилась лишь Пенни. Сноровисто и бесцеремонно с нее сдернули слаксы до лодыжек, разодрали трусики, сделав тайное явным всякому, кто отважился посмотреть. Силясь вырваться, она отбивалась локтями и коленками. Художники в первых рядах стремительными линиями фиксировали ее борьбу: развевающиеся обрывки белья, растрепанную шевелюру. Среди публики пошли вздыматься робкие руки с мобильниками, тайком нащелкивая кому фотосувенир, кому пару-тройку секунд живого видео. Надрывные вопли словно парализовали всех в округе, эхом отражаясь от молчаливых сводов. Казалось, насилуют не одну женщину, а добрый десяток. Сотню. Весь мир визжал.

Она сопротивлялась. И не где-нибудь, а на свидетельской трибуне. Старалась сдвинуть ноги, выдавить из себя боль. Ее глаза шарили по залу в поисках встречного взгляда – ну хоть кто-нибудь! Какой-то мужчина напротив стиснул ладонями уши и зажмурился, побагровев при этом, как перепуганный мальчишка. Пенни обернулась к судье; тот сочувственно вздохнул, но так и не грохнул молотком, призывая к порядку. Судебный пристав потупился, бормоча что-то в прицепленный к лацкану микрофон. Стоя с пистолетом в кобуре, он переминался с ноги на ногу, нервно подергиваясь при каждом вопле.

Прочая публика чинно поглядывала на собственные часики или же демонстративно возилась с эсэмэсками, словно испытывала за Пенни неловкость. Тоже, нашла место орать да истекать кровью. Как будто в происходящем целиком и полностью повинна она сама.

Адвокаты съезжились в своих дорожных полосатых костюмах, деловито шелестя бумагами. Даже ее бойфренд и тот сидел как приклеенный, только челюсть отвалилась. Кто-то, должно быть, додумался-таки вызвать «неотложку», потому что через несколько минут по центральному проходу засеменили два санитара.

Всхлипывая и царапаясь, Пенни изо всех сил старалась не потерять сознание. Если б только удалось подняться на ноги, если б удалось вырваться, она рискнула бы удрать. Спасти. В зале суда не протолкнуться, как в автобусе в час пик, но никто не схватил насильника, не оттащил его прочь. Зрители на стоячих местах лишь попятились – все до последнего человечка, – пока не уперлись в стенку.

Санитары продрались через толпу, и Пенни, хватавшая воздух ртом как рыба, поначалу даже не разобралась, кто друг, а кто враг. Медики принялись ее успокаивать: дескать, ты в безопасности, самое страшное позади, – пока мокрая, трясущаяся Пенни билась в истерическом ознобе. Народ кругом затравленно озирался, не зная, куда прятать глаза со стыда.

Ее уложили на каталку; один из санитаров прикрыл дрожащее тело одеялом, подоткнул края; его напарник застегнул ремни. Судья наконец взялся за молоток, объявляя перерыв.

Тот, кто застегивал ремни, спросил:

– Нынешний год сказать можешь?

Горло Пенни саднило от крика, голос охрип, но год она назвала верно.

– А кто в президентах? – продолжал расспрашивать санитар.

Пенни чуть не выдала «Кларисса Хайнд», однако вовремя спохватилась. Хайнд давно покойница. Первая и единственная женщина – президент США приказала долго жить.

– Имя свое помнишь?

Оба санитары были, разумеется, мужчины.

– Пенни. Пенни Харриган.

Они так и ахнули. Профессионально непроницаемые физиономии на долю секунды расплылись в ухмылках.

– То-то я примечаю, вроде видал где-то! – бодро заметил первый медработник.

Второй защелкал пальцами: фу-ты, на языке вертится... Наконец из него вырвалось:

– Ты же это... ну та самая!.. Из журнала!

Первый выставил перст в сторону беспомощной девушки, прихваченной ремнями к каталке.

– Пенни Харриган, – заявил он прокурорским тоном. – «Доткомовская Золушка».

Санитары взялись за каталку. Толпа расступилась, пропуская их на выход.

– А тот чувак, которого ты бросила, он разве не самый богатый перец в мире? – вспомнив что-то, поинтересовался второй медик.

– Максвелл, – подсказал первый. – Линус Максвелл.

И, будто сам себе не веря, покрутил головой.

Мало того что Пенни прилюдно изнасиловали в суде и никто даже пальцем не шевельнул, так теперь и работники «неотложки» приняли ее за дуру набитую.

– Зря ты за него не пошла, – сокрушался первый всю дорогу до лечебницы. – Сейчас бы в золоте купалась...

Корнелиус Линус Максвелл. К. Линус Максвелл. За репутацию плейбоя «желтая пресса» окрестила его Вклинусом. Миллиардер, богатейший человек на свете.

Ее те же таблоиды нарекли «Доткомовской Золушкой». Пенни Харриган и Корни Максвелл. Они познакомились год назад. Будто вечность минула. Да-а, другие были времена. И мир другой.

Лучше.

За всю историю человечества женщинам не жилось вольготнее, чем в ту пору. И Пенни это знала.

Взрослея, она повторяла про себя словно мантру: «Никогда еще для женщин не было времени лучше».

Ее мир был воплощенным совершенством. Ну, плюс-минус. Не так давно она с отличием защитила диплом юриста, однако дважды провалила экзамен на прием в коллегия адвокатов. Дважды! Не то чтобы это подорвало уверенность Пенни в своих силах, нет, но вот сама перспектива... Девушку не отпускала мысль, что после всех триумфальных побед феминисток не так уж велика заслуга стать очередной адвокатессой-карьеристкой. По крайней мере сейчас. В наши дни женщина-адвокат ничуть не более приметна, чем домохозяйка в пятидесятые. Пару поколений назад весь свет требовал бы от нее сидеть дома и растить детишек. Теперь женщине прямо-таки предписывается идти в юриспруденцию. Или в медицину. В ракетостроение. Как бы то ни было, выбор профессии предопределялся модой и текущими политическими веяниями, но отнюдь не самой Пенни.

Студенткой она всеми силами пыталась заслужить одобрение преподавателей кафедры гендерных исследований в Университете Небраски. Променила родительские чаяния на догмы ученых мужей, однако ни те, ни другие не находили отклика в ее сердце.

Правда состояла в том, что Пенелопа Энн Харриган по-прежнему оставалась хорошей дочерью – послушной, прилежной, – то бишь привыкшей жить по указке. Она всегда прислушивалась к советам людей постарше, но в душе мечтала о большем, нежели простое одобрение со стороны родных, а впоследствии и приемных родителей. При всем уважении к Симоне де Бовуар Пенни и не думала становиться третьей-волной-чего-то-там-такого. И пусть Белла Абзуг не обижается, но перспектива быть пост-кем-то тоже не прельщала. Какой смысл повторять достижения Сьюзен Энтони и Хелен Браун? Нет, ей хотелось большего выбора, чем домохозяйка либо адвокат. Мадонна либо шлюха. Тянуло на нечто особенное, без душкб, без нафталина Викторианской эпохи. Нечто такое, до чего даже самые оголтелые феминистки не додумались.

Вот ей и чудилось, что причиной провала на экзамене послужила эта подспудная тяга. В душе

Пенни претила мысль заниматься юриспруденцией. Ее цели были списаны с лозунгов радикалисток вековой давности: ну как же, стать адвокатессой, соперничать с мужчинами на равных!.. А заимствованная цель – все равно что чужая ноша: тянет. С десятков миллионов женщин успели реализовать в этой сфере. Нет уж, Пенни нужна собственная мечта, вопрос лишь в том, какая именно.

Выяснилось, что девочку-паиньку мечта обошла стороной; не явилась она и прилежной начетчице закоснелой идеологии университетской профессуры. Впрочем, Пенни находила утешение в мысли, что подобный кризис переживают все ее ровесницы. Коли свобода досталась им в наследство, они обязаны расширять границы во имя будущего поколения молодых женщин. Осваивать новые территории.

Ну а пока абсолютно новаторская, уникальная мечта не посетила ее прелестную головку, Пенни, стиснув зубы, преследовала старую: занимать низ пищевой цепочки в юридической конторе, бегать начальству за пончиками, таскать стулья для совещаний и параллельно готовиться к переэкзаменовке.

Даже сейчас, в двадцать пять, она опасалась, что момент-то, поди, упущен.

Пенни не привыкла доверять личным природным инстинктам и позывам, дико боялась, что так и не сумеет раскрыть в себе глубинные таланты и чутье. Свои особые дарования. Что вся жизнь будет растрчена на цели и амбиции с чужого плеча. Нет, ей хотелось власти, права хозяйничать – той примитивной, но неодолимой силы, что стоит выше гендерных ролей. Мечталось о первородном волшебстве, которое древнее самой цивилизации.

Набираясь храбрости перед третьим экзаменом, Пенни устроилась в «Брум, Брум и Бриллиштейн», престижнейшую манхэттенскую фирму. Взяли ее, конечно, не в совладельцы, зато и не младшим стажером. Да, порой приходилось бегать в «Старбакс», что размещался на первом этаже, за полудюжиной срочных латте и капучино из сои, но ведь не каждый же день, верно? Ну-у, иногда просили притащить пару-тройку стульев для серьезных переговоров – все равно ведь не стажер? Нет-нет, пусть Пенни Харриган и не была оперившимся адвокатом, ничтожной практиканткой ее точно не назовешь.

Рабочий день в конторе тянулся медленно, хотя случались и приятные неожиданности. Сегодня, к примеру, Пенни услышала гул, отраженный башнями нижнего Манхэттена. Грохотал вертолет, приземлявшийся на небоскреб. На крышу вот этого самого здания, только шестьюдесятью семью этажами выше, доставили по-настоящему крупную шишку. Пенни стояла внизу, в вестибюле, нагруженная картонкой с полудюжиной горячих вентри-мокачино, и ждала лифта. Полированная сталь дверей отражала ее как есть. Не писаная красавица, конечно. Но и не уродка. Не дылда, но и не пупс от горшка два вершка. Блестящие, ухоженные волосы каскадом ниспадают на плечи, обтянутые скромной, но со вкусом подобранной блузкой от «Брукс бразерс».

Глаза карие. Большие и честные. А еще...

И тут ее безмятежное, чистенькое лицо – ни тебе прыщей, ни, слава богу, угрей – вдруг исчезло. Двери лифта распахнулись, и на девушку хлынула толпа здоровяков в одинаковых темно-синих пиджаках. Пиджаки двигались с агрессивной решимостью, словно на поле расчищали путь атакующей звезде американского футбола, локтями отжимая любопытствующую публику. Оттесненная в сторонку, Пенни вытянула шею, пытаясь разглядеть, из-за кого весь сыр-бор. В толпе взметнулись руки с мобильниками, нащелкивая фото и ведя съемку поверх чужих голов. За напирающей стеной из темно-синей саржи Пенни ничего не могла разобрать, однако стоило вскинуть глаза, как со всех экранчиков глядел знаменитый образ. Кругом жужжала и деловито попискивала электроника. Забормотали, зашуршали рации. С заднего плана донеслось сдавленное рыдание.

Женщина, запечатленная мириадами мобильников, вытирала щеки кружевным платочком, вымазанным слезами пополам с тушью. Не узнать этого лица – даже за огромными солнечными очками – было невозможно. А если и оставались сомнения, они отпадали при виде ослепительного голубого сапфира, качавшегося в ложбинке идеально сформированной груди. Судя по тому, что читают в очередях на кассу в супермаркетах, этот изумительный, без единого изъяна камень считался крупнейшим в истории и весил порядка двухсот каратов. В свое время он украшал лебединые шеи египетских фараонов. Римских императриц. Русских цариц. «Спрашивается, из-за чего может рыдать обладательница эдакого сокровища?» – недоумевала Пенни.

Внезапно все встало на свои места: вертолет, некая мегазнаменитость, а теперь на выход спешит вот эта травмированная жизнью красотка. Плюс к тому сегодня в графике старших партнеров ее фирмы стояло снятие показаний. По крупному иску на алименты после гражданского брака.

– Алуэтта! Алуэтта! – вырвался из толпы мужской голос. – Вы его до сих пор любите?

– Примите его обратно? – подхватила какая-то женщина.

Толпа затаила дыхание, коллективно предвкушая ответ.

Плачущая красавица, запечатленная мобильниками со всех углов и ракурсов, вздернула изящный подбородок.

– Меня не выбросят как мусор!

В видеоискателях сотни камер дернулся ее подбородок.

– Максвелл – лучший любовник из всех, кого я знала...

Вопросы сыпались дождем, но охрана уже распахнула двери, ведущие на улицу, где у обочины дожидался кортеж из лимузинов. Представление закончилось.

В центре этого ажиотажа стояла французская актриса Алуэтта д'Амбрози. Шестикратная призерша «Золотой пальмовой ветви». Четырехкратная оскароноска.

Пенни сгорала от нетерпения списаться по электронке с родителями и сообщить им потрясающую новость. В этом и заключался один из плюсов работы на «Би-Би-Би»: тут разносить кофе куда лучше, чем торчать дома. Поди встретить настоящую кинозвезду в Небраске.

Кортеж скрылся за углом. Все заворуженно смотрели ему вслед, как вдруг Пенни услышала дружелюбный оклик:

– Эй, Омаха!

Голос принадлежал ее коллеге Моник. Та щелкала пальцами, пытаясь привлечь внимание подруги. На фоне Моник с ее кристалликами «Сваровски», наклеенными на фарфоровый лак маникюра, с ее длинными дредами, вплетенными бусинами и перьями Пенни сама себе показалась серым воробышком.

– Нет, ты видела! – зачастила она. – Это же Алуэтта д'Амбрози!

Моник протиснулась ближе.

– Слушай, Омаха, тебя на шестьдесят четвертом все обыскались. – Она ухватила Пенни за локоть и потащила к лифту. Стаканчики горячего кофе в картонке заходили ходуном, угрожая в любую секунду расплескаться. – Старикашка Бриллиштейн созвал большой военный совет, и им срочно нужны стулья.

Выходит, она угадала. Сегодня берут показания в деле «д'Амбрози против Максвелла». Все знали, что иск затеян из чистой вредности. Богатейший мужчина встречался с роскошнейшей из женщин на протяжении ста тридцати шести дней. Пенни знала о романе в подробностях благодаря очередям в супермаркете. Нью-йоркские кассирши напоминают осенних мух: пока расплатишься за подтаявший пломбир, успеешь прочитать «Нэшнл инкуайер» от корки до корки. Если верить таблоидам, во время совместного отдыха на Фиджи мультимиллиардер подарил возлюбленной огромный сапфир. Ах, Фиджи, архипелаг мечты!.. А потом взял и разорвал отношения. Будь на их месте другая пара, на том бы все и кончилось, но за ними ведь наблюдал весь мир! Скорее чтобы сохранить лицо, уязвленная пассия потребовала пятьдесят миллионов долларов в качестве компенсации за моральный ущерб.

Не успели приятельницы шагнуть в лифт, как вслед раздалось:

– Эй, шельмочка!

Обе девушки обернулись как по команде – в их сторону спешил улыбающийся молодой человек в полосатой деловой «тройке». Лавируя среди народа в вестибюле, он уже подбегал к лифту.

– Меня обождите!

Ему оставалось всего ничего, когда Моник всерьез взялась за кнопку закрытия дверей. Посверкивая кристалликами на ноге, ее большой палец затрепетал, словно морзянкой отбивая сигнал бедствия. Впрочем, за полгода жизни в Нью-Йорке Пенни еще не доводилось видеть, чтобы на кнопку лифта жали меньше двадцати раз подряд. Двери захлопнулись перед самым носом юного адвоката.

Его звали Тэд, и он при каждой встрече заигрывал с Пенни. Даже придумал для нее якобы ласкательное прозвище: «шельмочка». Мать наверняка записала бы его в завидные женихи, но у самой Пенни на этот счет были серьезные сомнения. Она инстинктивно чувала, что Тэд подкатывает

к ней лишь ради того, чтобы сблизиться с Моник. Типичная схема: парень добивается расположения смазливой девицы, заигрывая с ее вонючей жирной собачкой.

Хотя Пенни определенно не воняла. И особо жирной не была.

Да и саму Моник эта ситуация не очень-то задевала. Ее ушлую натуру прельщали фондовые менеджеры и свежееиспеченные русские олигархи. Моник не стеснялась заявляла, что предел ее мечтаний – жить в собственном особняке в Верхнем Ист-Сайде, день-деньской валяться в кровати и грызть вафли с фруктовым муссом. Она издала притворный вздох облегчения, заодно бросив:

– Слушай, Омаха, дай уже бедолаге пристроить головастика в твоём болотце.

Однако Пенни не ободрялась ни его подмигиваниями, ни призывным посвистом. Для него она – уродливая собачка. Трамплин.

В лифте Моник смерила приятельницу оценивающим взглядом, затем подбоченилась и погрозила пальчиком сплошь в сверкающих каменьях. Капризно выпятила губки, на которых переливались три оттенка бордового блеска, и заявила:

– Фигурка у тебя чистое ретро.

Смахнула с лица унизанную бусинками прядь.

– Рада, что ты не комплексуешь из-за широких бедер.

Пенни неуверенно приняла комплимент.

Моник была подругой по работе, а это вовсе не то, что настоящая подруга. Здешняя жизнь сильно отличалась от жизни Среднего Запада. В Нью-Йорке нужно держать марку.

В большом городе каждый жест должен демонстрировать превосходство, а каждая деталь женского туалета – свидетельствовать о статусе. На Пенни вдруг накатил стеснительность, и она прижала к себе картонку с теплым кофе, словно плюшевого мишку.

Моник скосила глаза – и отпрянула в припадке ужаса. Судя по ее перекошенной физиономии, у Пенни по лицу прогуливался как минимум тарантул.

– Скатайся в Чайнатаун... – начала Моник, пятясь. – Там мигом уберут эти жуткие усы. – И театральным шепотом добавила: – Стоит гроши, даже ты потянешь.

Пенни выросла на ферме в Шиппи, штат Небраска, но и там куры заклеивали своих товаров с бульшим тактом.

Похоже, некоторые особи понятия не имеют о всемирной женской солидарности.

Сразу по прибытии на этаж девушек обнюхали четыре немецкие овчарки. На предмет взрывчатки. Псов сменил тучный охранник с металлоискателем.

– Мы почти на военном положении, – пояснила Моник. – Из-за визита сама-знаешь-кого эвакуировали всех с шестьдесят четвертого до крыши. – В своей обычной развязной манере она толкнула локтем Пенни. – Стулья, девочка. Взять!

Подумать только. За «Би-Би-Би» водилась репутация самой влиятельной юрфирмы страны, а тут на тебе: вечная нехватка посадочных мест! Как в той салонной забаве: не успеешь вовремя приземлиться, будешь стоять. Пока какую-нибудь мелкую сошку вроде Пенни не пошлют раздобыть тебе стул.

Пенни тыкалась во все подряд двери, но те не поддавались. Коридоры подозрительно опустели, а возжеленные стулья решением своих предусмотрительных хозяев оказались надежно заперты в кабинетах, и видеть их можно было лишь через дверные окошечки. Благоговейная тишина, обычно царящая на начальственных этажах, сейчас почему-то пугала. От обшитых деревом стен с изысканными пейзажами Гудзонского залива не отражались ни голоса, на шаги. Едва откупоренные и наспех отставленные бутылочки с минералкой «Эвиан» еще шипели, истекая газом.

Это же надо: четыре года убить на гендерные исследования, а после еще два, чтобы теперь таскать стулья обленившимся или обнаглевшим сотрудникам! Унижение неприкрытое. Да-а, перед родителями тут точно не похвастаешь.

Раздраженно загудел сотовый – Моник. Прислала эсэмэску: «СЕСТРНК ГДЕ СТЬЛЪЯ?!» Пенни металась по коридорам, едва удерживая картонку с кофе, и на ходу дергала неподдающиеся ручки. Еле переводя дух, скача загнанной лошастью от одного запертого кабинета к другому, она уже

утратила всякую надежду, как вдруг очередная дверь неожиданно поддалась. Пенни потеряла равновесие и ввалилась в офис, попутно расплескивая кофе. Приземлиться удалось на нечто весьма мягкое – ни дать ни взять лужайка из клевера. Распластавшись на животе, девушка видела лишь сплетение зеленых, алых и желтых бутонов. Там и сям, сплошные цветы. Сад, она угодила в сад! Среди нежных роз и лилий выглядывали экзотические птички. И что интересно, прямо перед носом маячил до блеска начищенный ботинок. Мужской. Кожанный мысок замер в угрожающей близости от девичьих зубов.

Никакой это не сад, а птицы с цветами – просто узор на персидском ковре. Ручная работа, чистый шелк; такому ковру место лишь в одном кабинете на всю «Би-Би-Би»-контору. Уж на это сообразительности у Пенни хватало. Она поймала собственное отражение в темном блеске полированной кожи: физиономию едва видно за липкими от кофе волосами, щеки пунцовые, челюсть отвалилась, сама дышит как собака – грудь ходуном ходит. От падения юбка задралась, явив на всеобщее обозрение известные холмы. Слава тебе, Господи, за олдскульные хлопковые трусы! Будь это какие-нибудь дерзкие стринги, со стыда бы умерла.

Взгляд переехал с лакированного ботинка выше, на крепкую жилистую лодыжку, обтянутую носочком в ромбиках. Лихой золотисто-зеленый узор не прятал упругих мышц. Над носком нависала серая штанина с идеально отутюженной складкой. Элегантный покрой фланелевых брюк подчеркивал мускулистые бедра. Ноги длинные. Не иначе теннисист, подумала Пенни. По шаговому шву взгляд сам собой, как по рельсам, доехал до изрядного вздутия в промежности, будто там прятался кулачище.

Горячее и мокрое защекотало девичий живот. Галлон убойной смеси из соево-диетического латте-моккачино-венти-макиато с пониженным содержанием кофеина проник сквозь одежду и ручьями растекался по бесценному ковру.

Даже в тусклом блеске кожаного ботинка было видно, как усилился ее румянец. Пенни нервно сглотнула.

Внезапно мужской голос нарушил зачарованную тишину. Прозвучал он решительно, хотя мягкостью не уступал персидскому шелку.

– Разве мы знакомы? – с насмешливой озадаченностью произнес мужчина.

Пушистые ресницы Пенни затрепетали. Откуда-то издали проступило лицо. Серый фланелевый костюм венчали знаменитые черты, хорошо ведомые любому читателю супермаркетных таблоидов. Голубые глаза, на лбу светлая мальчишеская челка. От вежливой улыбки играют ямочки. Лицо гладко выбритое, приятное и безмятежное, как у куклы. Между бровями и на щеках ни складки; человек живет без забот и хлопот. Хотя из таблоидов Пенни помнила, что ему стукнуло сорок девять. И по едва заметным «гусиным лапкам» не скажешь, что их обладатель привык улыбаться.

Не поднимаясь, Пенни так и ахнула:

– Это же он! – Всхлип. – В смысле, который вы!

Клиентом фирмы он не числился. Ровно наоборот, ему предстояло быть ответчиком в деле о моральной компенсации. Надо думать, сюда его пригласили для дачи показаний.

Мужчина расположился в гостевом кресле с резной спинкой. Настоящий чиппендейл, обитый алой кожей. От мебельной политуры и обувного крема щипало в носу. Все стены были увешаны дипломами и заставлены стеллажами с томами по юриспруденции в кожаных переплетах.

За спиной гостя виднелся могучий стол красного дерева; после едва ли не вековой ручной полировки пчелиным воском столешница теперь отливала темно-малиновым. На дальнем конце стола вырисовывался сутулый силуэт с не менее багровой – в тон обстановке – лысиной, усыпанной старческой гречкой. Глаза слезятся, лошадиная физиономия перекошена от злости, тонким трясущимся губам не спрятать испорченные никотином вставные зубы. На всех дипломах и сертификатах каллиграфическим почерком выведено: «Альберт Бриллштейн».

В ответ на ее нелепое бормотание тот, что помоложе, галантно осведомился:

– Кто же вы, юная леди?

– Ровным счетом никто, – рявкнул из-за стола старший совладелец фирмы. – Ей тут вообще не место. Она сопля на побегушках, трижды завалившая экзамен в адвокатуру!

Пенни вздрогнула как от пощечины и, пристыженно отведя взгляд от голубых очей, вновь поймала свое отражение в зеркальной глади ботинка. А ведь шеф прав. Она ноль без палочки. Подиподайка. Неотесанная деревенщина, приехавшая в Нью-Йорк в поисках... как ее... лучшей доли. Типа того. Жестокая истина: ведь ей и вправду светит не сдать пресловутый экзамен. Так и будет перебирать

бумажки, подносить кофе – и до конца своих дней не видеть ей чего-то замечательного, чудесного.

Не дожидаясь, пока она встанет, мистер Бриллштейн скомандовал:

– Вон! – Ткнув костлявым пальцем в сторону двери, он рявкнул: – Убирайся!

В кармане блузки зашелся дрожью мобильник. Можно даже не смотреть, и так ясно, что это Моник пылает праведным гневом.

Бриллштейн прав. Ее место не здесь, а где-нибудь в пригороде Омахи. Выйти там замуж за незлобивого выпускника «Сигма хи», родить ему пару ребятишек, и чтобы третий был уже на подходе. Да, такова ее доля. Ходила бы сейчас в детских слюнях вместо эспрессо.

Ее отражение в ботинке съезжилось до размеров Алуэтты д'Амбрози на экранчиках мобильных. На глаза навернулись слезы, одна предательски скатилась по щеке. От ненависти к самой себе хотелось кричать. Пенни украдкой смахнула соленую каплю в надежде, что никто не заметит. Упираясь руками в ковер, она попробовала встать, однако смесь из карамели, взбитых сливок и шоколадного сиропа держала намертво. Даже если выйдет подняться, блузка наверняка промокла и теперь просвечивает.

При всем своем невинно-добродушном оттенке голубые глаза смотрели на нее не мигая, под стать настоящей камере. Фиксировали, взвешивали, запоминали. До красавца ему так же далеко, как и ей, зато какой волевой подбородок! Так и веет уверенностью в себе.

– Мистер Максвелл, – залезбизил Бриллштейн, – прошу прощения за сей жуткий инцидент. – Он схватил телефон и потыкал в кнопки. – Не беспокойтесь, нахалка покинет это здание немедленно. Охрана! – рявкнул он в трубку.

Судя по яростному тону, Бриллштейн явно вознамерился скинуть ее с крыши.

– Позвольте помочь, – предложил блондин, наклоняясь ближе.

На пальце сверкнул массивный камень. Позже Пенни узнает, что это третий по величине рубин, добытый в Шри-Ланке. Раньше сей великолепный камень принадлежал султанам и махараджам, а теперь стал ее шансом на спасение. Ладонь, стиснувшая руку девушки, оказалась на удивление прохладной. Не менее поразительная сила вздернула ее на ноги, а затем губы – те самые, что целовали кинозвезд и принцесс крови – промолвили:

– Поскольку вечер у вас освободился, не согласитесь поужинать со мной?

Продавщица в «Бонвит Теллер» смерила Пенни пренебрежительным взглядом.

– Что-то интересует? – ехидно осведомилась она.

Пенни бежала к магазину все восемь кварталов от метро и никак не могла отдышаться.

– Платье? – неуверенно пробормотала она. И уже решительнее добавила: – Вечернее.

Продавщица оглядела клиентку с ног до головы, не упуская ни единой детали. От ее внимания не ускользнули ни до трагичности контрафактные туфли от «Джимми Чу», купленные на распродаже в Омахе, ни сумочка с потрепанным ремешком и пятнами от орехового пирога. Френч а-ля «Берберы» не скрывал блузки, заляпанной кофе со сливками, так что от самой платформы ее преследовали мухи, учуявшие запах сладкого. Непринужденным жестом Пенни попробовала отогнать назойливых насекомых. Человеку непривычному она, должна быть, казалась городской сумасшедшей. Продавщица затягивала с решением, и Пенни захотелось развернуться – хотя бы и на сбитых каблуках, – чтобы показать спину чванливой дамочке.

Та, в свою очередь, изрядно смахивала на светскую львицу с Манхэттена. В «Шанели» от макушки до пят. Маникюр безупречен. Никаких тебе мух на светлом челе без единой морщины. Даже над идеальной укладкой, подлые, не вьются.

Наконец продавщица равнодушно процедила:

– Для спецоказии?

Пенни открыла было рот объяснить ситуацию, но вовремя прикусила язычок. Первый мужчина на свете пригласил ее отужинать. Скажем, в восемь? – предложил он. В «Ше ромен»? В самом дорогом заведении города, если не всего мира. Столик там заказывали за несколько лет вперед. Лет! Он даже согласился не заезжать за ней, а встретить на месте. Не хватало, чтобы миллиардер увидел ее квартирку – на шестом этаже, лифта сроду не было, – которую Пенни делила с двумя соседками.

Конечно, она прямо умирала от желания похвастаться. В хорошие новости начинаешь сам верить, лишь когда поделишься ими с как минимум дюжиной человек. Но эта спесивая особь из «Бонвит Теллер» просто лишний раз убедится, что Пенни – чокнутая бомжиха, приперлась тратить ее драгоценное время.

На кончик носа уселась муха, и Пенни махнула рукой. Успокойся наконец. Она не чокнутая. И отступать не намерена. Стараясь не подпустить в голос страху, она сказала:

– Покажите мне вечернее платье из сезонной коллекции «Дольче и Габбана». Которое с присборенной талией.

Продавщица хитро прищурилась, уточняя:

– А-а, из креп-шифона?

– Нет, атласное, – торжествующе улыбнулась Пенни. – С ассиметричным подолом.

Все-таки стояние в очередях не прошло даром. Именно в таком наряде Дженнифер Лопес прошла по красной дорожке на прошлогоднем «Оскаре».

Зловредница оценивающе оглядела ее фигуру:

– Четырнадцатый размер?

– Де-ся-тый, – отбила удар Пенни. Она знала, что у нее мухи в волосах, зато носила их будто черный таитянский жемчуг.

Продавщица поплелась разыскивать платье, и Пенни почти взмолилась, чтобы та пропала без вести. Чистое безумие! Да она в жизни не тратила на шмотки больше полусотни долларов зараз – и тут на тебе: просит наряд под пять тысяч. Несколько нажатий клавиш, и на экране мобильного высветился ее кредитный лимит: получалось впритык. Но! Если все-таки оформить покупку, поносить платье буквально пару часов – чисто для ужина, – а утром под тем или иным предлогом вернуть, воспоминаний и рассказов хватит до конца жизни. Главное, отдавать себе отчет в реальности. Сегодня вечером ее счастливый шанс, пусть и крохотный. Корнелиус Максвелл славился широкими жестами. По-другому это приглашение не объяснишь. Он увидел ее униженной, растекшейся по коврику перед злобным боссом, и теперь хотел вернуть ей чувство самоуважения. Поистине рыцарский поступок.

А из таблоидов Пенни знала, что Корнелиус Максвелл был настоящим рыцарем.

Они мало чем отличались по происхождению. Родился в Сиэтле, рос без отца, мать вкалывала медсестрой, и Максвелл с детства мечтал обеспечить ей блестящую жизнь. Однако мама погибла. Ехала в автобусе, тот куда-то врезался. Произошло это, когда Корнелиус уже учился в аспирантуре Вашингтонского университета. Год спустя он основал «ДатаМикроКом» в комнате студенческой общаги, а еще через год вошел в сотню самых богатых предпринимателей мира.

Одной из первых в череде его сногшибательных подруг была Кларисса Хайнд, слабейшая кандидатка в сенат Нью-Йорка. Благодаря финансовой поддержке и политическим связям любовника она победила и еще до окончания первого срока нацелилась на звание самого молодого сенатора. СМИ просто боготворили эту пару: миниатюрная сенаторша и харизматичный миллиардер-компьютерщик. Его деньги, помноженные на ее упорство, обеспечили ей уверенную победу на выборах. Вжжик – скачок во времени – и три года назад Кларисса Хайнд воплощает не только свои амбиции, но и мечту миллионов американок: впервые в истории пост президента США занимает женщина.

На протяжении всей этой сказочной эпопеи Корни Максвелл постоянно был рядом, без усталости разъезжал по стране, нахваливая подругу, поддерживал ее как на публике, так и наедине. Но пожениться не поженились. Ходили слухи про выкидыш. Поговаривали даже, что она предлагала ему должность вице-президента, но сразу по завершении выборов вышел пресс-релиз, где объявлялось о распаде их тандема. На совместной пресс-конференции госпожа президент и ее неотразимый спутник вещали о взаимном уважении и крепкой дружбе, однако романтическая страница их отношений была уже перевернута.

Пенни понимала, что такой успех требует огромной самоотдачи и жертв, но на снимках папарацци все смотрелось просто и безболезненно. Ведь это президент Хайнд подтолкнула ее стать адвокатессой. А может, помечтаем? Вдруг Корни Максвелл ищет новую протекцию? А что, взял да углядел в ней скрытый потенциал. И сегодняшняя встреча – как бы собеседование, и если все сложится, Пенни Харриган займет ведущее место на мировой арене. Войдет в круг избранных.

Жирная муха залетела ей в рот, оборвав сладостные грезы. Наяву, стоя в отделе женского платья, Пенни раскашлялась и принялась отплеиваться.

Вот так всегда. Только поддайся, раскатай губы, как жизнь найдет способ уязвить тебя в самое сердце. Речь-то идет о К. Линусе Максвелле, который меняет дам как перчатки. После Клариссы он закрутил роман с представительницей британской королевской семьи. С принцессой, ни больше ни меньше, да не с какой-нибудь уродиной, продуктом кровосмешения. Э-э нет, эту неуклюжей дурой не назовешь. Принцесса Гвендолин была красавицей. Стояла третьей по линии наследования престола; без двух минут королева. И вновь они смотрелись идеальной парой: европейская аристократка и гениальный янки: хай-тек, ноу-хау, все дела. Мир ждал: ну чего тянете, объявляйте дату!.. После того как короля свалила анархистская пуля, Корни поддерживал рыдающую принцессу на папиных похоронах. Ну а когда нелепейший случай – вообразить только: тебе не снег, а космический спутник сваливается на голову! – унес жизнь ее брата-кронпринца, коронация Гвендолин стала лишь вопросом времени.

По всему выходило, что жить бы Корни Максвеллу в Букингемском дворце да радоваться. Увы, история повторилась. Магнат и аристократка расстались теплыми друзьями.

Итак, он дважды увильнул от брака с влиятельнейшими женщинами на земле.

Если верить слухам, Максвелл боялся женщин статусом выше себя, чем и заработал презрение таблоидов. Однако Пенни вслед за большинством считала, что К. Линус Максвелл в душе так и остался сиротой, который ищет замену утраченной матушке, чтобы излить на нее потоки нежности и денег.

Все его бывшие пассии только выиграли от этой связи. Кларисса Хайнд из застенчивого новобранца в политике прыгнула в лидеры свободного мира. Принцесса Гвендолин, при всей своей красоте полноватенькая, за время отношений с магнатом живо сбросила лишний вес и теперь дает фору любой модели с обложек модных журналов. Даже Алуэтта поборола своих демонов. Таблоиды взалб писали о пьяных выходках, приправленных наркотой, но Максвелл взялся за нее и вылечил. Его любовь сделала то, чего не вышло у десяти программ принудительной реабилитации по решению суда...

Затрясся мобильный. Моник. На сей раз о стульях ни слова, только истеричное «ПЗВН СРЧН!!!». В «Би-Би-Би» все, поди, уже в курсе. Эх! Пенни даже расстроилась. Как-то неловко стоять в одном ряду с президентшей Хайнд, ее высочеством Гвендолин и Алуэттой д'Амбрози. И кто там был еще? Вроде бы поэтесса, лауреат Нобелевской премии. Потом японка, наследница сталелитейной империи. Владелица сети газет. Хрустальная туфелька так никому и не пришлось в пору.

Пенни старалась об этом не думать, но еще часы не пробьют полночь, как может решиться ее судьба.

Ответить на эсмэску она не успела: появилась продавщица с полосой алого шифона через руку. Подведенная карандашом бровь скептически надломлена.

– Прошу. Десятый размер, – мстительным тоном сообщила она и сделала знак следовать за ней в примерочную.

Президент Пенни Харриган. Миссис К. Линус Максвелл.

Внутри все пело. Завтра ее имя крупным шрифтом появится среди звезд, и не где-нибудь, а на шестой странице «Пост». Ух, завтра эта выскочка из «Бонвит Теллер» узнает, кто такая Пенни. Да завтра весь город о ней узнает!

Впрочем, при любом раскладе с платьем нужно обращаться крайне осторожно.

Сейчас три часа. Ужин в восемь. Времени как раз чтобы сходить в салон красоты на эпиляцию ног воском, уложить волосы и позвонить родителям. Может, хоть так удастся поверить в происходящее.

– У вас ведь действует система возврата? – семена за продавщицей, обеспокоенно поинтересовалась Пенни. И заодно скрестила пальцы, чтобы «молния» сошлась снизу доверху.

Гуань Ци и Эсперанса были идеальными соседками для квартирки-студии в Джексон-Хайтс. Месяцами ранее, помогая Пенни укладывать чемодан, мать с высоты возраста и прожитых лет настоятельно советовала взять в соседки китайку и кого-нибудь из латиноамериканок.

Пусть предки Пенелопы и впадали порой в расизм, но строго в интересах дочери. В мультикультурном, этнически неоднородном домохозяйстве меньше шансов, что девушки будут пользоваться общей косметичкой. Во-первых, косметика нынче дорогая, а если ее всем подряд одалживать, можно запросто заразиться тем же стафилококком. Что ж, здравый совет. Ни герпес, ни клопов никто не отменял. Вот тебе родительская мудрость, соль земли. Мотай, как говорится, на ус.

Однако вопреки самым благим, хотя бы и по-деревенски наивным намерениям родичей, юное

поликультурное трио быстро сблизилось, и девушки вовсю делились нарядами, секретами и даже контактными линзами. Мало что оставалось за рамками.

Эсперанса, жгучая латиноамериканка с высокой грудью и темными лукавыми глазами, притворно негодовала по бытовым пустякам: банальная смена лампочки или мытье посуды неизменно сопровождалось ее темпераментным «Ай-яй-яй, карамба!». Всякий раз эти стереотипные – как под копирку – вспышки гнева веселили Пенни чуть ли не до колик. Соседка явно не тяготилась условностями и не чуралась самоиронии. Сам факт, что Эсперанса могла швырнуть на пол богато украшенное сомбреро и устроить вокруг него танцы, свидетельствовал о свежем, не скованном политкорректностью самосознании.

Тихая и безжалостная Гуань Ци была полной противоположностью вспыльчивой сеньорите. Азиатка бесшумно передвигалась по тесной квартирке, стирала пыль с плинтусов, подстригала свой бонсайчик, складывала свисающий край туалетного рулона в оригами-сюрприз для следующего посетителя санузла. Словом, в общем и целом превращала хаос в порядок. Ее безмятежное лицо и манеры действовали как бальзам на рану. А каскад густых, черных как смоль волос не шел ни в какое сравнение с конским хвостиком Пенни.

За пару часов до знакового ужина Пенни умолила соседок призвать на помощь все свое искусство, чтобы довести до совершенства ее облик. Пусть Эсперанса покрасит ей глаза в тон гаванского заката, а от Гуань Ци она хотела, чтобы та уложила ей волосы... э-э... ну как бы снопами, что ли. Из тяжелого шелка. Подруги трудились без усталости, обхаживая ее, как свидетельницы – нервную невесту. Совместными трудами Пенни нарядили и причесали.

Шикарное платье и вовсе сделало из нее нечто ослепительное. Гуань Ци дополнила образ элегантным кулоном из ярко-зеленого нефрита в форме дракона с глазами-жемчужинками. Настоящая семейная реликвия. Эсперанса тоже не ударила в грязь лицом, одолжив любимые серьги: крошечные пиньюты, инкрустированные стразами. Не важно, поверили девушки в историю про ужин с богатейшим человеком на свете или нет; обе увлажненными глазами взирали на преображенную подругу.

Звонок в дверь. Такси заказывали? Подано.

В последнюю секунду, затаив дыхание, Пенни нырнула в ванную за серой пластиковой коробочкой, припрятанной там с незапамятных времен. В ней лежала ее диафрагма. Тридцатиграммовая броня, которая не потребовалась аж с зимнего бала на старшем курсе. Лихорадочно шаря по полкам, Пенни гадала, не испортился ли контрацептив от затяжного безделья. А если латекс пересох и стал ломким, как порой случается с презервативами? Вдруг колпачок потрескался? Или вообще пошел плесенью? Выхватив коробочку из недр выдвижного ящика, она открыла ее – и ахнула. Пусто!

Притопывая ногой с наигранной свирепостью, Пенни приперла соседку к стенке. Потрясла у нее под носом уликой, на которой значилось: «Пенелопа Харриган», дальше шли имя и адрес семейного терапевта в Омахе. Выставив коробочку на кухонный столик подле ржавого, заляпанного жженым сыром тостера, она решительно заявила:

– Сейчас я выключу свет и сосчитаю до десяти. Договорились? – Лица обеих товарок оставались непроницаемыми. Никто не покраснел, не потупился. – Обещаю, без претензий.

Щелкнул выключатель, и кухня погрузилась во мрак. Отсчет пошел.

В темноте послышалось тихое хлюпанье, потом сдавленный смех.

– ...восемь, девять, десять.

Лампочка вспыхнула, озарив законное содержимое коробочки. Розоватая диафрагма поблескивала от свежих вагинальных выделений с бесстыдно налипшим лобковым волоском. Пенни напомнила себе сполоснуть штучковину, если нынешним вечером все сложится.

Закон подлости не заставил себя ждать. Такси безнадежно застряло в пробке, да еще в туннеле, где не ловил мобильник. Вот так всегда. Водитель бурно извинялся, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. Сказал, что она шикарно выглядит.

Обычный комплимент из вежливости. Да за такие деньги грех плохо выглядеть! К величайшей досаде продавщицы, платье уселось на юном теле как влитое. Новенькие лодочки от «Прада», купленные под занавес – гулять так гулять! – смотрелись просто изумительно. Впрочем, Пенни хватало ума осознавать, что ослепительной красотки из нее не получится.

Хотя бы мухи над головой не роятся, и то спасибо. И вообще, все лучше, чем жить на Среднем Западе.

Небраска и Пенни не сочетались. Ни в какую. Что в юности в Омахе, что в детстве в Шиппи, она

вечно чувствовала себя белой вороной. Начать хотя бы с того, что она никак на походила на своих крепко сбитых косолапых родителей, классических представителей ирландской диаспоры, все в веснушках, рыжие-прерыжие. А вот Пенни от природы досталась кожа цвета «персик со сливками». И светлая, как кора березы. Переезд в Нью-Йорк, родители тоже, разумеется, не одобрили.

Несколькими минутами ранее, усаживаясь в такси, Пенни позвонила в Омаху сообщить грандиозную новость и, услышав в трубке голос матери, спросила:

– Мам, ты сидишь?

– Артур! Скорее, дочь звонит! – крикнула та в сторону.

– У меня потрясающие новости, – зачастила Пенни, косясь на водителя в надежде, что тот подслушивает.

– У нас тоже! – воскликнула мать.

Раздался щелчок, и к разговору подключился отец.

– Твоя маменька вырастила помидор – ну вылитый Дэнни Томас!

– Обязательно пришлю тебе фото, – пообещала мать. – Такое надо видеть!

– Так что у тебя стряслось, сладкая? – спохватился отец.

Пенни выдержала паузу для пущего эффекта и заговорила нарочито громко, в расчете на таксиста:

– У меня свидание с К. Линусом Максвеллом.

Родители отреагировали не сразу.

Чтобы сэкономить на счетах за свет, отец пил кофе прямо в туалете. Мать лелеяла мечту о водяном матрасе. На день рождения предки регулярно посылали ей Библию с вложенной двадцатидолларовой купюрой. Вот вся их суть в двух словах.

– Вы вообще в курсе, кто такой К. Линус Максвелл? – напомнила о себе Пенни.

– Конечно, милая, – ровным голосом откликнулась мать. – Не в деревне живем.

А Пенни ждала их восторженных возгласов. Недоверчивого аханья. Да чего угодно!

В итоге отец заметил:

– Пенпенчик, мы любим тебя такой, какая ты есть. Брось выдумывать всякие глупости, чтобы нас впечатлить.

Ее называли лгуньей.

В этот-то момент таксист и заехал под реку. Связь оборвалась. Квартирные соседки тоже ей не поверили, зато суетились вокруг, накладывая тени и подводку, как самые настоящие подружки невесты. Завтра всем им придется поверить. Да она бы не стала заморачиваться по поводу внешности, не полезла бы из кожи вон ради лишь Максвелла. Сегодня ее узрит весь мир. Она войдет в ресторан никем, а к десерту станет знаменитостью. Завтра даже кумир Пенни, президент Хайнд, узнает о ее существовании.

По соседству от такси, в той же пробке, торчал черный седан с двумя мужчинами, смахивающими на телохранителей Алуэтты д'Амбрози: оба в дорогих темно-синих костюмах и зеркальных солнечных очках. На суровых угловатых лицах ни тени эмоций. Ни один не повернул головы в сторону Пенни, хотя она по опыту прекрасно знала, что и тот и другой глаз с нее не сводят.

Незнакомцы преследовали Пенни с раннего детства. Нарочито медленно ехали следом или парковались напротив школы и пялились. Иногда тащились пешком, держась на почтительном расстоянии. Как правило, по двое, порой по трое – в одинаковых темных костюмах и зеркальных солнечных очках. Волосы коротко стриженные, тщательно причесанные. Остроносые ботинки ярко блестят, даже когда преследователи, подобно двуногим гончим, брели за ней по мокрым от дождя футбольным полям или песчаным пляжам озера Манава.

Зимним полднем, когда редели сумерки, таинственный эскорт тенью следовал за Пенни по опустевшим фермерским угодьям, петляя среди высохших, потрепанных ветром стеблей кукурузы по дороге из школы домой. Порой один из соглядатаев оттягивал лацкан и бормотал пару слов в

пришпиленный микрофон. Другой делал знак вертолету, который также отслеживал каждый ее шаг. Иногда высоко в небе над ней кралась машина дирижабля. И так изо дня в день.

Сколько Пенни себя помнила, загадочные спутники тайно сопровождали ее по жизни. Причем всегда на периферии зрения. Вечно на заднем плане. Сто к одному, что сегодня они явятся в «Ше ромен».

Страх таинственные незнакомцы не внушали; напротив, с ними она чувствовала себя под надежной защитой. Впервые заметив слежку, Пенни решила, что за ней по пятам ходят агенты национальной безопасности, положенные всякому уважающему себя американцу. Все больше проникаясь симпатией к своим сторожам, она воспринимала их не иначе как ангелов-хранителей. И звание это они оправдали не единожды.

Как-то раз угрюмым зимним вечером она возвращалась домой по полю гниющего силоса. Вечернее небо своим цветом напоминало синяк. Ледяной воздух зловеще пропитался смрадом. И тут откуда ни возьмись обрушился убийственный смерч, выдавливая грязную пену из почвы и валя молочную скотину направо и налево. Мимо со свистом проносился острый как бритва сельскохозяйственный инвентарь. Градины размером с кулак колотили по юной голове.

Пенни уже решила, что ей конец, как вдруг неведомая сила повалила ее в канаву, а сверху навалилась мягкая, но неумолимая тяжесть. Мощи торнадо хватило лишь на пару секунд. Мягкая тяжесть приподнялась, и Пенни вмиг узнала одного из хранителей. Незнакомец в замаранном грязью костюме деликатно отстранился и зашагал прочь, не дожидаясь благодарности. Словом, проявил себя не пассивным наблюдателем, а настоящим героем. В тот вечер он спас ей жизнь.

Много лет спустя, когда Пенни поступила в колледж, накачанный пивом старшекурсник из «Дзета дельты» затащил ее в грязный подвал. Случилось это на пике празднования Клятвенной недели. Возможно, Пенни пообещала ухажеру лишнего, а когда пошла на попятную, тот в порыве злости распластал ее на полу, прижимая упирающееся тело коленками. Нарядное выходное платье лопнуло под беспощадным натиском мускулистых рук. Справившись с «молнией» на штанах, насильник извлек свой багровый инструмент. Однако даже в такой безвыходной ситуации Пенни повезло.

Хвала небу за агентов национальной безопасности, подумала Пенни, заметив, как от стены отделился незнакомец в серой фланели. Он мастерски вмазал нападавшему под дых и, пока несостоявшийся насильник ловил ртом воздух, Пенни успела удрать.

После переезда ангелы-хранители опять-таки ее не покидали. Неоновые огни Большого Яблока отражались в зеркальных очках, а их обладатели по-прежнему наблюдали за ней издалека. В том числе в «Бонвит Теллер». И в «Би-Би-Би»-конторе, не снимая фирменных очков даже в помещении. По мнению Пенни, они охраняли ее, как наверняка охраняли всех без исключения добропорядочных американцев. Ежеминутно.

Пока она была занята своими мыслями, пробка рассосалась. Такси подрулило к парадному входу «Ше ромен». Подскочил швейцар, распахнул дверцу. Пенни расплатилась и перевела дух. Мобильник показывал четверть девятого. Опоздала-таки.

Вот и последние секунды, чтобы проверить, все ли в порядке. Главное, мух нет.

Судя по репортажам «Нэшнл инкуайер», Дженнифер Лопес и Сальма Хайек не появлялись на красной дорожке без эскорта. Но у Пенни Харриган не было выбора. Мистера Вклинуса тоже не видно. Штат фотографов, дежуривший за плюшевым канатом, не удостоил ее взглядом. Никто не спешил заполучить ее снимок, не комментировал в микрофон, как шикарно она выглядит, не расспрашивал про платье. Подъехала новая машина. Швейцар снова бросился открывать дверцу, и Пенни не осталось ничего другого, как гордо шагнуть под золоченые своды ресторана.

В вестибюле она тщетно пыталась привлечь внимание метрдотеля. Ее просто не замечали. Рядом вальяжно фланировали элегантные гости в ожидании такси и свободных столиков. В общем гомене смеха и разговоров Пенни потерялась окончательно. Ее платье едва дотягивало до здешних стандартов. На бижутерию откровенно косились. Вновь потянуло развернуться и убежать, как от той чванливой дамочки в «Бонвит Теллер». Может, и правда податься домой? Там положим алую роскошь папиросной бумагой, а утром вместе с фирменным чехлом вернем в магазин. И смиримся, что мужчины разряда Максвелла не встречаются с девушками вроде нее.

Да и можно бы, не болтай она про свидание направо и налево. Теперь начнется: родители, соседки... Даже тот таксист сочтет ее лгуньей. А этого допустить нельзя. Ну хоть бы один светский хроникер ее заметил, хоть бы разочек щелкнул фотозатвор папарацци – и правда восторжествует! Гонимая этой мыслью, Пенни решительно направилась ко входу в банкетный зал. Вниз вела усталая ковром лестница, и всякий вновь прибывший неизбежно оказывался под перекрестными

взглядами многочисленной публики.

Стоя на верхней ступеньке, Пенни ощущала себя на краю высокого обрыва. Вперед манило будущее. Сзади напирали богатые и властные, блокируя путь к отступлению. Кто-то недвусмысленно громко прочистил глотку. В ресторане яблоку негде упасть, все места заняты. Из бельэтажа выглядывают менее удачливые претенденты на столики. Пенни торчала у всех на виду, будто угодила на сцену.

В середине зала сидел одинокий посетитель. Огни люстры зайчиками скакали в его светлой шевелюре. Мужчина коротал время, делая пометки серебряной ручкой в блокноте.

Чье-то горячее дыхание зашепотало девичье ухо, зашелестели слова:

– Мисс?

Говоривший громко фыркнул.

Весь ресторан не сводил глаз с блондина, но в чисто нью-йоркской манере: украдкой, поверх раскрытых меню. Ловили его отражение в полированном серебре лопаточек для масла.

Тот же голос за плечом добавил, на сей раз настойчивее:

– Попрошу не загроживать проход. Соболаговолите посторониться.

Похолодев, Пенни молила, чтобы одинокий гость заметил ее. Оценил, какая она красивая.

Очередь за спиной недовольно загудела. Пенни не могла двинуться с места. Придется кому-то – швейцару, парковщику – брать ее на руки и выносить за дверь, как мешок с картошкой.

Наконец блондин оторвался от блокнота, встретился глазами с Пенни. Народ хором проследил за его взглядом. Мужчина поднялся, и гомон моментально стих. словно взмыл невидимый занавес, призывая любителей оперы к молчанию.

Не отрывая глаз от гостыи, блондин пересек зал и взошел по лестнице. В двух ступеньках остановился, протянул руку. Ситуация в офисе повторялась с точностью до наоборот: теперь сверху оказалась Пенни.

Пальцы, стиснувшие ее ладонь, были по-прежнему холодными на ощупь.

Дальнейшее происходило как на развороте «Нэшнл инкуайрер»: К. Линус Максвелл в роли галантного эскорта. Точь-в-точь как это было с ее шикарными предшественницами. Помогает сойти в зал. Ведет мимо притихшей публики. Любезно отодвигает стул, усаживает, сам устраивается напротив и захлопывает блокнот.

Лишь тогда гул в зале потихоньку возобновился.

– Спасибо, что почтили меня своим присутствием, – поблагодарил Максвелл. – Выглядите просто потрясающе.

И Пенни впервые поверила, что достойна комплимента.

Затем ее визави подался вперед и стремительно замахнулся, как для пощечины. Пенни невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, перед ней, едва не касаясь носа костяшками, висел кулачище.

– Простите, если напугал; по-моему, она попалась.

Разжав пальцы, Корни Максвелл продемонстрировал раздавленный мушиный трупик.

Следующим утром Пенни стояла под дверями «Бонвит Теллер» уже за полчаса до открытия; она не могла позволить себе даже однодневный процент по кредиту за вчерашний наряд. Платье необходимо вернуть хотя бы и ценой опоздания на работу.

В сказках Золушка не бежит спозаранку возвращать обновку с туфельками, заодно поеживаясь от страха, что некий бдительный продавец выявит изъян и откажется принимать товар обратно.

Несмотря на сказочные яства и вина, особым волшебством на ужине не пахло. На них продолжали пялить глаза. Поди попробуй расслабиться и отдохнуть, когда сидишь как в аквариуме. И дело вовсе не в Максвелле: тот был заботлив – временами даже чересчур: слушал с интересом, иногда открывал блокнот и ломкой, паучьей скорописью делал пометки, словно конспектировал. Не романтический ужин, а скорее собеседование в особо неформальной обстановке. О себе кавалер

говорил скупно, не добавив ничего, о чем бы уже не писалось в «желтой прессе». Зато Пенни на нервной почве болтала без умолку и, будто страшась пауз, заполняла их рассказами о родителях – Миртл и Артуре, типичных обитателях пригородной жилой застройки. Пустилась в воспоминания о студенческой юности, поведала про своего обожаемого питомца, скотч-терьера Димпи, и его безвременной кончине в прошлом году.

Максвелл слушал сбивчивый монолог с вежливой улыбкой. Спасибо официантам, чье периодическое появление давало Пенни небольшую передышку.

– С позволения мадам... – официант грациозно повел рукой, затянутой в белую перчатку, – очень рекомендую наши фирменные суси *коббсира*.

Пенни победно улыбнулась:

– Звучит заманчиво.

Максвелл вопросительно поднял бровь:

– Вы ведь знаете, что это сырые гребешки *аояги*?

Нет, этого она не знала. Более того, Максвелл, сам того не подозревая, спас ей жизнь. У Пенни была чудовищная аллергия на моллюсков. Один сочный кусочек фирменного блюда – и лежать бы ее раздутому трупу на полу. Видя, что спутница встревожена, Максвелл мгновенно сориентировался, заявив:

– Принесите даме куриную запеканку с брокколи.

Слава богу, хоть кому-то не наплевать. Изо рта вновь полился бессвязный рассказ.

Она понимала, что выглядит глупо, но остановиться не могла. Впервые на нее обратили внимание, по крайней мере в Нью-Йорке. Здесь, вдали от дома, родительские чаяния сменились ее личным беспроектным отчаянием. Вечерами Пенни отправлялась блуждать по окрестностям и ходила до тех пор, пока город не засыпал, а ноги не начинали гудеть от усталости. Она бродила по Верхнему Ист-Сайду, мимо дремавших домов с недремлющими швейцарами, чей взгляд провожал ее из роскошных вестибюлей. Горделивые здания, шикарные апартаменты, предел мечтаний всех и каждого. Можно сказать, Пенни пыталась внушить себе, что вожделем того же. Потому как на деле все было не так. Она лишь притворялась, что хочет бриллианты от «Картье» и меха с витрин «Блумингдейла».

Ее не прельщали атрибуты успеха. Нет, Пенни жаждала настоящей власти, хотя и сама полагала свои амбиции бредовыми.

Вдобавок ее не интересовало ничего из того, что хотелось прочим женщинам. В них словно бес вселился, заставляя роем гоняться за мирскими благами. И это тревожило, вынуждало ощущать себя пчелкой-отщепенкой, которой заказан доступ в некий улей. Если девушка ровно дышит к героям киноэкрана и ароматическим свечкам, с ней, похоже, что-то не так.

Изо дня в день она наблюдала, как адвокатессы или властные бизнес-руководительницы яростно терзают мобильники, твякают приказы в трубку – и все без тени прогрессивных устремлений, эдакой просвещенности. С известных пор их карьера утратила ореол уникальности. Пенни же стремилась выйти за рамки рефлекторных условностей, навязываемых текущей гендерной политикой.

За десертом Пенни Харриган призналась, что сама не знает, чего хочет.

Адвокатура не была пределом ее мечтаний. В подростковом возрасте все – родители, учителя, исповедник – наперебой внушали ей, что человеку необходима цель и план ее достижения. Главное – чему-то себя посвятить. Карьеру адвоката она выбрала наугад, вытянула вслепую, как фант из шляпы. Если оставить в стороне Хайнд с ее президентством, карьера адвокатессы вдохновляла не больше, чем перспектива щеголять в собольем мантии, ведя на поводке двух афганских борзых с бриллиантовыми ошейниками на Верди в Метрополитен-опера. Нет, положив руку на сердце, призналась Пенни, она не знает, чего хочет, зато ей известно другое: ее ждет некая поистине славная судьба, причем очень скоро.

Максвелл не стал расспрашивать да уточнять, однако слушал внимательно. Вглядывался в нее, будто запоминая. В перерыве между закусками и салатом он снова достал блокнотик, в котором делал пометки перед ее приходом, и открыл его на чистой странице. Снял серебряный колпачок с авторучки и принялся записывать – по всей видимости, ее страхи. Наверняка не скажешь: слишком мелким, почти микроскопическим был почерк. Непрерывная писанина выдавала в Максвелле либо отъявленного хама, либо человека на редкость чуткого и отзывчивого.

Сам факт, что за ней конспектировали, заставлял стесняться, но остановить поток откровений не мог: словно прорвало шлюз. Пенни впервые призналась кому-то, что жизнь застопорилась. Прожив двадцать пять лет пайнкой-отличницей, она вдруг угодила в чудовищный тупик. Исчерпала свой внутренний потенциал. Пенни все говорила и говорила, хотя понимала, что им с Максвеллом вряд ли суждено встретиться снова. Лучшего исповедника и желать нельзя.

Напряжение наконец спало. Под пристальным взглядом мужчины Пенни расцвела. Похорошела. Осмелев от его внимания, качала головой, чтобы затанцевали сережки. Томно прижимала руку к груди, касаясь кончиками пальцев вьющегося нефритового дракона. Украшения напоминали, как ей повезло с подругами.

Голубые глаза Максвелла неотступно следили за каждым ее жестом. Он улыбался и не перебивал. Не отрывая встречного взгляда, он тем не менее продолжал строчить в блокноте.

Максвелл выглядел чуть ли не влюбленным. И не из-за минутной вспышки страсти. Любовь с первого взгляда тут тоже ни при чем. Нет, его явно очаровывал звук ее голоса. Он подавался вперед всем корпусом, будто целую жизнь искал только ее и теперь нашел.

Вот какого внимания Пенни хотела от мира. Чтобы повсюду ее знали и любили. О чем и не замедлила объявить. Вопрос лишь, как добиться всенародного признания. Для этого требовался учитель, наставник – словом, тот, кто поможет ей раскрыться.

Стоя перед запертой дверью бутика, Пенни специально держала фирменный чехол с платьем повыше, чтобы ненароком не подмести тротуар. Перед глазами одно за другим проплывали все те изысканные блюда, насладиться которыми ей так и не довелось. Уж слишком она боялась посадить пятно. Одно неловкое движение – и потом пять лет будешь расплачиваться за собственную неуклюжесть.

Когда привратник в «Бонвит Теллер» щелкнул замком, Пенни бросилась в знакомый отдел, где стояла та самая продавщица, что обслуживала ее меньше суток назад. Протянув чехол, Пенни собрала волю в кулак и отчеканила:

– Оформите, пожалуйста, возврат.

Продавщица положила вещь на прилавок, расстегнула «молнию» и принялась изучать атласные складки.

– Понимаете, дома примерила, – Пенни досадливо взмахнула рукой, – ну совсем не то.

Продавщица встряхнула и разгладила подол, тщательно осмотрела швы.

– Только примерили и все? – уточнила она.

– Да, – откликнулась Пенни, покрывшись испариной. Вдруг ее изобличит затяжка или следы пота?

– Вы уверены? Может, все-таки сходили куда-то на ужин? – без улыбки наседала та.

Ну точно – нашла виновное пятно! Или каплю шоколадного мусса. А может, унюхала табачный дым или парфюм. Возможно, всему виной воображение, но Пенни вдруг почудилось, что магазин битком набит людьми, и все – от посетителей до продавцов и последнего охранника – прислушиваются к их разговору.

– Уверена, – не сдавалась Пенни, хотя внутри все помертвело.

– И в «Ше ромен» не надевали?

– Нет, – пискнула девушка.

Продавщица подарила ей суровый взгляд.

– Хотела бы вам кое-что показать. – Убрав платье обратно в чехол, она порылась под прилавком и достала свежий выпуск «Нью-Йорк пост». «Ботаник раскручивает Доткомовскую Золушку», гласил заголовок.

По соседству с громадными буквами помещалась цветная фотография: Пенни с Максвеллом за столиком. Напротив друг друга. Локтем к локтю. Тут не отопрешься, платье она надевала.

– Позволю себе заметить, мисс, – проговорила продавщица тоном, не сулящим ничего хорошего, – это совершенно неприемлемо!

Все, попалась! Пенни быстренько подсчитала в уме. С учетом цены и текущего процента по кредиту, за платье удастся расплатиться годам эдак к сорока.

– За такую рекламу, – строго выговаривала продавщица, – «Дольче и Габбана» сами должны вам приплачивать. – Перегнувшись через стойку, она перешла на заговорщицкий шепот: – «Прада». «Фенди». «Гермес». Да они в очередь на вас выстроятся! – Залихватское подмигивание. – Ничего, не волнуйтесь, я все устрою. Свяжусь с кем надо, так что, если планируете и впредь встречаться с мистером Максвеллом, эти бренды вас озолотят.

Гм, заманчиво, но есть нюанс: хоть Максвелл и попросил номер ее телефона, жизненный опыт Пенни списывал это на банальную вежливость. Второе свидание не гарантировано. Никто ничего не обещал. Пенни не стала произносить это вслух, но еще не известно, свидятся ли они вновь.

Оглянувшись по сторонам, девушка отметила, что со всего бутика к ней потянулся народ. Мужчины. Женщины. Кто в униформе, кто в норковых шубках. И все как один со свежим номером «Пост» и сияющей физиономией.

Даже продавщица, еще вчера столь недружелюбная, нынче застенчиво улыбалась. Глазки у нее оживились, заиграли искорками. Она со вздохом прижала руку к груди, словно успокаивала взволнованное сердечко, и промолвила:

– Бога ради, простите за бестактность, но... – зардевшись под толстым слоем косметики, протянула Пенни газету. – Можно автограф для моей дочки?

К. Линус Максвелл не позвонил ни на следующий день, ни после. Так прошла неделя.

Вернувшись на работу, Пенни только отмахнулась от восторженных расспросов Моник, а сама тем же вечером отправилась в местный филиал «Чейз Манхэттен», где арендовала банковскую ячейку. Замок отпирался двумя ключами. Банковский клерк вставил свой, повернул и, дождавшись, когда Пенни повторит процедуру, вышел, оставив ее наедине с металлическим ящичком. Опасливо оглядевшись, она вытащила из сумочки крошечный розовый предмет, сунула в ящик и быстро заперла. Вызвала клерка. Теперь ее товарки со сверхразвитым коммунальным менталитетом не позаимствуют диафрагму.

Дома она вернула подругам сережки и кулон. Когда мобильник Пенни реагировал на входящий звонок или эсэмэску, Гуань Ци и Эсперанса выжидающе замирали. Но всякий раз это оказывались родители. Или продавщица из «Бонвит Теллер» уведомляла, что выбила для новой Золушки умопомрачительный наряд от Александра Маккуина и пару шпилек от Стеллы Маккартни.

Стоя в кассу в супермаркете, Пенни старалась смотреть на свое мороженое, а не на оружие заголовки таблоидов, мол, «Золушка получила отставку!». Назавтра в газетах появилась ее фотография: «Отвергнутая Золушка заедает стресс пломбиром!» Чистый сюр. Торчишь тут как дура с мороженым и вдруг видишь себя же вчерашнюю с таким же ведром. Но самое дикое: если верить свежим снимкам, она и впрямь пополнила! В магазине ее уже знали в лицо, норовили хлопнуть по плечу, чтобы как-то утешить. Кассирша отказывалась брать деньги: «За счет заведения, милочка». Стать объектом жалости в Нью-Йорке – городе, в принципе не знающем жалости... Докатилась, что и говорить.

Спустя несколько дней перестали сходить штаны – дала о себе знать утешающая, к тому же дармовая еда. И вот почему ее так удивило приглашение Тэда отобедать в «Русском самоваре». Устроившись в уединенной кабинке среди претенциозного антуража, Тэд развлекал ее байками про охоту за девичьими трусиками в Йеле и в деталях изложил свою биографию, явно понимая, до чего сильно проигрывает на фоне ее недавнего ухажера-миллиардера. Пытался хвастаться спортивными достижениями – дескать, стал капитаном студенческой гребной команды – и даже предъявил доказательство: изумрудную фуфайку с логотипом университета. Зануда, сил нет, но Пенни была ему благодарна. Его трескотня отвлекала от мрачных дум про публичное унижение и разбитые надежды. Если приглядеться, Тэд вполне симпатичный – лучше невзрачного блондинистого Макса, – вдобавок есть шанс, что какой-нибудь залетный репортер из «Пост» их щелкнет и опубликует снимок под заголовком «Золушка наносит ответный удар!».

К своему вящему изумлению, Пенни вдруг заметила, что держит Тэда за руку. Кадр наплывом: сплетенные пальцы на фоне белоснежной льняной скатерти. Если поначалу ей только хотелось создать видимость романа в расчете на зевак, то теперь... Творилось нечто волшебное. В воздухе поплыли флюиды. Проскочили искры. С треском. Из ладони в ладонь. А не сбегать ли к ячейке, пока банк не закрылся?..

Пенни не была ханжой, блюстительницей нравов, цокающей язычком. Не считала секс до свадьбы греховным... просто не видела особых преимуществ в безразборчивых половых отношениях. Готовя курсовую работу по гендерным исследованиям, она узнала, что оргазм недоступен тридцати

процентам женщин, и она, судя по всему, попадает в их число. К счастью, в жизни есть и другие радости. Латиноамериканский джаз, к примеру. Мороженое. Фильмы с Томом Беренджером. Глупо гоняться за недостижимым удовольствием, рискуя заработать герпес, вагинальные бородавки, гепатит, ВИЧ или нежелательную беременность.

Однако пальцы Тэда пахли так приятно. Как же она ошибалась на его счет! Амбициозный молодой адвокат жаждал ее, а не Моник. Об этом говорили его глаза. Может, и на сексе поторопилась поставить крест? Может, все дело в правильном партнере?

– Пенни... – запинаясь, промолвил Тэд.

– Да-да. – Она нервно сглотнула и, чтобы успокоиться, перевела застенчивый взгляд на хлебную корзинку с сырными хрустиками, а когда снова подняла глаза, повторила: – Да, Тэд?

Он крепче стиснул ей руку. Тэд и его головастик. Под конец их незамысловатого обеда на нее вдруг повеяло тем, чего так не хватало роскошному ужину в «Ше ромен»: страстью знойной и откровенно эротической.

В сумочке проснулся глубоко запрятанный мобильник, выбивая из настроения.

– Пенни, – продолжал Тэд, – я давно хотел сказать...

Навязчивое пикиканье не унималось. Пенни старалась не обращать внимания. Все ее тело напряглось.

Тэд, похоже, наконец набрался храбрости.

– Если ты больше не встречаешься... – Он вытянул губы гузкой и подался ближе. Ну совсем близко. Пенни чувствовала его дыхание, отдающее телятиной а-ля князь Орлофф.

От поцелуя Пенни увильнула. Проигнорировать *этот* звонок было невозможно.

– Извини, – сухо бросила она, доставая телефон.

Судя по рингтону, звонил Макс.

Это просто несправедливо. Как вы не поймете, пылко внушала Пенни всем и каждому, что К. Линус Максвелл не какой-нибудь компьютерный ботан, только и умеющий разбираться в Интернете. Он глава транснационального концерна, мирового лидера в сфере сетевых технологий, спутниковых телекоммуникаций и онлайн-банкинга. Не допускающим возражения тоном рассказывала Моник о максвелловых предприятиях, где занят миллион людей с хвостиком, а клиентов у них в сотни раз больше. Из года в год его благотворительный фонд жертвовал по миллиарду долларов на каждый из глобальных проектов по борьбе с голодом, онкологией и защитой прав женщин. Ситуация с президентством Хайнд лишней раз подтверждала, что Максвелл особенно радел за равенство полов. Он основал ряд школ в Пакистане и Афганистане, чтобы дать тамошним девушкам шанс на светлое будущее. Финансировал политические кампании по всему миру, помогая занимать ведущие посты тем женщинам, кто обладал лидерскими качествами.

Именно самоотверженность и альтруизм отличали Максвелла от прочих денежных мешков, убеждала всех Пенни.

Себе же говорила, что рядом с ним счастлива.

Говорила, да самой себе не верила.

На работе Моник приперла ее к стенке.

– Омаха, ты пользуешься диафрагмой? – тряхнула она головой, отчего забряцали унизанные бусинками дреды. И, не дожидаясь ответа, продолжала: – Если пользуешься, вытаскивай к чертям! Сожги и смой в унитазе! Дай мужику себя обрухатить!

Пенни промолчала, но на самом деле после месяца встреч они с Максвеллом так и не переспали.

Вдобавок родители повадились звонить ей именно по ночам. Наверное, надеялись застукать с поличным.

– Который час? – сонно бормотала она.

По межгороду доносился требовательный голос матери:

– Ну почему ты его не любишь? Такие богачи на дороге не валяются!

– Хотя бы притворилась, что любишь, – не отставал отец по смежному телефону.

– Мы лично не знакомы с мистером Максвеллом, но уже считаем его частью семьи, – щебетала мать.

Пенни повесила трубку, выдернула телефонный шнур из розетки и откинулась на подушку. В таком деле спешить нельзя. Сколько ее подруг прогулялись к алтарю, а теперь влачат унылое существование с добровольно-принудительным отплатлением супружеского долга. Как при пожизненном сроке, когда свидания со второй половиной можно по пальцам сосчитать. Не важно, в богатстве или в бедности, обоюдная страсть – вот залог счастливой семьи.

Пенни не давала покоя мысль, что все предыдущие романы Максвелла длились почему-то по сто тридцать шесть дней. Едва ли это совпадение. Именно сто тридцать шесть, ни днем больше, ни днем меньше.

И наконец, Максвелл сам не торопился загнать ее в койку. Неизменно вежливый, галантный, но вечно отстраненный. Пенни даже начала сомневаться, не покривила ли Алуэтта душой, назвав его лучшим любовником. Наверняка у французской красавицы бывали мужчины и получше, по-настоящему горячие и страстные самцы. А вот Максвелла неумоимо-напористым не назовешь. На каждом свидании он только и делал, что смотрел, слушал да строчил в блокнотике. На яхтенных вечеринках незнакомые женщины злобно таранились на его спутницу. Костлявые и прямые как скалка супермодели фыркали при виде ее нормальных, человеческих бедер. Недоуменно качали своими муравьиными головками со вздернутыми скулами. Мужчины плотоядно облизывались, решив, надо думать, что Пенни околдовала Максвелла особыми сексуальными талантами. В нескромных взглядах читались сцены разнузданной содомии, перемежаемой контрапунктными аккордами из орального секса. Вот бы народ подивился, узнав, что богатейший человек на свете приглашал ее покататься на лыжах в Берн, на бои быков в Мадрид и ни разу – в постель.

На момент встречи с Максвеллом Пенни не была девственницей. В колледже ей доводилось заниматься сексом. Но она никогда не заводила нескольких бойфрендов параллельно. И делала это только с парнями. И только не сзади! Она, во-первых, не извращенка, во-вторых, не шлюшка. Ее партнерами по большей части оказывались ребята из «Сигма хи», которые, в подражание галантным кавалерам, распахивали перед ней дверцу автомобиля, покупали крошечные букетики орхидей – бр-р! холодные! – и не менее ледяными, трясущимися пальцами прикалывали их к корсажу ее платья. Вдобавок каждый мнил себя прирожденным танцором и настоящим героем по части постельных подвигов. Однако на деле их танцевальные навыки ограничивались подскоками на месте, хотя между простынями эти самцы действительно наводили на мысль о документальных съемках из «Мира животных». Про макак, тыкающих палкой в муравейник.

Итак, секс у Пенни был, только оргазма не было. Настоящего, до слез и судорог, того самого, от которого сводит челюсти и о котором все время пишут в «Космополитене».

Да, окончив юридический колледж, Пенни не была девственницей, но это тоже не повод расслабляться.

В Париже, во время эксклюзивного суаре на верхней площадке Эйфелевой башни, ей довелось лично пообщаться с Алуэттой д'Амбрози. На частном сверхзвуковом самолете до Парижа не дальше, чем до центра Манхэттена. Максвелл мог в любой момент увести ее на другой конец света просто пообедать, но к полуночи неизменно возвращал в убогую квартирку на Джексон-Хайтс. Когда из вечера на вечер на светских тусовках и премьерах видишь одни и те же брезгливые или похотливые физиономии так называемых сливок общества, мир кажется еще теснее. Даже на вершине Эйфелевой башни, когда у твоих ног распростерся сияющий Париж, Пенни лишь потягивала шампанское, робея перед сильными мира сего. Хотя ночь выдалась теплой, девушка мерзла в открытом платье от Веры Вонг. Максвелл, обычно столь заботливый, был вынужден куда-то отлучиться, и теперь ее сверлил чей-то враждебный взгляд. Посмотрев по сторонам, Пенни поняла, что не ошиблась: двоящим лазером ее жгли зрачки знаменитой актрисы, четырехкратной лауреатки премии Американской академии киноискусств. В нынешнем году она получила очередную номинацию, и через несколько недель ее ждал пятый «Оскар». Именно эту женщину Пенни видела размноженной на экранчиках сотовых телефонов.

Назревала схватка! Гости жадно наблюдали, как актриса подбирается к сопернице, описывая хищные круги вокруг добычи. Обтягивающий костюм из обливной черной кожи придавал ей сходство с пантерой. Изящные ноздри трепетали. Сквозь оскаленные зубы вырывалось змеиное шипение.

Продавщица из «Бонвит Теллер» сдержала обещание: свела Пенни с ведущими кутюрье, и те

наряжали ее как куколку, однако по сравнению с приближающейся сердцеедкой девушка чувствовала себя бомжихой. Как всегда, потянуло удрать с поля битвы. Только бы Максвелл поскорее вернулся! Вот Моник запросто отбилась бы от свирепой амазонки, да и Дженнифер Лопес и Пенелопа Крус наверняка сумели бы задать француженке хорошую трепку. Пенни же не нашла ничего лучше, как отвернуться и напрячься в ожидании удара.

– Мышь серая, – раздался за спиной голос. Акцент резкий, отлично знакомый по множеству фильмов.

Острые коготки впились Пенни в плечо, вынуждая повернуться лицом. До невозможности холёные черты искажала ненависть.

– Что, мышь, боишься? – Алуэтта д'Амбрози выпятила подбородок. – То-то же. Гляди мне.

Пенни покрепче вцепилась в фужер с шампанским. Ежели дойдет до драки, надо будет плеснуть актриске в глаза. И сразу ноги!

– Запомни, ни при каком раскладе... – Алуэтта погрозила ей тонким, идеально наманикюренным пальчиком, – ... не вздумай с ним спать. Поняла? Не вздумай!

Толпа разочарованно поджала губы, когда кинодива отвернулась и пошла прочь; народ расступался. Пока Алуэтта не скрылась за дверью лифта, никто не вымолвил и слова.

По всему выходило, что отвергнутая пассия ревнует. Французская богиня до сих пор влюблена. Пенни посмеялась про себя. Ей, самой заурядной Пенни Харриган, завидует мировой секс-символ.

Вернулся Максвелл. По обыкновению, устроился рядом и застрочил в блокноте. Ну что ты будешь делать...

– Ты в порядке? – спросил он, наконец заметив, что спутница обиженно молчит.

Та вкратце обрисовала пропущенную им сценку. Как Алуэтта подошла к ней, пригрозила. На бесстрастном лице Максвелла мелькнуло странное выражение. Такого Пенни еще не видела. Смесь гнева и... любви? Теплый ветерок шевелил его светлые волосы.

И Пенни не устояла. Виной ли тому физическое влечение или желание позлить Алуэтту, но ей вдруг страстно захотелось переспать с Максом. Она взяла его ладони в свои.

– Давай отложим вылет. – Пенни поднесла прохладную мужскую руку к губам и поцеловала. – Переночуем тут, а утром вернемся в Нью-Йорк.

Прикосновения Максвелла-любownika напоминали о визите к гинекологу. Акушерский циркуль, а не пальцы. То ли врач, то ли ученый; прощупывает, будто пульс замеряет. Время от времени он отрывался от нее, чтобы неразборчивой паучьей скорописью сделать очередную пометку.

Той ночью в Париже слегка подвыпившая, обнаженная Пенни впервые очутилась в постели Макса. Он уже стоял на коленках между ее раздвинутыми ногами.

На прикроватной тумбочке теснились всякие диковинки. Тут были граненые хрустальные флакончики, как из-под духов, наполненные неведомой жидкостью сочных оттенков. Словно гигантские рубины, топазы и изумруды, они рождали ассоциации с массивным сапфиром на шее Алуэтты д'Амбрози. Среди этих живописных склянок поблескивали простецкие мензурки и пробирки, из тех, что можно найти в школьном кабинете химии. Имелась также картонная коробка, где вместо бумажных салфеток лежали латексные перчатки; одна чуть топорщилась наготове – только потяни да надевай. Ассорти из презервативов в лабораторном стакане. Ну и конечно, записная книжка Макса. Куда без нее! Аппендикс романтического соития. Последним Пенни различила миниатюрный диктофон – в какие управленцы высшего звена на бегу надиктовывают свои мысли. На ближайшем к постели краю стояло шампанское.

Максвелл, казалось, и не замечал ни собственной эрекции, ни наготы Пенни в паре дюймов от себя. Свесившись с кровати, он первым делом налил вина в мерный цилиндр. Пш-ш-ш! – побежали розовые пузырьки. Надо же, розовое шампанское... Передав стаканчик Пенни, Макс поднял бутылку и провозгласил тост:

– За инновации и прогресс!

Каждый пригубил искристого напитка из своей посуды.

– Только не пей все, моя радость. – Он щелкнул пальцами, давая понять, что хочет стаканчик обратно. Плеснул туда еще вина, отставил бутылку. С великим тщанием принялся перебирать

хрустальные флакончики, из кое-каких добавляя по капле яркого сиропа; при этом взад-вперед листал страницы блокнота, точно сверялся с зашифрованным рецептом.

Ни на секунду не отрываясь от дела, Максвелл рассеянно бормотал:

– Люди такие наивные... Изучают все подряд, за исключением самого главного. – Губы сложились в кривую усмешку. – Я же посвятил себя исследованию тончайших нюансов чувственности. Черпал знания у врачей и анатомов, препарировал трупы – как мужские, так и женские, – чтобы понять механизм удовольствия.

Равномерно взбалтывая содержимое мерного цилиндра, Максвелл вопросительно нахмурился, взглянув на Пенни.

– Ты когда-нибудь испытывала оргазм?

– Конечно, – поспешно откликнулась она. Слишком поспешно. Чем и выдала себя с головой.

Усмехнувшись, Максвелл продолжил:

– Я пошел в ученики к величайшим секс-экспертам мира. – В его голосе не было и тени бахвальства. – Набирался знаний от тантрических шаманов в Марокко. Овладевал энергией кундалини. Консультировался у ведущих химиков-органиков по поводу коэффициентов трения для различных типов кожи.

Пенни скользнула взглядом по его обнаженному телу. Из «Нэшнл инкуайрер» она доподлинно знала, что магнату стукнуло сорок девять. По возрасту он годился ей в отцы, а художавостью сложения напоминал насекомого. Конечности пропорциональные, четко вылепленные. Как у муравья или шершня. Над бледной безволосой кожей будто трудился умелый портной: ни морщин, ни складок. Плечи и руки без намеков на веснушки или родинки. Слушая про его творческий подход к сексу, Пенни ожидала увидеть колечки в сосках, грудь в наколках или шрамах после садо-мазо игрищ по обоюдному согласию. Ан нет. Лишь гладкая – словно у ребенка – кожа, обтягивающая не по-детски крепкие мускулы.

– Моя секретная рецептура, – объявил Максвелл, давая Пенни понюхать смесь игристого вина и загадочных ингредиентов в стаканчике.

Пузырьков поубавилось, а запах был сладкий, кондитерский. Как бы клубничный.

Пенни с сомнением покосилась на лабораторную посуду, полную жидкости.

– Мне нужно это пить?

– Скорее, нет.

Порывшись в тумбочке, Максвелл достал нечто похожее на брызгалку – красный яйцевидный предмет из губчатой резины размером с грейпфрут. На одном из концов устроено что-то вроде длинного носика из белого материала.

– Вагинальная спринцовка, – пояснил он и поднес инструмент ближе, чтобы можно было все рассмотреть в деталях. Показал, как отвинчивается носик – в резине, как выяснилось, имелась резьба, – потом заправил грушу розовой смесью из мерного цилиндра. Пока завинчивал носик обратно, до Пенни наконец доперло.

– Для промывания? – встревоженно уточнила она.

Макс кивнул.

Пенни заерзала на постели.

– Считаешь, у меня там недостаточно чисто?

Макс уже вовсю шевелил пальцами, расправляя каучуковые перчатки:

– Главное, чтобы на кожу не попало...

Пенни насторожилась.

– Расслабься. – Он тихо фыркнул. – Здесь очень щадящий нейростимулятор с «эликсиром блаженства». Тебе понравится.

И сунул носик ей между ног, вода по стенкам лона.

Скользнул глубже.

– Наслаждайся, – сказал он, надавливая на грушу. Процесс спринцевания пошел.

Пенни ощутила, как ее заполняет холодная шипучая пена.

Свободной рукой Макс не давал девушке шевельнуться, медленными круговыми движениями поглаживая живот. Все его тело было столь же холодным и твердым, как и пальцы.

Груша опустела; Максвелл извлек спринцовку и чистым мягким полотенцем подхватил несколько убежавших капель.

– Умница, – похвалил он. – Теперь поддержи это в себе с минуту. – Надорвав зубами пакетик с презервативом, он равномерно раскатал латекс до основания члена. – Все у тебя получается.

Пенни гнала прочь мысль, что титулованная президент Хайнд тоже подвергалась процедуре спринцевания волшебным шампанским.

По-прежнему пребывая между ее раздвинутыми коленками, Максвелл сказал:

– Я люблю тебя оттого, что ты самая типичная.

Если это комплимент, то ей доводилось слышать и получше.

– Да я не в обиду, – негромко продолжал он. – Даже наоборот. Смотри: у тебя влагалище как по учебнику. Большие половые губы полностью симметричны, а преанальный изгиб, капюшон клитора и уздечка малых половых губ – это... это... – Не найдя подходящих слов, Макс прижал ладонь к сердцу и глубоко вздохнул. – В биологическом смысле ординарность параметров не имеет цены. Пропорции твоих гениталий вкладываются в золотой стандарт.

Под его пристальным взглядом Пенни ощущала себя не женщиной, а научным биоматериалом. Морской свинкой.

Не подняла настроения и его следующая сентенция:

– Почти весь мировой рынок ориентирован на женщин твоей возрастной когорты и потребительской децили.

Не иначе как под влиянием таинственной смеси у Пенни возникло ощущение, что во рту один за другим тают зубы. За ними последовали голени и бедренные кости.

– Это обострит тебе впечатления. – Максвелл расставил колени, тем самым шире раздвигая ей ноги. Перед глазами замаячил эрегированный и зачехленный пенис.

Натягивая поверх первого презерватива второй, Максвелл неторопливо читал лекцию, попутно оглядывая склянки на тумбочке. Отыскав нужный флакончик, вытряхнул несколько капель чего-то прозрачно-тягучего себе на ладонь, прибавив к ним еще два ингредиента.

– У тебя слегка кислотный pH. Я подготовил лубрикант, в точности удовлетворяющий твоим индивидуальным эротическим потребностям.

Он принялся медленно втирать маслянистую смесь в вульву, стараясь не угодить пальцами слишком глубоко. Остатки размазал по своему половому органу.

Обмякнув тряпичной куклой, Пенни только хихикнула.

Макс снова потянулся к тумбочке. На сей раз в его руке очутился диктофон.

– С твоего разрешения, я запишу это совокупление для последующего анализа.

Приборчик сиял крошечным алым огоньком.

– Подопытная демонстрирует симптомы повышенной игривости, – диктовал Максвелл, – что свидетельствует об эффективности вагинального спринцевания.

С этими словами вскарабкался сверху и всадил свой отвердевший отросток, еще больше надавливая на жидкость внутри. С каждым толчком он проникал все глубже, взбалтывая и вспенивая смесь.

Пенни всхлипнула. Вскрикнула – от боли пополам с удовольствием. Почувствовала, как из нее потекло; кровать вмиг стала мокрой. Жидкость внутри расширялась, заполняя все ее существо. Напрасно она корчилась, борясь с нарастающим ощущением. Наслаждение властно подчиняло себе все и вся, и Пенни поняла, почему так горевала и бесилась Алуэтта. Из чего бы ни состояла розовая

субстанция, под напором бедер и члена Максвелла она медленно, но верно проникала в кровеносную систему. В расслабленных ногах возникло небывалое ощущение легкости, как будто паришь над землей. Следом невесомость перекинулась на руки. Кажется, даже грудь набухла. Сознание расширилось, силясь постигнуть неведомый прежде восторг.

Про самого Максвелла она почти забыла, а тот, неторопливо совершая фрикции, бесстрастно вглядывался в нее, отслеживая реакцию. Смочив слюной пальцы, он принялся крутить ей соски, сосредоточившись подстать «медвежатнику». Не сбиваясь с темпа, взял ручку и сделал очередную пометку в блокноте.

Он гладил и пощипывал внутреннюю поверхность бедер, не забывая про клитор; менял угол захода и периодичность толчков; в зависимости от эффекта варьировал глубину проникновения.

– Диафрагма таза подопытной расслаблена до предела, – сообщил Максвелл диктофону.

Рукой в перчатке залез ей под поясницу и, как слепой с брайлевским текстом, принялся выщупывать позвоночник. Найдя наконец нужную точку, его пальцы усилили нажим.

– Объясняю специально для тебя, – сказал он. – Сейчас я осуществляю компрессионный массаж антериальной артерии Гибберта подушечками двух пальцев. Этой незамысловатой тантрической технике меня обучил йог в Шри-Ланке. – Максвелл вещал тоном опытного гида: непринужденно и чуть снисходительно. – Ограничивая глубинный приток крови к паху, я понижаю чувствительность клитора.

Работал он уверенно, даже не глядя. Его пальцы знали свое дело.

– В этом процессе существенно важна обратная связь, сиречь твоя реакция. – Голос в ушах звучал смазанно, и Пенни стоило огромных усилий сосредоточиться. – Поняла? Кивни, если поняла.

Пенни повиновалась.

– Теперь приготовься. Это не страшно. Главное, не бойся кричать. Дай наслаждению выйти наружу. – Максвелл вдруг посуровел. – Учти, если сдерживаться, можно умереть.

Вновь кивок. Пенни почти утратила ощущение реальности. Удовольствие затопило ее, не осталось ни прошлого, ни будущего. Ничего, кроме щемящего чувства восторга.

– Сейчас я ослаблю давление, кровь хлынет в урис майор, и ты испытаешь такие эмоции, о каких и мечтать не смела. – После сего уведомления Максвелл убрал руку с ее позвоночника. Что-то – нечто – яркое и колоссальное вспыхнуло у нее внутри.

– Ори! – скомандовал он. – Не сдерживай экстаз! Не будь тупой ханжой, Пенни. Ори давай!

Но у Пенни не получалось. В глотке скопился поток терминов из народной анатомии, однако она упрямо стискивала зубы. Судорожно задержались руки и ноги. Из рта норовил хлынуть животный визг с площадной бранью, а диктофончик-то пищит. Пенни подавила вопль. Холодная ладонь легла ей на шею.

– У подопытной учащенный и неровный пульс, – обратился Максвелл к диктофону. – Респираторная функция выражена слабо, налицо все признаки погружения в эротически индуцированную кому.

Пенни чувствовала, что умирает. Поле зрения заодно с Максвеллом подернулось по краям темным инеем.

Он опять сунулся к тумбочке. Надавил на веко скользким от хирургического латекса пальцем и посветил фонариком-авторучкой в зрачок.

– Дилатация заторможена! – объявил он, не прекращая при этом возвратно-поступательного, безжалостного движения своих чресл.

– Все на свете – кино, музыка, картины – создано с расчетом на то, чтобы нами манипулировать, чтобы нас возбуждать, – рассуждал Максвелл. Облизнув два пальца, он принялся пощипывать ее набухшую слизистую. Все эти мелкие, сноровистые приемчики заполняли Пенни новым удовольствием, словно тряпкой стирая мысли. – Дизайнерские наркотики создают по тому же принципу, – продолжал он. – Спрашивается, чем хуже секс?

Пенни трясло как на электрическом стуле. Она сучила конечностями будто припадочная марионетка. Язык вывалился изо рта.

– Держись, – строгим, менторским тоном потребовал Максвелл. – У тебя шок.

Что-то коснулось ее лба.

- Температура подопытной падает... Девяносто восемь с половиной градусов... девяносто семь с половиной.

«Что-то» оказалось височным термометром. Ко рту прижались холодные губы. Максвелл. Чужое тепловатое дыхание проникло в нее, надувая легкие.

- Подопытная не дышит.

Его дыхание снова заполнило ее изнутри. Как и член.

- Приступаю к реанимации объекта.

Всю дорогу Пенни смутно чувствовала, как ее обрабатывают долгими, размеренными толчками.

Максвелл проверил пульс на шее.

- Дыши через меня. Я вдуваю, и ты на этом воздухе даешь крику продраться. Побольше эмоций, - посоветовал он и ровным, безучастным голосом добавил: - Не умирай. Тебя ждет еще уйма наслаждения...

Теперь понятно, почему таблоиды прозвали его Вклинусом.

В ту ночь Пенни первый и последний раз видела Максвелла голым. Впереди и впрямь ждало немало секса - иногда даже чересчур, - но без непосредственного участия его половых органов.

Едва Максвелл удалился в ванную, Пенни схватила диктофон и перемотала запись в надежде найти свой истошный вопль. Найти и стереть. Тех звуков, что лились у нее изо рта, она отродясь не слышала. Так орут разве что одержимые. Юродивые. Голос ничуть не походил на ее собственный; он принадлежал дикому зверю, воющему в брачный период на первобытную луну.

Если верить Вклинусу, этот животный выплеск и спас ей жизнь. Разрядил напряжение смертельно опасного оргазма, дал ему пройти сквозь тело без ущерба здоровью. Женщина, внушал он, не сосуд, а проводник. Чтобы выжить, нужно пропускать все через себя.

В перерывах между секс-марафонами, где на финише ждал мозгодробительный оргазм, Максвелл вел эротический ликбез. Орудуя мокрым пальцем, буднично пояснял:

- Здесь у тебя мочеиспускательный канал, а здесь... - он чуть изменил угол касания, - здесь находится уретральная губка, именуемая точкой Грэфенберга. Точка Джи.

От гуляющих пальцев по телу пробегала дрожь.

Смазав ладони красноватым гелем с розовой отдушкой, Максвелл погрузил два пальца во влагище.

- А теперь я массирую заднюю стенку вагинального купола...

Надо думать, так и есть, хотя и не видно, чего он там вытворяет. Как бы то ни было, Пенни трясло и лихорадило от неконтролируемых эмоций. Чем бы ни занимался Макс, она лишь глубже насаживалась ему на руку, требуя еще и еще.

- Вот это, - продолжал он, - перинеальная губка, участок эректильной ткани, соединяющийся с клитором через срамной нерв.

Даже не глядя, Пенни знала, что клитор стремительно твердеет, набухнув до болезненности и зуда.

Массируя загадочный купол, Максвелл использовал его чуть ли не в роли дистанционного пульта управления.

- Именно перинеальная губка позволяет женщинам достигать оргазма при анальном сексе. - Он просунул третий палец, четвертый. - Умница. Смотри, как раскрылась твоя вагина.

Далее последовал рассказ о том, как своды возбужденного влагища растягиваются, заставляя раскрыться зев матки. Сейчас ладонь вошла уже полностью.

Бросив взгляд себе между ног, Пенни увидела лишь гладкое, обтянутое бледной кожей запястье. От этого зрелища потянуло замыкать.

Взгляд Максвелла расфокусировался, стал задумчивым, рука же уверенно исследовала потайной мир.

– А, ну вот, шейка матки, – наконец кивнул он. – Если приложить равномерно распределенное давление...

Пенни непроизвольно зажала кулаком рот и, поскуливая, прикусила фалангу. Зажмурилась от стыда, чувствуя, как глубоко в гортани нарастает хныканье. Ужас, до чего можно довести человека. Выбить за любые рамки рационального контроля. Даже страшно становится: а вдруг инфаркт? И пусть, пусть инфаркт, лишь бы вот это длилось вечно...

В тоне его голоса читалось удивление и восхищение:

– Феноменально. У тебя всегда столь обильная секреция?

Она робко приоткрыла глаза. Из отверстия над влагалищем прыснул мерцающий фонтанчик и, оросив Максвеллу руку по локоть, залил кровать.

– Прости, – смущенно пролепетала Пенни.

– За что? – поинтересовался Макс, вращая рукой в недрах.

– Я на тебя написала...

Он расхохотался. Свободной рукой взял капельку жидкости, растер между пальцами, понюхал, лизнул и торжественно провозгласил:

– Энзимы. Выделяются из парауретральных желез Скина через мочеиспускательный канал, в обход влагалища. – Он поднес мокрые пальцы к ее рту. – Хочешь попробовать себя на вкус?

Даже корчась и урча, Пенни не могла решиться на такое. Этого от нее и не требовалось.

Максвелл силой впихнул пальцы ей в глотку. Пенни давилась, задыхалась. На вкус продукт ее чувственности оказался солоноватым и отдавал металлом. На миг, занявший вечность, она лишилась дара речи, а также дыхания.

– Ты ведь говорила, что пользуешься диафрагмой? – укоризненно заметил Максвелл.

Вообще-то диафрагма осталась в Джексон-Хайтс, в надежно защищенной банковской ячейке. Пенни вовсе не пыталась забеременеть; просто не ожидала, что сегодня может быть секс.

Наконец пальцы покинули ее рот, открывая доступ воздуху.

– Даже не пытайтесь провести меня, мисс Харриган. – Пальцы по-прежнему сновали у нее внутри, исследуя географию потайного мира. – Если я когда-нибудь женюсь, то исключительно по любви. А вазэктомия мне уже несколько лет как сделали.

Пенни хотела все объяснить, но не нашла сил. Она лишь молча откинулась на подушки, погружаясь в удовольствие, пока мужские пальцы теребили ей клитор. Максвелл рассказывал про клиторальный черенок. Мягко надавливая, прошелся вдоль него пальцами до того места, где тот раздваивался на две ножки, именуемые в анатомии *крура*. От латинского слова *крус*, свая. Эти сваи, пояснил он, расходятся по обе стороны от влагалища.

Последовала долгая сложная лекция о неведомом крае, где Пенни сроду не доводилось бывать. Историческая справка о мире в ее недрах.

Максвелл поведал, как врачей со времен Гиппократов вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия целенаправленно учили доводить пациенток до «пароксизма восторга». Используя лишь пальцы и масла, доктора и повитухи лечили истерики, бессонницу, депрессию и еще ряд заболеваний, характерных для слабого пола. Назывались эти напасти *префокацио матрицис*, или «удушье матки». Вот почему даже великий Гален рекомендовал старательно стимулировать матку до основательного выделения жидкости.

Мало того! По словам Максвелла, первыми бытовыми электроприборами были именно вибраторы. В далеком 1893 году некто Мортимер Гранвилль сколотил себе состояние, когда изобрел вибратор на батарейках. Широкий ассортимент таких секс-игрушек активно продавался через массовые журналы и торговые каталоги «Сирс и Роубак». Лишь после появления в откровенном порно в двадцатые годы, вибраторы стали считаться чем-то постыдным.

Гален. Гиппократ. Амбруаз Паре. В голове путались имена и даты. На шестнадцатом веке Пенни погрузилась в сон. Ей привиделось, что она падает с вершины Эйфелевой башни. И столкнул ее Максвелл.

Когда она проснулась, Максвелла в постели не оказалось. Дверь в ванную была закрыта, оттуда доносился плеск.

Кто это сказал? Бетти Фридан или Глория Стайнем? Наверняка уже не вспомнить, но вроде кто-то из них писал про «секс нараспашку»: идеально удовлетворяющий – в физическом плане – половой акт без эмоциональной привязанности. Точь-в-точь как с Максвеллом. А также как после изматывающего приступа гриппа.

Вялость быстро сменялась неумейной прожорливостью. Они ели и трахались. Ели и трахались. На износ.

Да, теперь можно уверенно заявить: до сегодняшнего дня Пенни Харриган никогда не испытывала оргазма. Ничего похожего на то непередаваемое наслаждение, которое Максвелл извлекал из ее разгоряченного тела. Впервые пресловутые фейерверки и судороги, ссылками на которые пестрит «Космо», стали казаться не преувеличением, а наоборот.

– Нужно тебя побрить, – заметил Максвелл, поглаживая ей лобок. – Так мы уменьшим экспериментальную погрешность.

Пенни безропотно согласилась. Подумаешь. Ей приходилось бриться и раньше, даже делать эпиляцию воском в преддверии пляжного сезона.

– Правда, волосы больше не отрастут, – предупредил Максвелл.

Он использовал особый рецепт узбекских кочевников, дошедший до нас через тысячелетия. Уникальная каша из протертых кедровых орешков, заправленных соком алоэ, навсегда сделала лобок Пенни девственно-чистым и гладким, как у младенца. Она с тоской смотрела на рассыпанные по простыне кудрявые завитки, и мысленно внушала себе, что давно мечтала от них избавиться.

В сексе все предпочтения Максвелла сводились к тому, чтобы доводить ее до еще большего иступления. Похоже, это был единственный источник его удовольствия. На все расспросы, не хочет ли он сам кончить, Макс лишь дергал плечом: «Как-нибудь в другой раз». После той парижской ночи он и раздевался-то максимум до пояса, а затем и вовсе стал напавливать врачебный халат, чтобы не пачкать одежду.

Неудивительно, что Алуэтта так бесилась: для нее, привыкшей сводить мужиков с ума, нежелание Максвелла кончать было прямым оскорблением. Пенни старалась не думать о французской красавице и ее угрозах, однако покоя не давала вот такая мысль: Алуэтта наслаждалась близостью Максвелла сто тридцать шесть дней. Принцесса Гвендолин – ровно столько же. «Нэшнл инкуайрер» никогда не врет. Если не подвели вычисления, Пенни осталось сто три дня. Впрочем, не факт, что она вообще доживет, при таком-то сексе. Что за сказочный способ отдать концы!

Для полного счастья требовалось лишь найти ту дурацкую запись с ее воплями и стереть ко всем чертям. Дверь в ванную по-прежнему оставалась закрытой; плеск не прекратился.

Схватив диктофон с тумбочки, Пенни наугад отмотала назад, нажала кнопку. «Не будь тупой ханжой...» – раздалось из динамика. Зовите меня лицемеркой, повторяла себе девушка, но нельзя, чтобы хоть кто-то услышал безумную тарабарщину, лившуюся у нее изо рта. Она снова ткнула кнопку, и на сей раз услышала визг.

Визжали по-французски. Не зная языка, Пенни по собственному опыту догадалась, о чем речь. Вопила Алуэтта, находясь под действием розового шампанского пополам с секретными ингредиентами. Пенни перемотала вперед и снова включила воспроизведение.

«Держись. У тебя шок».

Момент истины нарушила громкая трель. Диктофон на поверку оказался еще и сотовым! От неожиданности Пенни едва не уронила хитрый аппаратик и поспешила бросить его обратно на тумбочку. Тот, однако, не унимался; на дисплее вместо имени абонента высвечивалось «Номер скрыт».

Спрыгнув с кровати, Пенни постучалась в ванную:

– Макс, телефон!

Подергала ручку – заперто. Шумел душ, голос Макса неразборчиво мурлыкал какую-то песенку.

Электронная трель не смолкала. Еще через пару секунд любопытство пересилило, и Пенни взяла трубку.

– Алло?

Молчание.

Распахнулась дверь в ванную, на пороге возник опоясанный полотенцем Максвелл. С головы капала вода. Застукав Пенни с поличным, он потемнел как туча и свирепо щелкнул пальцами: вешай трубку!

– Алло? Корни? – раздался голос. Знакомый. Женский. – Я не виновата! Сжался!

Пенни молча вернула телефон хозяину. Женщина на том конце провода продолжала упрашивать. Громко. Жалобно. Слезно. Максвелл прижимал трубку к уху и слушал. Постепенно раздражение на его лице сменилось глубокой задумчивостью.

– Не вижу проблемы, – заявил наконец он. – Активные компоненты не подпадают ни под один из актов об обороте сильнодействующих или опасных веществ. – В трубке вновь заверещали, но он лишь помотал головой. – Тогда просто назначь нового главу Управления по санитарному надзору. Такого, чтобы сразу дал добро на выпуск.

Пенни знала, кто находится на том конце; она видела эту женщину в телевизоре. Голос прочно ассоциировался с респектабельной, благонадежной прической. Где-то по плечи. С темно-синим костюмом. Жемчужным ожерельем. С лицом за лесом из микрофонов.

– Я на последней стадии тестирования, – промолвил Максвелл, не спуская глаз с Пенни. – Массовое производство планируется на лето. Через месяц охватим порядка полумиллиона розничных точек. – Развернувшись к девушке спиной, он шагнул обратно в ванную. – Ты ведь понимаешь, сколько поставлено на кон. Не вынуждай меня идти на крайние меры.

Дверь захлопнулась. Вовсю хлынул душ – наверное, чтобы заглушить разговор.

Если догадка верна, голос в трубке принадлежал Клариссе Хайнд. Президенту Соединенных Штатов.

Интересно, что за гениальное изобретение они сейчас тестируют?

Дни и ночи слились в бесконечную череду аналогичных забав. Всякий раз Максвелл предлагал на пробу новую игрушку, или снадобье, или совершенно потрясающую смазку.

Он доводил ее до такого оргазма, что спина выгибалась дугой, отнимались ноги, а Макс все время поддразнивал, приговаривая:

– Мы почти закончили. Осталось внести небольшую корректировку.

Или:

– Нельзя выбиваться из сетевого графика.

Он погружал в нее руку до запястья со словами:

– Поищем-ка твой пудендальный нейроплексус. Кажется, он где-то здесь.

Случалось, он терялся; тогда на помощь ему, точно путеводитель, приходил анатомический атлас, лежавший тут же на кровати. Будучи левшой, Максвелл запускал пальцы левой руки во влагище, словно фиксировал геолокационную точку на карте. «*Вы сейчас здесь*». Свободная рука разглаживала замятые уголки страниц атласа, указательный палец скользил по неведомому маршруту, и все это сопровождалось тихим бормотанием:

– «Ответвления *nervi pelvici splanchnici* расположены рядом с *nervi erigentes...*» – Добравшись до нужной точки, Максвелл принимался ворочать пальцами глубоко внутри Пенни и наконец торжествуя провозглашал: – Ты сама-то в курсе, что твое копчиковое сплетение смещено на два сантиметра к антериальной плоскости? – А пошарив еще немного, добавлял: – Не волнуйся, это в пределах вариативной нормы.

Он регулярно извлекал из нее очередной испытываемый инструмент наслаждения и, положив на край тумбочки, сгибал его металлический или пластмассовый корпус в нужной степени. Иногда для этого приходилось брать пассатижи, а то и струбцинки, что хранились в верхнем ящике. Хуже всего, когда Максвелл принимался колотить неподатливым устройством по тумбочке, не жалея лакировку, пока не добивался желаемого изгиба.

В такие моменты происходящее в спальне напоминало Пенни старые фото лаборатории Эдисона. Или мастерской Форда. Сама же Пенни чувствовала себя не подругой, а скорее ассистенткой. Вроде Ватсона или Игоря. Не говоря уже про собаку Павлова. Когда, вопреки ее мрачному настрою и

растущей брезгливости, Макс дарил ей новые всплески наслаждения, она отчасти ждала, что он вот-вот воскликнет: «Эврика!»

К задаче он подходил с серьезностью нейрохирурга или швейцарского часовщика. Частенько по его приказу дворецкий или мажордом прикатывали прямиком к постели столик со стерильными инструментами, чтобы Макс мог вообще не отрываться от процесса.

– Штангель! – рявкал он, и слуга молниеносно вкладывал в протянутую руку затребованное.

– Промокни лоб! – следовало очередное распоряжение, и лакей спешил обтереть бумажной салфеткой чело Максвелла.

Случалось, он ковырялся у нее между ног с фонариком в зубах и ювелирной лупой в глазу.

– Мой выбор пал на тебя, потому что ты никогда не испытывала оргазма, – втолковывал он. – Меня не проведешь. Ты – Спящая красавица, которую некому разбудить. Это так типично для женщин, которым я пытаюсь помочь.

– «Веками женщины получали лишь малую толику удовольствия, отмеренного им природой, – зачитывал Максвелл распечатку. Пресс-релиз. – Я разделяю мнение многих профессиональных медиков, что основная масса психосоматических хронических заболеваний у слабого пола вызвана постоянным стрессом, избавиться от которого довольно просто при наличии правильного инструментария...»

Даже для неискущенного уха Пенни речь звучала набором эвфемизмов. По словам Максвелла, иначе нельзя. Ведь продавали секс. И не просто секс, а интимные приспособления, гарантирующие женщине качественное наслаждение, какое не в состоянии дать ни один мужчина. Кто-то сочтет пресс-релиз набором профессиональных жаргонизмов наподобие старомодной рекламы вагинального спрея. А кто-то, в частности мужчины, заикнувшиеся на собственных ненасытных пристрастиях, увидят в нем смертный приговор.

Они сидели в постели, откуда последнее время не вылезали. Теперь Пенни набрасывала разве что халатик, да и то чтобы не торчать голой перед мажордомом, доставлявшим изысканные яства.

– «Поэтому мы с гордостью представляем серию средств личной гигиены «До самых кончиков», – продолжал Макс.

К. Линус Максвелл собирался расширить свою и без того могучую корпорацию, генеральным штурмом взяв сферу пустующих вагин. Радуга гелей и смазок на его тумбочке. Спринцевание волшебным розовым шампанским. Лосьоны для корректировки коэффициента трения скольжения. Всем этим он готовился осчастливить одиноких потребительниц.

Упаковка будет розовой, но не пошлой. Вся линейка продукции появится на прилавках под метабрендом «До самых кончиков». Выбывая пальцами чечетку на смартфоне, Максвелл продемонстрировал Пенни прототип рекламного слогана: на розоватом фоне белые с завитушками буквы «До самых кончиков», а снизу пояснительный довесок: «Больше, чем любовь». Спринцующий раствор, к примеру, на самом деле будет продаваться в порошкообразном виде для самостоятельного смешивания с водой или шампанским. И это лишь первое из потрясающе инновативных средств ухода за собой. Скоро любая женщина сможет насладиться сногшибательным оргазмом по скромной цене.

Все те знания и эротические навыки, которым Максвелл почерпнул у физиологов, тантрических гуру и куртизанок – короче, все сексуальные секреты от древнего мира до наших дней, – с его подачи станут доступны каждой нашей современнице. От Омахи до Осло пойдут они кататься по космически-оргазмическим американским горкам, на которых Пенни сама лишь недавно проехала. Разум цепенел при виде открывавшихся перспектив, способных перевернуть мир. Наглядное подтверждение? Бывшие возлюбленные Макса. Уж они-то доказали: обеспечьте женщину сексуальным удовлетворением, и она расцветет, запросто избавится от лишнего веса, даст пинка наркотикам. До полнейшей самореализации прекрасной половине человечества оставались какие-то недели.

И действительно, за последние дни, проведенные в уединенной обстановке парижского пентхауса, Пенни скинула восемь фунтов. Спала как младенец. В жизни не испытывала такой безмятежности и внутренней гармонии.

Втайне она даже гордилась своим вкладом в проект. Макс продолжал колдовать над рецептами. Шлифовал грани и обдираал заусенцы. В недалеком будущем девушки, подобные ей – простушки с заурядным телом и лицом, – получат наслаждение, ныне доступное лишь звездам экрана.

– А почему «До самых кончиков»? – спросила Пенни, разглядывая снимки с прототипами секс-игрушек, смазок и ночных сорочек.

Максвелл пожал плечами.

– Маркетологи говорят, самый идеальный вариант. Плюс переводится на все языки.

Молодухи и старухи. Пышки и коротышки. Миллиарды особей женского пола научатся любить свое тело в его нынешнем виде. К ним придет благословение «До самых кончиков». Если массовая продукция хотя бы вполтину не будет уступать прототипам, чье действие Пенни испытала на себе, К. Линус Максвелл не замедлит удвоить и без того колоссальное состояние.

– Тебе что, недостаточно денег? – поддразнила она.

И снова его губы посетила печальная улыбка.

– Дело не в деньгах. Я делаю это не ради выгоды.

А ради покойной матери, догадалась Пенни. Разве не мечтает каждый мальчишка одним махом облагодетельствовать измученную родительницу? Мать Максвелла работала на износ, чтобы обеспечить ему достойное будущее, и умерла, не успев вкусить плодов сыновней благодарности. Настораживало, правда, что почтить ее память он собирался, обрушив на женщин всего мира лавину высококачественного секса... Однако от этого его мотивы не становились менее благородными или трогательными.

Внезапно Пенни осенило. Конечно, ее это не касается...

– Ты еще скучаешь по ней? По маме?

Он отмолчался, уйдя в чтение пресс-релиза.

Влекомая секундным порывом, она наклонилась и поцеловала его в щеку.

– За что? – осведомился он.

– За то, что ты такой замечательный сын.

Пожалуйста, опять – бледная робкая улыбка маленького сироты.

– Ничего общего со шпанской мушкой, – уперся он. – И близко нет.

Разговор состоялся во время одного из их редких появлений на публике. Они ужинали в шикарном ресторане бульвара Сен-Жермен в шестом округе Парижа. Как всегда, их столик был центром всеобщего внимания.

Максвелл пояснил, что знаменитый афродизиак, известный под названием «шпанская мушка», вырабатывался из изумрудно-зеленых жуков-нарывников *Lytta vesicatoria*. Мертвых насекомых сушили и перемалывали в порошок, чтобы потом добавлять в питье. Отведав чудодейственного напитка, женщины якобы начинали молить о сексе. Однако такой коктейль вел к серьезному воспалению мочевыводящих путей, и на самом деле эффект был как от обработки детородного местечка крапивой.

– Это, – заключил Макс, катая между пальцами розовую капсулу, – совершенно иное.

Очередную новинку он достал из кармана пару секунд назад. Подобно прочим аксессуарам, розовая пилюля была из брендовой линейки «До самых кончиков». Размером с яйцо малиновки, она смахивала на леденец – хоть сейчас в пасхальную корзинку, – а цветом напоминала жвачку.

Пенни с любопытством взяла шарик в руку.

– Мне это глотать?

Макс лишь усмехнулся такой наивности.

– Нет, дорогая, это вагинальный суппозиторий, разработанный специально для стимуляции женского либидо. – Он немного помолчал, наблюдая, как Пенни вертит пилюлю между пальцами, и продолжил: – Обрати внимание на липковатую текстуру поверхности. Оболочка изготовлена из кремнийорганического полимера, пропитанного щадящим стимулятором растительного происхождения. При проникновении пениса во влагалище удовольствие будет обоюдным.

Пенни сжала шарик. Действительно, упругий. И на удивление тяжелый. Лукаво улыбнувшись, она промокнула уголки рта салфеткой и окликнула проходящего официанта:

– Экскюзэ муа, а где у вас тойлэт?

На обратном пути она заметила своего заклятого врага: Алуэтту. Та пристроилась на банкетке за угловым столиком, чтобы не привлекать к себе внимания. Выглядела она совсем не как раньше: осунулась, похудела, глаза ввалились.

Неделя постельных экспериментов странным образом развежила Пенни, наполнила тихой уверенностью в себе. Она дерзкой походкой направилась к сопернице. Розовая бусина уже творила в ее лоне чудеса, задуманные предприимчивым Максвеллом. Пенни взглянула на изможденную кинодиву.

– Здравствуй, Алуэтта. Отлично выглядишь.

– Глупости, – парировала та. – Краше в гроб кладут. А все из-за Макса.

– Ты что, следишь за мной? – прищурилась Пенни.

Алуэтта со вздохом запустила руку в пышную гриву. Цепляясь за пальцы, волосы чуть ли не прядями полезли вон. От Пенни не ускользнуло, что выческами уже засыпан и столик, и банкетка.

– Я хотела спасти тебя, мышка, – начала актриса. – Но вижу, что опоздала. Ты дала себя оприходовать как самая последняя, тупая шлюха. – (Пенни поморщилась на некультурное словечко). – Пренебрегла моим советом и позволила Максусе себя охмурить. – Алуэтта смотрела на нее с откровенной жалостью и беззлобно заключила: – Раньше ты была личность. Да только с легкостью предала свои мечты и стала голодной *conasse*.

Пенни развернулась, но француженка не дала ей уйти.

– Как тебе черная бусинка, кстати?

– Что за бусинка? – насторожилась Пенни.

Ее собеседница только усмехнулась.

– А! Значит, жди сюрприза.

Макс не поспешил подняться навстречу, чтобы усадить за столик. Вместо этого знаком подозвал ближе и столь же молча потребовал вытянуть руку. Взял ее ладонь, поцеловал и что-то туда вложил. Разжав пальцы, Пенни увидела пресловутую черную бусину. По форме и размеру она ничем не отличалась от первой, разница была лишь в цвете.

– Розовая для влагилица, – объявил Макс, – а черная – для твоего симпатичного ануса. Простота – залог успеха. Вся линейка «До самых кончиков» будет следовать этой же схеме цветовой маркировки.

Пенни послушно побрела в туалет.

Объединившись, бусины мгновенно принялись за дело. По возвращении Максвелл усадил ее за столик, а сам устроился напротив. Парочка углубилась в меню.

Поначалу в паху у Пенни разгорелся сладкий пожар. Его сменили щекотливые спазмы, будто заворочалось нечто голодное, обгладывающее ее изнутри восхитительно мягкими зубами.

Невольный стон привлек внимание соседей. Обернулись, насторожились женские лица под высокими шиньонами. Пенни прижала салфетку ко рту, делая вид, что закашлялась. Пусть лучше думают, что у нее туберкулез, чем приступ множественного оргазма.

– Не переживай, – успокоил Максвелл, – твой организм не пострадает. Силиконовое покрытие – материал весьма мягкий.

Внутри Пенни происходила загадочная возня.

– В каждый шарик вживлено по магниту, – объяснил Максвелл. – Вот почему я не мог дать их тебе одновременно: притяжение слишком велико. – Он взял ручку и явно приготовился записывать. – Древнее перуанское племя чичлачи называло их «брачные камушки»: обретая друг друга, они слипаются так, что едва растащишь.

Со слов Макса следовало, что черная бусина должна была упереться в переднюю стенку ее прямой кишки. Розовая занимает позицию напротив, утыкаясь в заднюю стенку влагилица. Даже покрытые

силиконом и помещенные в разные отверстия, камни нашли друг друга, и теперь на разделяющую две полости мембрану со всем хитросплетением нервных окончаний активно воздействовали оба мощных магнита, давя и разминая самые чувствительные точки.

Наслаждаясь ее реакцией, злорадствующий гений махнул официанту.

– Шарики разделяет лишь твоя перинеальная губка, та самая, особо чувствительная. Ты беззащитна против такой атаки: она идет на всю эрогенную нейросистему разом.

Чтобы не застонать, Пенни прикусила тщательно наманикюренный ноготь. Соски возбудились настолько, что грудь бродящей квашней полезла из пуш-апа.

– Ты совсем молода, – наставительно заметил Максвелл, наблюдая за ее реакцией, – и если еще не способна совладать со всем потенциалом женского тела, я не буду ставить это тебе в вину.

Он нарочно дразнил ее, подначивал изнывать у всех на глазах. Пока элегантные пары по соседству чинно ужинали и болтали, Пенни захлестывали оргазмические волны эротознергии.

К столику шагнул официант:

– Мадам желает сделать заказ?

В ее тазу сталкивались и терлись друг о друга планеты. Морские пучины вздымались девятиными валами, подтачивая рассудок. Тщетно она сжимала ноги, силясь удержать рвущийся наружу поток.

– Мадам желает стейк потолще, – насмешливо сообщил Макс официанту и, повернувшись к Пенни, добавил: – Может быть, и для сочного языка найдется место?

Содрогаясь в экстазе, Пенни почувствовала, как мысок его ботинка скользнул по ее ноге вверх – от лодыжки к коленям – и вскоре уперся в промежность. Невольно вспомнилась их первая встреча: как она, распластавшись на ковре, поймала свое растрепанное отражение в полированной глади мужской туфли ручной работы. Слова застряли в горле. Трясущимися руками Пенни принялась разглаживать подол и обнаружила мокрое пятно. Промокла и салфетка. Забыв про официанта, она сбросила ногу Макса, кое-как поднялась и, хватаясь за спинки стульев к вящему неудовольствию их состоятельных владельцев, заковыляла обратно в туалет. От бесконечных оргазмов дрожали колени. Почти у самой двери ноги все же подломились, и Пенни упала. Встать не было сил. Последние метры до отделанного кафелем убежища пришлось ползти на карачках. Укрывшись в кабинке, она задрала мокрую юбку и сунула в себя два пальца. Вскоре ей удалось нащупать розовый шарик, но тот никак не давался в руки. Слишком скользким оказался силикон.

Выгнувшись дугой, Пенни запустила те же пальцы в анус, пытаясь добраться до черной бусины. Тщетно!

Внезапно за спиной послышалось:

– Зря стараешься, все равно не вытащишь.

Голос принадлежал Алуэтте. Кинодива шагнула в кабинку, без тени смущения созерцая эротическую дилемму Пенни.

– Год назад я так же корчилась в этом самом туалете. От помешательства меня спас младший официант. Отважный юноша. Высосал черную бусину, как змеиный яд, прямо из моего *derriere*.

Выставив обнаженный лобок, Пенни еле слышно взмолилась:

– Помоги...

Алуэтта обозрела гладко выбритую промежность и присвистнула.

– Так вот, значит, что он в тебе нашел. Такой прекрасной киски я еще не видела. – Она облизнулась. – Славненькая.

От выделений накапала лужица на полу.

– Расслабляйся, – посоветовала Алуэтта. – Сбросить камень любви с трона можно лишь мощной струей женского сока!

Преклонив колени на кафельный пол, она обхватила Пенни за бедра и припала кинозвездным ртом к сочащейся молодой вагине. Пенни заерзала, вжимаясь в подставленное восхитительное лицо, словно плотнее усаживалась в седле. Почувствовала, как пальцы Алуэтты исследуют задний проход.

Постепенно стимуляция пошла на убыль. Наконец Алуэтта оторвалась от своего занятия и

выплюнула в унитаз розовый шарик. Лишившись второй половинки, черная бусина выскользнула, и актриса, выставив ее напоказ перед Пенни, отправила вслед за первой. Оба магнита сомкнулись с пугающим плеском, и Алуэтта нажала на смыв.

– Не благодари меня, мышка, – промолвила она, бросая оценивающий взгляд на понесенный соперницей ущерб. – Настанет день, когда ты пожалеешь, что я не дала тебе умереть от наслаждения. – Повернувшись к зеркалу, она принялась подправлять смазанную линию губной помады. – Теперь слишком поздно. Скоро и ты станешь как мы все. Его рабыней.

В перерывах между светскими раутами с изысканным угощением и шикарной публикой шофер возил их из парижского пентхауса Макса в его же личное шато и обратно. Бродя по гулким залам загородного дома, что располагался в долине Луары, Пенни знакомилась с бесценным антиквариатом, в свое время принадлежавшим множеству знаменитостей. Между славой и одиночеством так много общего... Пенни гуляла по дворцовому саду под пристальным взглядом пулеметчиков на крыше, а камеры наблюдения фиксировали каждый ее шаг.

Пенни до крови изгрызла костяшки пальцев, пытаясь приглушить собственный блаженный визг. По идее, если так злоупотреблять сексом на протяжении нескольких месяцев, запасов удовольствия должно хватить до конца дней. Временами ее посещали серьезные мысли – о голоде в Судане, например, – но стоило Максу ввести в нее очередной потрясающий продукт, как в голове воцарялась пустота. Эйфория стирала все. Не оставалось сил думать о застопорившейся карьере или зловещем будущем, что ждало ее дряхлеющих родителей в Небраске. Или о глобальном потеплении. Она была полностью погружена в свое тело, а время сузилось до сладостного здесь и сейчас. Прошлое и будущее исчезали; Макс уверенно держал ее в тисках настоящего. От его прикосновений рушился мир. Казалось, на свете нет ничего, кроме Парижа, постели и пульсирующего клитора.

Пенни получала все, что считалось нужным для счастья – наряды от «Гуччи», умопомрачительный секс, славу, – однако с каждым днем чувствовала себя все более несчастной. Вдобавок все без исключения ждали от нее вечной восторженности; никто и слышать не желал о невзгодах разочарованной Золушки, ведь в сказках полагается жить долго и счастливо.

Она чуть ли не подгоняла дни. Осталось только восемьдесят семь.

Умом Пенни понимала, что в ее возрасте можно и нужно отрываться по полной. Эх, напиться бы на искрометной вечеринке, которую Моник наверняка устраивает в эту секунду... Сойдет даже попойка в духе «Сигма хи», с пивными канистрами и студентами-мажорами, нарочно пугающими первокурсниц своей вечной эрекцией.

Оставаясь с ней наедине – что в пентхаусе, что в шато, – Макс не шел на разговоры; ему бы лишь испытывать новые тантрические штучки-дрючки. Пенни списывала такое поведение на стресс. До запуска «кончиков» оставался лишь месяц, а ведь все должно быть без сучка и задоринки. И тем не менее она старалась поднять ему настроение. Рассказывала анекдоты. Нахваливала его машины, прическу, манеру одеваться, однако Макс пропускал лесть мимо ушей.

Радости не приносил даже пресловутый парижский шопинг. По бутикам она гуляла которую неделю подряд. Лучшие дизайнеры соперничали за право ее нарядить. Что ни напялишь, все хором восторгаются, мол, до чего шикарно она выглядит. Даже откаты предлагали, если их лейбл засветится на особо значимом мероприятии. Короче, сплошное лицемерие и фальшь. Пенни понимала, что в дорогих тряпках смотрится глупо и что им нужна лишь реклама. А у нее шея толстовата и коротковата. Грудь чересчур маленькая. И даже несимметричная. Бедра чересчур широкие. Зеркала-то в ателье не лгут.

Пока она не стала знаменитой, в Нью-Йорке ее фигуру открыто критиковали все, кому не лень. По крайней мере не ввали.

Ее красота ограничивалась интимной зоной. Не пойдешь же к Лакруа просить пошить наряд, который подчеркнет столь пикантное достоинство?

Всякий раз, отправляясь по магазинам, Пенни искала, чем бы порадовать Макса: миссия, не выполняемая по определению. Что можно подарить человеку, который имеет все? И всех. Похоже, единственное, что его радовало, – это видеть, как новая примочка или формула поднимает децибелы ее экстаза. Чем лучше ей, тем приятнее ему. Придя к такому выводу, Пенни твердо решила сделать Максвеллу единственно возможный подарок.

Как-то вечером, когда очередная тестируемая штукавина – на сей раз вагинальный расширитель в виде шишака, чьим прототипом была некая хренатень доколумбовой эпохи, – вдруг не сработала, Пенни ухватила за подвернувшийся шанс. Нет, было хорошо, но не более. Пенни даже испугалась, что перегорела. Или у нее хиреют эrogenные центры. Заметив, что Максвелл

разочарован, она устроила целый спектакль. Каталась по кровати, хлопая руками, как тюлень – лапами. Заходилась собачьим лаем и кукарекала.

В самый разгар ее преисполненной благими намерениями симуляции Максвелл сказал:

– Хватит.

Он смотрел на нее, поигрывая желваками. Дернул за шелковистый шнурок, привязанный к тестируемой штуковине, и та охотно выскочила наружу. Надувшись, как ребенок, Максвелл сматал шнур, приговаривая:

– Даже не пытайся меня обмануть. Ученый – это в первую очередь дотошный наблюдатель. Твой пульс не превышал ста пяти ударов в минуту, давление тоже не изменилось.

Он с досадой отправил бесполезную игрушку на тумбочку.

– Я ценю в тебе в первую очередь искренность и естественную реакцию. – Он нажал кнопку вызова дворецкого. – Ладно, проехали. Весь вечер коту под хвост...

Нашарив пульт, Максвелл включил телевизор. Просторную спальню вмиг наполнила пальба и визг шин. Не отрывая взгляда от экрана, он сказал:

– Не смей больше притворяться. – И добавил, все так же уставясь в одну точку: – Захоти я «левых» результатов, обратился бы к гулящим девкам.

Той ночью Пенни проснулась от шума. Вроде чей-то голос?.. Затаив дыхание, она вслушивалась в безмолвие спальни. Потоки воздуха из кондиционера колыхали оконные занавески. Максвелл сопел рядом, растянувшись на шелковых простынях. Будильник на тумбочке показывал восемнадцать минут четвертого. Не успела Пенни вернуться в объятия Морфея, как вновь донесся тот же звук: мужской голос, невнятный.

Макс разговаривал во сне. В бормотании, больше похожем на мучительные стоны, затесалось что-то вроде «хихи». А может, это были два слова? Так сразу и не скажешь... Приподнявшись на локте, Пенни наклонилась ближе. Он забормотал вновь:

– Фифи.

Она наклонилась еще ближе. Пожалуй, даже слишком. Словно датчик сработал: хриплым с испуга голосом Макс крикнул:

– Фиби!

Пенни так и обмерла: до того неприкрытой была чужая боль. В голове колоколом загудело чужое имя. *Фиби*. Затем снова воцарилась тишина.

Похоже, тихий омут в душе К. Линуса Максвелла был глубоким. В бледной худощавой груди ученого билось живое сердце. Ах, тоскливо подумала Пенни, если б только он поделился своими тайнами, их отношения смогли бы выйти за рамки фантастического секса, превратились бы в истинные чувства.

Пенни несказанно поражало его буквоедство. Максвелл производил впечатление инфантильного, к тому же зацикленного на науке создания; действительно «ботаник» какой-то... Бесстрастный тиран, тщательно скрывающий свои искренние привязанности и эмоции. У него и кожа-то была совсем без запаха и холодной на ощупь, как у робота в научно-фантастическом фильме. Зато когда он брал в руки свои стимуляторы...

Все равно что внимать гениальному тенору в парижской опере или ужинать на пленэре чем-то восхитительно итальянским. Пусть Макс ее не любил; стоило ему коснуться ее желез, и Пенни забывала обо всем. Несмотря на его равнодушие и холодность, она начинала испытывать чуть ли не влюбленность, пусть мимолетную. Когда инструментарий «До самых кончиков» принимался ворошить в ней страсть, Пенни смотрела в безучастные голубые глаза и ничего не желала на свете, кроме Макса. Он словно околдовал ее.

Ей хотелось верить, что занятия любовью – это нечто большее, нежели стимуляция нервных окончаний, пока какие-то там гормоноферомоны не прыснут в лимбическую систему. Настоящая любовь – и это она знала – куда долговечнее и душевнее. Такая любовь поддерживает и питает человека. А «любовь», которую возбуждал Максвелл, сходила на нет вместе с оргазмом. Несмотря на восхитительное воздействие, продукция «До самых кончиков» генерировала лишь мощный суррогат.

Самым темным страхом Пенни было подозрение, что широкие женские массы не уловят разницы.

Утром на Пенни снизошло озарение, и она позвонила матери в Омаху.

– Как там Париж? – игриво поинтересовалась та. – Умоляю, скажи наконец, что у тебя задержка цикла!

– Откуда ты знаешь про Париж?

На том конце провода мать прищелкнула языком.

– Милая, «Нэшнл инкуайрер» каждый день печатает твои снимки на фоне Эйфелевой башни!

Пенни аж покачнулась: на работу она не ходила, сказавшись больной. Наплела Бриллштейну про гепатит С. Если народ в «Би-Би-Би» не ослеп и не оглох, правда давно выплыла наружу.

– Газеты называли тебя Доткомовской Золушкой! – надрылась мать. Она всегда кричала по межгороду.

– Мам...

– Ты видела недавние фото президента Хайнд? – захлебывалась та. – До чего жутко выглядит!

– Может, у нее гепатит? – промямлила Пенни.

– А д'Амбрози вообще уже никакая! Так что не вздумай бросить Максвелла! – предупредила мать. – Иначе гореть тебе в геенне огненной!

– Собственно... поэтому я и звоню. – Пенни воспользовалась моментом, чтобы направить разговор в нужное русло. – У тебя сохранились старые номера «Инкуайрера»?

– Диктуй дату, – гордо бросила мать. – У меня все подшивки начиная с семьдесят второго года.

– Шутишь?

– Труд всей моей жизни.

– Смотри, я хочу сделать Максу сюрприз, но есть проблема: я ведь толком его не знаю... Ну-у, понимаешь, детство там, предпочтения...

– А чем плоха вики-как-там-ее?

– Википедия, мам. Нет, не годится. – Пришлось объяснить, что «Вклинус» нанял целую бригаду хакеров, чтобы те прочесывали Интернет и следили за имиджем магната. Любая публично доступная деталь его биографии была под контролем. – Мне нужно что-то из старенького, когда Интернета не было и в помине.

– Милая, это ведь «Инкуайрер», а не «Нью-Йорк таймс», – с сомнением протянула мать.

– Ну мамуль, пожалуйста...

– Что конкретно тебя интересует?

Пенни на секунду задумалась.

– Клички домашних питомцев. Хобби. Может, что-нибудь трогательное про мамашу. Кстати, ее звали не Фиби?

– Так она же умерла?

– Да я в курсе, но было бы так здорово найти его детское прозвище, к примеру, – уперлась Пенни. – Любимый сорт мороженого. Колыбельную. Короче, любую мелочь, помимо официальной информации.

Под конец беседы мать с энтузиазмом воскликнула:

– Поняла! Немедленно отправляюсь в подвал!

– Спасибо, мамуль.

Стоило раз симулировать оргазм, как закрались сомнения в искренности остальных. Пенни больше

не доверяла реакции собственного организма. Теперь каждую ночь она терзалась страхом, что в своих восторгах либо переигрывает, либо наоборот. Макса она никогда не любила, зато любила то наслаждение, которое он вызывал в ее теле. Теперь даже оргазмы утратили над ней власть.

Не потому ли прекратилась его связь с Клариссой Хайнд? И принцессой Гвен. И с Алуэттой.

Осталось всего шестьдесят семь дней.

Как бы то ни было, порой приходилось симулировать. Бывали ночи, когда даже воспоминания о горячих губах Алуэтты не могли довести до оргазма. Иногда ей удавалось обмануть Максвелла, но по большей части – нет. Ее тело он знал лучше ее самой.

Когда Пенни попадалась – ее выдавали базиллярный пульс, судоральный рН и синюшность эпителия, – Макс бесцеремонно выдергивал прототип, демонстративно рвал свежееисписанные листки и швырял клочки в корзину. Затем открывал ноутбук и в который раз редактировал первое поколение маркетинговых материалов «До самых кончиков».

Однажды, чтобы хоть как-то поднять ему настроение, Пенни выразительно кивнула на блокнот:

– Они все там?

– Кто? – спросил Макс, не отрываясь от экрана с очередной телерекламой, присланной на утверждение. В глазах Пенни все такие видеоролики были на один лад: женщины с маниакальной улыбкой и горящим взглядом мчатся домой из магазина или с почты, прижимая к груди ярко-розовую упаковку с витиеватой надписью «До самых кончиков». В конце закадровый голос сладострастно урчит: «Миллиарду мужей грозит скорая отставка».

– Твои бывшие, – уточнила Пенни. – Они все там? – Она вновь кивнула на блокнот, испещренный паучьей скорописью. – Президент, принцесса, наследница стального концерна?

Она и сама знала ответ. Макс собирал информацию, как сорока.

– Этот блокнот лишь один из немногих, – промолвил он, прокручивая макеты рекламных постеров, которые вот-вот появятся во всех женских журналах мира. На дисплее мелькали логотипы «кончиков» на баскском, французском, хинди, африкаанс, китайском... – Уверена, что хочешь быть в курсе? – холодно поинтересовался он.

Нет, в этом Пенни сомневалась, но утвердительно кивнула.

– У меня проиндексированы и снабжены перекрестными ссылками антропометрические характеристики семи тысяч восьмисот двадцати четырех женщин в возрасте от шести до двухсот семи лет. – Обернувшись и встретив ее ошарашенный взгляд, Максвелл добавил: – Прежде чем ты кинешься звонить в комиссию по делам несовершеннолетних, уведомляю: контакт с шестилетней состоялся, когда нам обоим было по столько же, и мы играли в доктора в подвале ее дома в Балларде.

Многовековым объектом оказалась колдунья, обитавшая на вершине Эвереста.

Макс улыбнулся.

– Я развил в себе навыки доставлять наслаждение любой женщине, – заявил он бесстрастным тоном. – Молодым и старым, худым и толстым, из разных стран и культур – не важно. Сейчас я могу быстро и эффективно довести каждую до такого оргазма, о каком она мечтать не смела.

Вернувшись к монитору, он продолжал:

– Я собирал данные о половой восприимчивости старшеклассниц, студенток и молодых специалистов. Изучал эротическую технику ритуальных блудниц в таджикском храме... у немецких сексологов... суфийских танцовщиц живота. Женщины, известные тебе – богатые и знаменитые, – это лишь верхушка моего сексуального айсберга. Укладывая их в постель, я уже в совершенстве владел тысячью способами доставлять наслаждение.

Пенни догадалась, что при таком размахе лишь немногие из партнерш могли рассчитывать на более-менее прочное внимание Макса.

– И вот почему ты предпочел Клариссу Хайнд?

– Нет. С такими, как Кларисса и Алуэтта, дело было уже не в исследованиях. А в тестировании. Отладка, доводка плюс связи. Не говоря уже про рекламу. Я обнаружил, что очень удобно знаться с президентом США и английской королевой на столь интимном уровне. Их престиж притягивал ко мне все новых подопытных объектов.

- Вроде меня? – уточнила Пенни, польщенная и уязвленная одновременно.

Макс подарил ей добрый взгляд. Он сидел на кровати, пристроив раскрытый ноутбук на коленях.

- Нет, милая. Ты мой круг почета.

Его коллекция эротических инструментов не знала себе равных за всю историю цивилизации. Работоспособность экспонатов была апробирована им лично. Некоторые были просто убийными. Объем генерируемого ими удовольствия мог в буквальном смысле умертвить среднестатистическую обывательницу. Последняя фаза испытаний была направлена на то, чтобы притупить мощь особо опасных игрушек. Отныне можно не опасаться судебных исков.

- Прежде чем строить из себя жертву эксплуатации, – продолжал Макс, – вспомни, сколько ты выиграла от нашего совместного времяпрепровождения. Твое имя во всех мировых газетах, гардероб не уместается в шкафу.

Пенни не могла не согласиться с его доводами, хотя теперь понимала, почему Алуэтта потребовала пятьдесят миллионов долларов за моральный ущерб.

- Если тебе станет от этого легче, девочка моя, знай, что ты спасла множество невинных душ. – Пощелкав клавишами, он вывел на экран очередной набор рекламных слоганов. – Хотя «невинные» в данном случае понятие весьма и весьма относительное.

После каждого марафона эротического блаженства каменели и ныли все мышцы. Ощущение, как будто поднялась на Эверест или переплыла Ла-Манш. Отдельные, наиболее продвинутые эпизоды оставляли после себя впечатление, что навалился полиомиелит. Вплоть до полной рекуперации организма ни о каком сексе не могло быть и речи. Макс это понимал. Не настаивал. Некоторые позы требовали от Пенни гибкости на уровне цирковой акробатки или женщины-змеи. Потянутая мышца или порванная связка могли парализовать ход испытаний на несколько недель.

Пентхаус наводнил батальон физиотерапевтов. Чтобы ускорить процесс выздоровления, массажисты часами мяли ее умщенное ароматическими маслами тело, глубоко прорабатывая ткани опытными мускулистыми руками. Чудеса творили и акупунктурщики, обкалывая Пенни тонкими иглами. Только убедившись, что подопытная окончательно оживлена, Макс подступал к ней с новым аппаратом или афродизиаком. Потерзав ее очередными сладкими муками, он вызывал ремонтно-восстановительную бригаду, и та вновь ставила Пенни на ноги для следующего раунда калечащего наслаждения.

- Нельзя, чтобы усталость притупляла твои чувства, – объяснял Макс.

Пока дородный турок-массажист разминал внутренние поверхности ее ноющих бедер, Макс, полностью одетый, в костюме индивидуального пошива за двенадцать тысяч долларов, стоял рядом и обследовал обнаженное тело на предмет синяков.

- Для наших дальнейших экспериментов чрезвычайно важно, чтобы ты полностью рекуперировала свои реактивные функции.

Он шагнул к массажному столу, где, блестя маслом, лежала Пенни. Большие половые губы багровели и набухли после чувственных издевательств минувшей ночи. Пригнувшись, Макс всосал ее воспаленный клитор.

Пенни дернулась.

- Молочная кислота еще не выветрилась, – объявил Макс. – Придется отложить техконтроль на двое суток.

За последние несколько недель Пенни потеряла счет тем «кончикам», что он испытывал на ее теле. Некоторые оказались посредственными, слабенькими, малопримечательными. Однако большинство оставляли ее измочаленной и выжатой от получаемого удовлетворения. Опасаясь за собственную жизнь и здоровье, она даже попросила Макса ослабить спецэффекты. А ведь Пенни была молодой, не отягощенной хворями выпускницей юридического колледжа. Что же тогда говорить о тех, кто постарше да похилее? Для них знакомство с наиболее мощными образчиками продукции могло закончиться фатальным исходом.

Вечерами, когда очередной раунд эротических забав не оставлял места для продолжения, Пенни просила Макса почитать ей вслух. Свежеотмассированная, прихлебывающая из бокала «Кот-дю-Рон», она сворачивалась калачиком в гнездышке из атласных простыней. Макс, в смокинге и белой манишке, усаживался рядом на стуле с высокой спинкой и, лизнув палец, пролистывал страницы взад-вперед, пока не находил подходящий пример.

– «Дата: семнадцатое июня. Место: ТЦ «Америка», г. Миннеаполис, шт. Миннесота. Изделие линейки «До самых кончиков», артикул двести шестнадцать, «Овощной забавник». Кухонный комбайн для преобразования сырых овощей в фаллоимитаторы».

Монотонно-механическим голосом Макс поведал, как раскрыл столик, разложил товар лицом, как из потока покупателей кое-кто задержался, наблюдая за манипуляциями торговца. А тот совал в пластиковый кожух то морковку, то цукини и сноровисто давил на рычаг. Пожужжав невидимыми лезвиями, чудо-агрегат выдавал фаллос, чьи пропорции были рассчитаны на максимально возможное удовлетворение. Любопытствующая толпа разрасталась. Макс рассказывал и показывал, как регулировать ход внутренних ножей для получения игрушки нужной длины или толщины. Набор дополнительных фасонных лезвий позволял вырезать желобки и бугорки для углубленной стимуляции влагалищного зева. Зрительницы хихикали и ахали, но расходиться не спешили.

– А баклажаны он берет? – выкрикнули из-за спин.

Максвелл заверил, что да, и еще как.

– А картошку? – усомнился кто-то.

Тогда Макс пригласил добровольца.

Сидя нога на ногу в кресле с высокой спинкой, пристроив блокнот на коленке, он зачитал:

– «Подопытная номер 1769, представилась как Тиффани Дженнифер Сполдинг. Возраст двадцать пять лет, мать троих детей, домохозяйка. Рост – метр семьдесят. Вес – шестьдесят один кэгэ».

Под сводами ТЦ «Америка» Макс внес нужные настройки.

– Какую толщину предпочитаете? – тепло улыбнулся он. – Я про клубень, разумеется.

Женщина зарделась.

– Не очень толстый. Мне бы средненький...

– Гладкий или фасонный?

Тиффани задумчиво потерла висок.

– Фасонный.

– Ребристый или с шишечками?

– А можно и то, и то?

Затаив коллективное дыхание, толпа следила, как Максвелл приподнял крышку комбайна и втиснул бугорчатый клубень в подающий лоток.словно фокусник на сцене, он церемонно обратился к отважной покупательнице с предложением надавить на рычаг.

– Волнуетесь?

Трепеща, та кивнула. Время замедлило темп, приближаясь к моменту секс-истины.

Обнадеживающая длань Максвелла легла на талию Тиффани Сполдинг. Заставив ее положить обе руки на рычаг, он накрыл их сверху своей ладонью.

– Давить надо плавно, но решительно.

На счет «три» оба нажали, и зеваки ахнули.

Приподняв защитный экран, Макс продемонстрировал идеальный фаллос. Гладкий и слегка загнутый, он несколько не походил на грубый корнеплод из Айдахо, проникший в прибор сверху. При соблюдении известных санитарно-гигиенических предосторожностей и тщательной термической обработке, заверил Макс, ничто не препятствует такому овощу проследовать с грядки в спальню, а оттуда – на семейный стол. Для молодой мамы с ограниченным бюджетом такое приобретение окупится за считанные недели.

– Отныне овощами можно баловаться досыта! – шутливо похвастал Макс.

Кто-то одобрительно хихикнул. Собравшиеся заплодировали и, вытащив деньги, плотно обступили торговца. Его никто не узнавал. Пусть и простенькая, маскировка действовала безотказно. Даже когда фальшивые усы слетали в ходе кунилингуса – да, бывало такое, и нередко, – подопытные не догадывались, с кем они резвятся. Никто и помыслить не мог, что в поисках бутафорской

растительности их простыни ворошит лично К. Линус Максвелл, богатейший человек на земле.

Максвелл, не прерывая чтения, придвинул стул ближе к кровати. Сунув свободную руку под одеяло, нащупал замученную промежность Пенни.

– «Овощного забавника» разобрали за считанные минуты. Когда вся партия была распродана, одна покупательница задержалась.

– А как же я? – интимно понизив голос, поинтересовалась подопытная номер тысяча семьсот шестьдесят девять».

В спальне парижского пентхауса Макс поглаживал мягкие контуры вагины-трудоголика, мелкими круговыми движениями стимулируя приток влаги из недр.

– «Подопытная 1769 прижала к груди обточенный клубень. Стреляя глазками из-под опущенных ресниц, она промолвила:

– Как у вас ловко получается...

Картофелина очутилась в двусмысленной близости от ее рта, покрашенного помадой «Розовый дворец» от «Эйвон». По цвету кожи подопытной установлено, что через семнадцать дней у нее начнется эстральный цикл. От объекта 1769 последовал вопрос:

– А что еще у вас есть для экономии времени и сил?»

Продолжая читать все тем же ровным, монотонным голосом, Макс глубже уткнул пальцы во влажное пекло. На сей раз Пенни не вздрогнула, а только замычала, натирая лобок о тяжелую руку.

– «Подопытная за номером 1769 проявила полную готовность и активное желание принять участие в предварительных испытаниях вагинального спринцевателя с рабочим веществом на основе шампанского...»

И дальше в том же духе. Читка вслух затянулась на долгие часы. Но Пенни уже не слушала, отдавшись привычной магии рук.

Во время другого вечера отдыха, в череде воспоминаний о гейшах, певчихах и куртизанках, Максвелл поделился рассказом о сереньком ничтожестве, рекрутированном чуть ли не вслепую.

– «Подопытная 3891, – зачитал он. – Место: пос. гор. типа Бейкерсфилд, шт. Калифорния. Классная комната начальной шк. Хиллшир. Время: девятнадцать ноль-ноль. Дата: второе октября».

Для испытания образца с артикулом двести сорок один требовалась самка покрупнее. Вагинальная ткань великолепно абсорбирует влагу, что и послужило отправной точкой для создания «Ух! ажера», вибратора с четырьмя несообщающимися гидрополостями, каждая из которых могла заряжаться жидкой фазой по личному выбору. Оператор программировал устройство на заданный объем выброса, скажем, бодрящего кофе или сиропа от кашля для достижения большей эйфории. При желании в ход шли антибиотики. Или экстракты эфирных масел для дополнительной смазки. В нужный момент наконечник вибратора впрыскивал заданную дозировку.

Для проверки эффективности прибора Макс подкатил к матери-одиночке и завязал непринужденную беседу. С целью отчуждения объекта от прочих самок, он сделал комплимент ее внешности. Тактика оправдалась, и вскоре Макс изолировал подопытную в пустой классной комнате, где днем занималась подготовительная детсадовская группа.

– Там, возле клеток с представителями отряда грызунов, я добился расположения испытуемой.

Не открывая глаз, внимая его голосу, Пенни вздохнула. Агрегат за артикулом 241 она знала не понаслышке. Кофеиновая брызгалка не раз выручала ее, позволяя продержаться до открытия второго дыхания теми ночами, когда по плану шла отработка надежности на отказ.

– «Несмотря на повышенный индекс массы тела, реакция на прибор оказалась ярко выраженной, если не сказать бурной. – Макс, по обыкновению, бубнил, бесстрастно излагая факты. – Уже на начальном этапе подопытная без видимых причин принялась через регулярные интервалы выкрикивать «Фабио!».

Пенни втайне улыбнулась неспособности Макса дешифровать культурную отсылку.

– Пульс подопытной участился до ста пятидесяти семи ударов в минуту, – зачитывал он. – Электропроводимость кожи многократно возросла. – Макс умолк, переворачивая страницу. – Следует отметить, что исследователь на протяжении всего опыта испытывал большие трудности с удержанием прибора в предписанной точке. Подопытная номер 3891 проявила недюжинную силу в тазобедренной области, пытаясь узурпировать материальную часть для единоличного завершения

эксперимента».

Пенни живо представила картину: обделенная вниманием дама вступает в схватку с бледным худощавым Максвеллом за право обладать пульверизационным фаллоимитатором. С галерки, из своих зарешеченных узилищ, на эти выходы мирно помаргивают хомячки и кролики.

– «На пике оргазма (дыхание – двадцать пять тактов в минуту, артериальное давление сто семьдесят пять на сто два) краевые условия испытания радикально изменились. – Макс насупился, разбирая собственные выцветшие каракули. – В то время как апробация продукта охарактеризовалась безусловным успехом, место проведения опыта оказалось недостаточно уединенным».

Ага! Кто-то их накрыл.

– «Старейшины церковной школы, – подтвердил Макс, – без приглашения и предупреждения проникли в аудиторию, по-видимому, привлеченные акустическим фоном процедуры».

Со всей серьезностью истинного ученого он добавил:

– «Следует отметить, что у подопытной, по всей видимости, исключительно крупный *корпус спонгиосум*. При появлении посторонних наблюдателей произошел мощный выброс эякулята из уретрального канала в их направлении со стопроцентным попаданием в цель».

Гладкими безволосыми костяшками Макс как гребенкой проехался по гиперчувствительному клитору Пенни: прием, буквально сводивший ее с ума. Она хихикнула. О, злосчастная бейкерсфильдская подопытная! Уделать старейшин церковной школы... Хочется верить, что мимолетное удовольствие того стоило. Впрочем, зная «Ух! ажера» лично, Пенни ни секунды не сомневалась, что дама не пожалела о тайной встрече.

На пороге спальни возник мажордом с серебряным подносом. Нежась в гнезде из шелковых простыней и мягких подушек, Пенни протянула руку за бокалом шампанского. Отхлебнув ледяного вина, она махнула гривой и пальчиком показала на блокнот, раскрытый у Макса на коленях.

– Почитай еще.

Не только травмы и усталость мешали опытам Макса. Впрочем, месячные Пенни он преодолевал стойчески, а сопутствующие им спазмы и колики снимал таблеткой морфина со стопкой сладкого хереса. Под действием коктейля Пенни проваливалась в сумеречный полусон, не воспринимая ничего и никого, кроме Максвелла с его чтением.

– «Подопытная номер 3828. Место: Манхэттен, Зуккоти-парк. Дата: семнадцатое сентября».

Он подробно описал, как соблазнил молоденькую идеалистку, только-только пожаловавшую из Оклахомы, чтобы принять участие в акции «Захвати Уолл-стрит».

– «На вопрос о возрасте испытуемая ответила «девятнадцать», – продолжал он. – Я потребовал предъявить водительские права, поскольку не имел ни малейшего желания портить статистику данными на основе недосформировавшихся, незрелых гениталий».

Мизансцена: глубокая ночь. Основная масса митингующих мирно спит. Макс апробирует на девушке прототип за артикулом двести двадцать три, «Влюбленный варан»: простой по конструкции, но чудодейственный силиконовый язык с телескопической функцией для имитации орального секса, рассчитанный на особо глубокое проникновение вплоть до активного воздействия на шейку матки.

Даже одурманенная морфином, Пенни вспомнила потрясающую новинку, и какие чудеса творил с ее помощью обделенный в этом плане Максвелл. Она заерзала от приступа буйного желания.

– «...Подопытная предложила, чтобы экспериментатор приковал ее за руки и за ноги к ограде штаб-квартиры «Бэнк оф Америка» в знак символического протеста.

Обработанное наркотиком сознание живо нарисовало картинку: обнаженная подопытная залита лунным светом, ее нижние конечности широко раздвинуты, на гладкой коже – грубые цепи. Подопытная 3828 кладет свое юное тело на алтарь капитализма. Коленопреклоненный Максвелл вводит телескопический язык на полную глубину, а сам припадает губами к лобку.

– «Тут секрет в правильной работе языка, – зачитал он. – Как будто поешь. Во избежание судорог мышцы мандибулы должны быть расслаблены. Спустя короткое время подопытная выразила свое одобрение криком: «Плюсуйте и мое тело к девяносто девяти процентам!»»

Максвелл пояснил, что такие вопли привлекли внимание толпы бородатых радикалов, выразивших

охотное желание принять участие в эксперименте.

– «После краткого инструктажа, – зачитывал Макс, – вновь прибывшие легко управлялись с прототипом номер двести двадцать три».

Пенни уже не различала, где сон, а где явь. Утопая в морфиновых грезах, она млела под языками легиона лохматых активистов. Под аккомпанемент голоса Максвелла галлюцинировала картиной появления полицейского спецназа. Безликие за забралами своих кевларовых шлемов, стражи порядка расчехлили дубинки, угрожая бесстыдной наготой подопытной.

– «По окончании эксперимента, – подвел итоги Максвелл, – испытуемая начала проявлять признаки застенчивости и призналась, что приняла неустановленную дозу наркотической субстанции, известной под названием ЛСД. Затем попросила снять обездвиживающие крепления и обратилась с устным ходатайством о предоставлении материальной помощи в размере суммы, достаточной для покрытия перелета на родину – г. Талса, шт. Оклахома...»

Спортивные лагеря олимпийского резерва. Общества любителей чтения. Кружки кройки и шитья. Вот где Макс рекрутировал подопытных, вот среди какой элиты Пенни обрела свое членство.

После энного упрека в симуляции оргазма Пенни сменила тактику с точностью до наоборот: не давала себе отзывать на любые усилия Макса. К каким бы ухищрениям тот ни прибегал, Пенни сдерживала доселе привычный визг, служивший подтверждением его гения. Пусть это жестоко, но ей было плевать. И вообще нарастала обида. Приятно разве, когда тебя держат лишь за инструмент, мерило чужого успеха?

Как-то под вечер Макс испытывал клеммы для сосков, пропуская через нее низкоамплитудные флуктуации напряжения, от которых вдоль позвоночного столба бегали синусоидальные волны возбуждения, разветвляясь по верхним и нижним конечностям. Искры электрического экстаза летели из-под ногтей, мерцали нимбом вокруг чела. На протяжении всего процесса Пенни заставила себя лежать смирно, решив сосредоточиться на тех вопросах с экзамена по юриспруденции, какие еще могла вспомнить. Хорошо помогла и «Геттисбергская речь» Авраама Линкольна.

Тут, без малейшего предупреждения, Макс перебросил рубильник, отключая аккумуляторную батарею, и с демонстративной бесцеремонностью сдернул клеммы с девичьих сосков. Не молвя ни слова, смотал провода в аккуратный бунт и отложил в сторонку. Лишь после этого бросил упрек в лицо:

– Злишься, да? На меня злишься?

– Я тут ни при чем, – буркнула Пенни. – Должно быть, твоя фиговина просто не фурычит.

– Не фурычит? – Он хмыкнул и, сверившись с записями, заявил: – Твой пульс участился до ста восьмидесяти ударов в минуту. Ректальная температура достигала тридцати девяти и четырех десятых градуса по Цельсию. Пофурычь моя фиговина помощнее, ты бы кончила коронаротромбозом или церебральной эмболией.

Последний раз она видела Алуэтту д'Амбрози на вечеринке в одном из домов по бульвару Сен-Жермен. Актрису сопровождал симпатичный романист Пьер Лекуржэт, свежее испеченный лауреат Нобелевской премии по литературе. Вместе они составляли колоритную пару. В какой-то момент Пенни выпустила их из виду, но в конце мероприятия Алуэтта сама подошла к ней. Нервно озираясь, французская красавица осведомилась:

– Где Макс?

Не дожидаясь ответа, она продолжила:

– Зря я тебе не верила. Мы должны объединиться, ты и я. Потому что нам грозит страшная опасность.

Это была их первая встреча после памятного инцидента с «брачными камушками». Французенка сильно похудела; хоть от нее и не пахло спиртным, глаза лихорадочно блестели. В запунцовевшем декольте горел сапфир.

На том конце зала возник Макс. Голова, по обыкновению, склонена, взгляд прикован к блокноту. Завидев приближающегося Макса, Алуэтта напряглась.

– Меня снова номинировали на «Оскар», так что придется ехать. В следующем месяце поговорим плотнее, хорошо?

– С удовольствием, – пролепетала Пенни. Непрошеным гостем всплыло воспоминание о дивном рте Алуэтты в районе промежности.

– То, что я скажу, тебе не понравится, – предупредила актриса. Впрочем, взгляд ее был теплым. – Но мы станем подружками, поплачемся друг другу, хорошо? На груди.

Когда Максвелл подошел ближе, она расцеловала Пенни в обе щеки и заторопилась к своему кавалеру.

Не отрывая взгляда от ее колыхающегося тела, Макс выдвинул ящик тумбочки. Что-то извлек оттуда и приложил к глазу. На поверку выяснилось, что это камера, которой он и взялся водить взад-вперед, как заправский кинооператор при панорамной съемке.

Пенни не испугалась, на каком-то инстинктивном уровне понимая, что ей ничего не грозит. Если кадры будут обнародованы, репутация Макса пострадает куда сильнее, нежели ее собственная. По утрам, когда она просыпалась, он был занят настройкой очередной штучки для ее персонального удовольствия. Ненавязчиво шуруя новой игрушкой внутри Пенни, Максвелл рассказывал, к примеру, о древних сексуальных ритуалах суданских племен. Или пускал в ход уже не столь замысловатые приспособления вроде эластичных розовых аналогов хирургического фиксатора для разведения ягодиц в целях облегчения доступа.

Сканируя ее объективом, он промолвил:

– Будь умницей и не дергайся. В камере нет пленки. Я всего лишь хочу, чтобы ты почувствовала, как за тобой наблюдают.

Так оно или нет, Пенни даже не задумывалась. Ей просто льстило повышенное внимание. Интересно, другие испытательницы тоже ставили тщеславие на ту же планку, что и физическое удовлетворение?

В дневное время, когда солнечный свет из стрельчатых окон струился на постель, Пенни голышом забиралась под шелковистую простыню и, подкрепляя силы профитрольками, штудировала старые учебники по гражданскому праву. Теперь наряды доставляли ей прямо на дом. Дизайнеры лично снимали мерки. Стоило лишь высказать пожелание, и Макс вывозил ее в оперу или театр; Впрочем, она редко покидала пентхаус.

Близился запуск «кончиков», и Пенни задавалась вопросом, что с ней будет дальше. Напрасными иллюзиями себя не тешила. Законченная холодность Максвелла не допускала и мысли, что он ее действительно любит. Хватало и того, что есть человек, понимающий твои потребности чуть ли не телепатически. Макс частенько отпускал массажистов, сам заступая на их место. Умело разминал ей забитые мышцы, точно знал, что творится у Пенни в душе. Вслушивался в ее дыхание, как в живую речь.

Максвелл понимал ее так хорошо, что уже и слов не требовалось.

Вот мужчина, кто увлечен ею до крайности, кто сам восторгается тем, что помогает взойти на вершины такого наслаждения жизнью, какие ей и не снились. Он ее ценит.

За ним – за самым богатым и, возможно, наиболее влиятельным человеком Земли – наблюдали миллиарды людей, а он наблюдал за Пенни. Глазок камеры, торопливые закорючки скорописи в блокноте придавали ее жизни новый, еще больший смысл. Под его сторожким взором возникало ощущение безопасности. Заботы. Только не любви. Чего нет, того нет.

За две недели до запуска «кончиков» Макс вдруг замер в разгар любовной игры. Медленно, будто смирившись с неизбежным, извлек из нее очередной агрегат и положил на тумбочку.

Стягивая каучуковые перчатки, сказал:

– Ты мне больше не нужна.

Взял в руки блокнот.

– Непротиворечивость и достоверность твоих реакций под слишком большим вопросом.

Делая пометки, взглянул на часы.

– Свои личные вещи и гардероб найдешь на борту моего самолета. Они уже упакованы и доставлены на летное поле.

Максвелл обернулся. Оцепеневшая Пенни лежала на подушке белого атласа. Он прижал два пальца

к ее шее, замеряя пульс.

– Пилот проинструктирован доставить тебя куда пожелаешь. В любую точку земного шара.

Поди тут возрази. Даже ноги сдвинуть не дали.

Он записал последний набор показаний с ее пульсом и температурой.

– В швейцарском банке на твоё имя положены пятьдесят миллионов долларов. Доступ к этим средствам получишь позднее при условии, что впредь не будешь искать со мной встречи. – Максвелл взглядом подчеркнул суть своих распоряжений. – В случае разглашения деталей нашей совместной деятельности счет будет заблокирован.

Повисла вечная пауза. Несмотря на ледяной тон, Пенни чувствовала, что сердце маленького мальчика разбито.

– Тебе ясно? – спросил он наконец.

Смаргивая слезы, прижимая голые коленки к груди, Пенни отмолчалась. Её ошеломила внезапность отставки.

– Тебе! Ясно! – рявкнул Макс.

Взбешенный тон смахнул секундное наваждение, и она дернула головой.

– Подопытная не реагирует, – буркнул Макс, принимаясь за писанину. Точно, ошибки быть не может: скорбь перехватила ему горло.

Пенни свернулась калачиком, лицом к стене. Кончилась сказка про Золушку, пора приходить в себя.

– Знай, что ты сделала существенный вклад в разработку товарной линейки «До самых кончиков», – вновь забубнил его голос. – В знак моей признательности тебя ожидает скромный подарок на борту самолета. Смее надеяться, он придется тебе по душе.

Кровать трянуло – Макс поднялся с постели, – по ковру зашуршали босые ступни.

– Прошу покинуть мой дом в течение часа.

Захлопнулась дверь в ванную комнату.

Минуло ровно сто тридцать шесть дней.

В салоне «Гольфстрима», на единственном свободном от чемоданов и фирменных сумок кресле, лежала перевязанная бантом коробочка. Из пентхауса Пенни выдворили в одной шубе (шиншилла в пол) и прадовских шпильках. Пристроив коробочку у себя на коленях, она застегнула ремень. Пилот объявил взлет.

Очутившись в воздухе, одинокая пассажирка развязала бант и подняла крышку. Внутри обнаружился рубин на тонкой золотой цепочке. Тот самый, который Максвелл носил на пальце; третий по величине рубин, добытый в Шри-Ланке, из перстня превратился в кулон. Соседкой рубина по коробочке оказалась ярко-розовая стрекоза. Мягкие плотные крылья украшены логотипом «До самых кончиков». Пенни внимательно оглядела усики и брюшко пластмассового насекомого.

Стрекозиный сувенир был секс-игрушкой. Массовой версией неоднократно проверенного прототипа. Пенни ни разу не наскучили трепетные крылышки. Эти испытания оставили в памяти ни с чем не сравнимые впечатления, при мысли о которых тут же зарделись щеки.

Трастовый фонд в пятьдесят миллионов долларов, нарядов на целый универмаг. Язык не повернется сказать, что с ней обошлись несправедливо. Убрав стрекозу в карман шубы, Пенни застегнула цепочку и, чувствуя теплой грудью холодную тяжесть рубина, начала планировать первый день новой жизни. В ведерке со льдом – только руку протяни – пузырилось шампанское. Стюардесса наполнила бокал и по просьбе Пенни приглушила свет в салоне.

Пригубив искристый брют, Пенни даже взгрустнула, что лишь пять с половиной месяцев назад этот напиток казался роскошью. Жизнь с Максом, составленная из многократных оргазмов, запиваемых шампанским, её избаловала.

Избаловала, но не сломала. Будущее рисовалось яркими, бодрящими красками. Понадобится нечто

большее, нежели шампанское, чтобы удалось сегодня уснуть.

Убедившись, что ее не видно, Пенни распахнула шубку и вставила стрекозу между ног ловким, подсмотренным у Макса движением. В расчете на увеличение сбыта он предусмотрел автоматический нагрев игрушки до идеальной температуры. Пенни не глядя нажала на запускающую кнопку.

Интересно, чем займется Макс после «кончиков»? Может, уже сейчас планирует новый товарный ряд? Найдет себе очередную подружку с «образцовыми» гениталиями для макетирования... Таковую, которая не стесняется выражать свои восторги.

Хотя «подружка» тут вряд ли годится. Скорее, подопытная свинка.

Пронзая чернильный мрак над Атлантикой, Пенни вновь наполнила бокал и откинулась на спинку кресла, отдаваясь восхитительной щекотке между ног.

Первые недели в Нью-Йорке промелькнули как в тумане.

Средства, выделенные на ее содержание, Максвелл оформил аннуитетом. Всю сумму она снять не могла, но процентов на безбедное существование до конца жизни хватало с лихвой. Проявив предусмотрительность, вложила в недвижимость, купив особнячок в Верхнем Ист-Сайде. Когда риелторша показала ей светлую кухню, облицованную плиткой в теплых солнечных тонах, да предложила обратить особое внимание на кованую решетку лифта и камин из резного мрамора, Пенни выписала чек, не торгуясь. Гардеробных и чуланов в доме было предостаточно, но они все равно едва вместили бесконечные наряды новой хозяйки.

Выйдя на работу обратно в «Би-Би-Би»-контору, Пенни в первый же день обзавелась соседкой по жилью.

Несмотря на весь свой самопровозглашенный имидж закоренелой сторонницы богемы, Моник с восторгом ухватилась за шанс выехать из захудалой квартирки-студии под мостом имени Тадеуша Костюшко, которую делила с двумя этническими товарками. Не успела Пенни опомниться, взвесить все «за» и «против», как Моник уже таскала коробки из такси в элегантный вестибюль особняка. От запаха сандалового дерева закладывало нос, хотя треньканье ситара – у Моник это сходило за музыку – помогало заполнить пустоту. Первую ночь совместного быта отметили ужином из тофу под соусом карри: творение рук неохиппи-переселенки. Затем девушки плюхнулись на диван в зале домашнего кинотеатра и, прихватив по миске попкорна, стали смотреть прямую трансляцию «Оскара».

Когда камера переключалась на гостей, собравшихся в театре «Кодак», Пенни невольно высматривала бледное мальчишеское лицо и светлые прилизанные волосы Максвелла. Вот Пьер Лекуржет, сидит возле центрального прохода. А где ему еще сидеть? Тут дело ясное, все-таки его Алуэтту прочили в победительницы как лучшую актрису. Пенни узнавала и другие лица, совсем недавно глядевшие на нее кто злобно, а кто и похотливо. Совсем еще недавно она терлась локтями с этими знаменитыми и влиятельными персонажами. Воспоминания о той жизни таяли словно эротический сон. Она позволила огородить себя фантастическими удовольствиями без какой-либо эмоциональной привязанности, зато сейчас выпущена в свободное плавание.

Закаленная исследованиями Макса и пристальными взглядами медийно-деловой аристократии, Пенни избавилась от чувства неловкости быть у всех на виду. Ее уже не задевало щелканье затворов папарацци. Она научилась считать себя постоянным центром внимания и теперь держалась на людях спокойно и естественно.

Причиной ли тому благоприобретенная уверенность в себе или же обновления, но Пенни все чаще ловила на себе мужские взоры. Прогуливаясь по Лексингтон-авеню, она ловила собственное отражение в блумингдейловских витринах и не узнавала себя в этой длинноногой амазонке. Детский жирок порастресся. Волосы струящимся каскадом обливали плечи.

Задним числом она была рада, что в мировой столице моды слухом не слыхивали про сливочное мороженое ведерками.

В домашнем кинотеатре развернулись шуточные баталии за пульт. Обе девушки наперебой передразнивали малоизвестных деятелей большого экрана с их многоречивыми благодарностями. Но вот со сцены выпроводили лучшего кинодокументалиста, и пошел рекламный ролик.

Телевизор показал компанию улыбающихся девиц за праздничным столом. В центре кадра самая хорошенькая задувает свечечки на именинном пироге, все остальные тянутся к ней с подарками. И – батюшки, что за незадача! – из-под обертки одна за другой появляются все те же ярко-розовые коробочки с затейливой белой надписью: «До самых кончиков». Подружки пожимают плечами и

хихикают. Сложив губки бантиком, что-то такое нашептывают в соседнее подставленное ушко, словно делается секретом. Именинница визжит от восторга, как будто в розовой упаковке таилась нирвана.

Пенни недоумевала: вот уж вряд ли эдакие стройняшки с миндальными глазами, да к тому же не обметанные прыщами, сталкиваются с проблемой нехватки кавалеров. Эти-то в последнюю очередь ринутся сметать с прилавков максвелловские как-их-бишь-там-кончики.

А вот и знакомый рекламный гвоздь: «Миллиарду мужей грозит скорая отставка...»

– У них бутик на Пятой авеню, – промычала Моник с набитым ртом. – Завтра открытие. Жду не дожусь.

Перед мысленным взором Пенни всплыл главный сбытовой филиал. Там уже сейчас очередь на два квартала вплоть до Пятьдесят пятой. Фасад облицован розовым зеркалом; сколько ни вглядывайся, дорогая покупательница, увидишь лишь свое отражение – розовощекое, похорошевшее.

Хотелось верить, что массовая продукция будет качественнее той стрекозы, что Макс оставил ей в «Гольфстриме». Пенни задремала под убаюкивающую пульсацию, но на подлете к Ла-Гардиа обнаружила, что игрушка сломалась. Пластиковые крылышки облетели, брюшко развалилось, и, словно из кокона, оттуда что-то вылезло. Всплыло слово «метаморфоза». Но это гусеница становится бабочкой, взрослое насекомое просто гибнет. Отложит яйца под капустный лист и помирает. Пока пилот готовился к посадке, Пенни незаметно выудила из себя кусочки силикона и спрятала их в карман шубки.

Она мысленно поклялась найти всамделишного, живого любовника из плоти и крови, не то ее и впрямь ждет очередь на Пятой авеню.

– Эй, Омаха, не зевай! – Моник швырнула в нее пригоршней присоленного, подмасленного попкорна.

В телевизоре Алуэтта д'Амбрози с грациозной неторопливостью пересекала сцену, направляясь за статуэткой. Подол лучшей актрисы кружил вокруг божественных ног. Обнаженные плечи гордо развернуты, грудь – спасибо открытому декольте – вперед и вверх. Словом, идеал успеха и уверенности в себе. Глаз не оторвать.

– Обожаю! – вздохнула Моник. – Интересно, камушек настоящий?

По центру ложбинки пылал исполинский сапфир.

Камера взяла крупным планом Максвелла, сидящего в десятом ряду. «Ботан»-сердцеед, похоже, забавлялся какой-то электронной игрушкой. Скользя пальцами по кнопкам крошечного черного устройства, он не обращал внимания на сценический триумф Алуэтты.

Зато прочая именитая публика не скупилась на восторженные овации. Стоя за трибуной из прозрачного оргстекла, ослепительно улыбаясь французская красавица благосклонно внимала аплодисментам. Зрители встали с мест. Буря, шквал, девятый вал восхищения. Когда фурор улегся и актриса подалась к микрофону, по ее изящным чертам скользнула тень боли. Губы и брови дрогнули. Секундная слабость миновала, и вновь вернулась знаменитая улыбка. Однако грим не мог скрыть внезапного румянца, а увлажненные путем пряди начинали липнуть к щекам.

Какая-то она ошарашенная, подумала Пенни. А впрочем, оно и понятно, такое событие...

Актриса приступила к ответной речи.

– *Merci*, – проворковала она в микрофон, и опять содрогнулась. – *Alors...*

Всхлипывая, прижимая к груди золоченую статуэтку, Алуэтта шагнула в сторону кулис, но как-то неуверенно, словно разучилась ходить на шпильках.

После второго шага она споткнулась и упала. «Оскар» забряцал по полу. Публика сочувственно загудела.

– Эй, на помощь! – прикрикнула Моник на телевизор.

Суча ногами, Алуэтта приподнялась на локтях. Волны конвульсий пошли от ступней до самых бедер, пока трясучка не охватила обе ноги. Колени медленно разъехались в стороны, обращенный к зрителям подол пополз вверх. Алуэтта отчаянно пыталась прикрыться, но натянутая ткань не поддалась. Еще миг, и весь зал смог обозреть звездную промежность. А трусиков-то нет, сообразила Пенни. Да и кто станет надевать нижнее белье под облегающий наряд?

– Нет, ты видишь? – шепотом выдохнула Моник. Ее рука застыла на полпути от миски с попкорном к

разинутому рту.

Пятикратной «оскароноснице» было явно не по себе. Голова моталась из стороны в сторону, хлеща волосами по сцене. Глаза закатились под лоб, показав белки. Грудь ходила ходуном, спина выгнулась, словно подставляя бедра любовнику-невидимке.

– Нет! О нет! Только не здесь! – Ее французский акцент резко усилился. Со стороны казалось, что несчастная не сводит глаз с К. Линуса Максвелла.

Опомнившись, кто-то сообразил пустить рекламу.

Образ изнемогающей женщины, выпятившей голый лобок на многомиллионную аудиторию, тут же сменился очередной стойкой хихикающих прелестниц с ярко-розовыми фирменными пакетами.

В «Би-Би-Би»-конторе только и разговоров было что про скандальное происшествие. Алуэтта д'Амбрози скончалась. Согласно первой полосе «Пост», лопнувший сосуд головного мозга не дал ей дожить даже до приезда «скорой».

Поговаривали, что во время прерванной трансляции камеры продолжали съемку. На глазах промышленных магнатов Алуэтта вела себя как сучка в период гона, вплоть до дикой сцены мастурбации позолоченной статуэткой. Но этому Пенни отказывалась верить. А может, не хотела. Жгучие кадры вроде бы выложили в Сеть, однако смотреть их не было сил. И вообще, если на то пошло, шокирующий эпизод лишь укрепил ее во мнении, что Алуэтта страдала серьезным психическим расстройством. Как ни печально, актриса, судя по всему, стала жертвой рецидива наркотической и алкогольной зависимости.

В общем, целая трагедия. Причем по нескольким фронтам сразу.

Бриллштейн планировал сделать Пенни компаньоном. Расчет был прост: в деле о возмещении морального ущерба она выступит в роли главного защитника Алуэтты. Эффектная комбинация: свежее отвергнутая пассия бросается на выручку бывшей сопернице. При таком раскладе истица наверняка смотрелась бы всамделишной жертвой коварного ловеласа. «Би-Би-Би» гарантированно выигрывает процесс, хотя и не сразу, а после энного количества часов, подлежащих оплате. Со смертью актрисы пузом кверху перевернулась и тяжба. Фирме требовалось очередное громкое дело, а Бриллштейну – новая витрина для демонстрации адвокатских талантов Пенни.

Но не только босс уделял ей повышенное внимание. На горизонте снова замаячил Тэд. Тот самый Тэд Смит, что прозвал ее «шельмочкой». Молоденький специалист по патентному праву, чье мужское достоинство Моник окрестила головастиком. Он едва узнал Пенни после ее парижского преображения. Восхитительная до остолбенения, до дерзости независимая, нынче она никак не походила на толстую вонючую болонку. Даже если Тэд и продолжал интересоваться Моник, он ни разу о ней не обмолвился. Вместо этого пригласил Пенни на обед.

Он отвез ее в «Ла Гренуль», где попотчевал смешными историями из собственной редакторской практики в «Юридическом вестнике Йеля». Отобедав, они наняли карету прокатиться по парку. На прогулке Тэд купил связку воздушных шариков: простой романтический жест, до которого Максвелл при всех его мозгах ни разу не додумался.

Тэд даже не поддразнивал ее былым прозвищем, «Доткомовской Золушкой». В «Нью-Йорк пост» давно сменили тему. Нынче в ходу смерть Алуэтты. Засуха во Флориде. Конфуз с английской королевой, рухнувшей в конвульсиях на переговорах с китайскими поставщиками ширпотреба.

Пока их экипаж цокал по Пятой авеню, Пенни старалась не смотреть на облицованный розовыми зеркалами фасад, что высился впереди, на перекрестке с Пятьдесят седьмой улицей. У входа томила очередь. Уходящая за горизонт.

– Глянь-ка, – сказал Тэд. – Никак Моник?

Пенни присмотрелась: и впрямь, зябко постукивая каблучками, на тротуаре прохлаждалась девушка, обнимавшая себя за плечи. Вся очередь до последнего человечка была из женщин. Вжав голову в плечи, Пенни съехала как можно ниже. Морщась от разочарования и досады, уткнулась носом в воздушные шары.

– Мо! – окликнул Тэд и махал до тех пор, пока его не заметили.

– Жуть, да? – взвизгнула Моник. – Да я за «Блэкберри» меньше стояла!

Полуденное солнце переливалось искрами в стразах у нее на ногтях и на бусинах в косицах.

Тэд велел вознице притормозить.

Пенни вновь показалось, что о ней забыли, низвели до вонючей собачонки. Она с нарочитым удивлением вскинула лицо, притворившись, будто только сейчас заметила соседку. Пенни знала, что у Моник заготовлен целый список «кончиков», которые той не терпелось притащить из магазина и опробовать. Интернет гудел от хвалебных отзывов первых «примерщиц». Да что там хвалебных: это больше напоминало массовую истерию. Невзирая на гигантские складские запасы, намеренно созданные ко дню открытия, офшорные фабрики едва справлялись с наплывом заказов. Сарафанное радио сработало похлеще лесного пожара. Говорящие головы на телеэкранах сетовали, что, коль скоро такая масса женского населения вдруг сказалась больной и пожелала остаться дома, валовый национальный продукт может дать просадку.

Пенни негодовала на мужчин-репортеров, подававших эти новости как похабный анекдот: то подмигнут, то осклабятся, а то и жест какой изобразят.

– Прибереги свои денежки! – крикнул Тэд. – Джеральд из отдела авторского права давно положил на тебя глаз!

Лошадь фыркнула. Сзади посигналили.

– Ты разве не в курсе? – не осталась в долгу Моник. – Всех мужиков теперь на свалку!

Очередь одобрительно загудела.

Моник продолжала играть на публику.

– Да я сама все умею почище любого самца! – Она пренебрежительно щелкнула пальцами, чуть ли не высекая искры из стразов.

Вновь одобрительный гул, погромче прежнего. Смех, аплодисменты. Народ поддерживал.

Им посигналили снова. Очередь заворачивалась, начала двигаться.

– Разве самотык оплатит тебе ужин? – поддразнил Тэд, явно заигрывая.

– Уж чего-чего, а на ужин я и сама могу раскошелиться!

Еще шажок, и большой розовый универмаг проглотил Моник с ближайшими соседками.

Словно в доказательство возвращения в каменные джунгли, не прошло и месяца, как Пенни чуть не изнасиловали. В тот день она задержалась на работе и, спустившись на безлюдную платформу, поджидала метропоезд. Пока прикидывала, заказать ли тайскую кухню или же пиццу, две сильные руки схватили ее со спины. Дыхание пресеклось, в груди все сдавило, поле зрения сузилось и потемнело до мглистого тумана, где плавали лишь пятна потолочных светильников.

Она очутилась на спине; слаксы от «Донны Каран» спущены до лодочек «Джимми Чу». Позднее, перебирая в памяти произошедшее, она припомнила, что насильник вонял застарелой мочой и персиковой бормотухой. Изумляла стремительность событий. Вот она стоит и думает про цыпленка под цитронеловым соусом, а в следующий миг в нее уже тычется чей-то отросток.

На ум сразу пришел Максвелл. Впрочем, с нападавшим его роднило не клиническое любопытство, а полная безучастность.

Сама чувствуя, что сдается, Пенни вдруг услышала визг.

Насильник отскочил быстрее, чем нападал. Обеими руками ухватив немытый член, торчавший из расстегнутых штанов, он с воплями и слезами принялся за самоосмотр.

Первым делом Пенни подумала на «молнию»: должно быть, защемило кожу-то. Не успела она набраться сил, чтобы заорать или кинуться наутек, как в глаза бросилась изрядная капля крови, свисавшая с раненой головки.

Внимание расторопного незнакомца переключилось на несостоявшуюся жертву; подвывая, он выдавил:

– Ты чё там, сучка, мышеловку держишь?!

Каплю сменила струйка. Пенни заворачивалась, отползая спиной вперед от лужицы, успевшей натечь на бетон платформы. Заодно стало ясно, что на субчике надет презерватив. Тоже с дыркой.

Через секунду прибыл поезд, и мужик исчез. Вот, собственно, и все, что Пенни сумела рассказать службе 911.

У гинеколога, куда пришлось сходить за обследованием на предмет венерических заболеваний, Пенни заверили, что инфекции нет. Хотя желательно показаться еще разок, месяца через полтора. Врач, милейшая старушка с седеющей копной вьющихся рыжих волос, уговорила сдать мазок на ДНК: может, полиции пригодится. Пока Пенни устраивала ноги в стременах, гинеколог натянула перчатки. Скомандовала «выдыхаем» и ввела расширитель.

Щелкнул электрический фонарик; осмотр проводился тщательно. Поразмыслив, Пенни поинтересовалась насчет рентгена влагалища.

– Это совсем не обязательно, – заверила гинеколог.

– Ну пожалуйста! – не уступала пациентка, чья настойчивость питалась дурными предчувствиями.

– Вас что-то беспокоит? – спросила врач, не отрываясь от глазка расширителя и крутя фонариком.

Пенни рассказала про усекновение пениса и дыру в презервативе.

– Да нет тут у вас ничего, никаких колющих или режущих предметов я не обнаружила, – сказала старушка. – Думаю, вы с самого начала были правы: его хозяйство защемило «молнией». – Она неторопливо извлекла расширитель. – И поделом ублюдку.

Рентген сделали.

Снимки ничего не прояснили.

Пенни убеждала себя, что это все ерунда. Подумаешь, какой-то там зубец на ширинке. Лишь задним числом она сообразила, что настоящая беда совсем в другом. Ангелы-хранители в строгих костюмах и зеркальных очках... Они впервые не пришли ей на помощь.

На работе Пенни зубрила как ненормальная, готовясь к переэкзаменовке. Бриллштейн не отступился от обещанного и до сих пор подыскивал ей громкий коллективный иск, где она могла бы встать к штурвалу. Однако сначала надо получить адвокатские корочки.

А пока этого не случилось, Пенни по-прежнему бегала за кофе и таскала стулья для совещаний.

Моник вообще перестала ходить на работу, сказавшись больной. Вернувшись из универмага с двумя ярко-розовыми пакетами, девушка заперлась в спальне. Днем и ночью из-за двери доносилось до боли знакомое жужжание. Однажды Пенни не выдержала и постучалась.

– Мо?

Нет ответа. Но жужжание было слишком знакомым, она не могла ошибиться.

Пришлось стучать снова.

– Проваливай.

– Тобой Бриллштейн интересуется.

– Вали, говорю.

«Дз-з-з-з» – слышалось снова.

Что ж, пришлось уйти.

В среду Моник выползла на кухню, щурясь на свет за окном, словно полгода просидела в обвалившейся шахте. Шуруя в холодильнике в поисках пакета молока, проворчала:

– Дерьма-то понаделали, все на соплях. – Жадный глоток. – Надо срочно покупать новую.

Пенни оторвалась от учебника, где делала пометки фломастером.

– Сломалась?

– Типа того, – кивнула Моник. – Крылья отвалились.

Пенни замерла за кухонным столом с целой баррикадой книг и блокнотов.

– У стрекозы? – уточнила она.

Присосавшись к пакету, Моник неразборчиво процедила, мол, «да». С ее ногтей успели отклеиться стразы. Спутанные дреды превратились в воронье гнездо.

– И пополам треснула? – не отставала Пенни.

Моник кивнула:

– М-м. Пока спала.

Пенни решила поговорить с Бриллштейном. Может статься, это и есть ее счастливый билет. При таком объеме сбыта «До самых кончиков» даже крошечный процент брака может дать основания потребовать отзыв модельного ряда. Если набрать приличное число истец по всему миру и доказать ущерб, понесенный ими от бракованных стрекоз, получится колоссальный групповой иск. Идея, правда, не самая свежая; и вообще возникало впечатление, что с появлением на рынке нового типа тампонов или противозачаточных средств кто-то из женщин обязательно погибал. Инфекционно-токсический шок. Разрыв стенок влагалища. Разрабатывали эти нововведения мужчины, но за все платят почему-то женщины.

Взять, к примеру, Алуэтту. Она входила в число подопытных свинок Максвелла. Где гарантия, что тромбоз сосудов ее головного мозга не явился следствием работы стимуляторов, которыми пропитывалось силиконовое покрытие? А если в качестве свидетелей привлечь еще и королеву Англии, да президента Америки... Пенни уже видела себя новой Эрин Брокович. Вот это будет карьерный трамплин хоть куда!

Максвелл, понятное дело, взбесится и отменит выплаты из трастового фонда, но доходы и престиж от победы в столь ярком деле с лихвой покроют потери.

Выделяя маркером пассажи в учебнике патентного права, Пенни сказала:

– Я уж думала, ты прямо в кровати и померла.

– Три тысячи раз, – пискнула Моник.

– А спринцеватель пробовала?

Моник к тому времени открыла йогурт и ложкой перемешивала содержимое стаканчика.

– Когда им займешься, – продолжала Пенни, – внимательно прочти инструкцию. Шампанское бери исключительно импортное, никакого местного игристого. И только не брют, боже упаси. Да, и следи, чтобы температура была где-то от сорока до пятидесяти градусов по Фаренгейту.

Интересно, Макс чувствовал то же самое, когда поучал ее?

Выписывая цитату на полях страницы, она и впрямь ощущала себя Максвеллом. Избегая любопытствующего взгляда Моник, важно пояснила:

– При эксплуатации артикула тридцать девять пуск в ход осуществляется с отметки пятнадцать герц с последующим плавным нарастанием до сорока пяти. Наиболее выраженный эффект достигается в режиме коммутационного переключения от двадцати семи с половиной до тридцати пяти с половиной.

Моник была заметно впечатлена. Вплоть до падения ложечки от йогурта. Отодвинув табуретку, плюхнулась за стол.

– Как-как? Артикул?..

– Тридцать девятый, – кивнула Пенни. – «Медовая капля». Кстати, ты в курсе, где у нас уретральная губка?

– Может, на полочке в ванной? – предположила Моник. – А что, она тоже нужна?

Пенни подарила ей убийственный взгляд.

– Камушки брачные, перуанские, покупала?

– А?

– Забуди, как и не было, – вновь кивнула Пенни, припомнив сцену личного спасения в ресторанном сортире.

Моник отставила йогурт, стараясь не запачкать разложенные учебники.

– Такое впечатление, будто ты сама эти штучечки придумала.

«И не представляешь», – подумала Пенни.

Презрение к товарке по дому пошло на убыль. Несколько суток затяжного экстаза не прикончат Моник. Пока что та во власти удовольствия без любви, но потом сообразит, что к чему, и перерастет это глупое увлечение.

– Короче, слушай сюда, – скомандовала Пенни. – Когда перейдешь на «Ромашку», следи за коэффициентом трения. Да, и еще: «Ромашки» рассчитаны только на консистентную смазку.

На лице Моник играли все краски предельного изумления.

– Ох, боюсь, эти чудо-тыкалки еще дадут нам жизни.

Выдрав чистый лист из блокнота, Пенни взяла ручку.

– А ты не бойся. Я тебе все по пунктам распишу.

Тем же днем она заглянула к Тэду и предложила вместе перекусить. В его ухаживаниях было больше напора, чем умения. Веселый и забавный, он частенько норовил сорвать поцелуй или, очутившись в переполненном вагоне метро, сунуть палец куда не следует. Устроившись с хот-догами на парковой скамье, Пенни рассказала о своей задумке. Не исключено, что у нее разыгралось воображение, а может, и нервы, но чуть ли не каждая вторая женщина на улице помахивала ярко-розовым фирменным пакетом. Похоже, подлинным достижением Максвелла были не собственно игрушки, а мысль объединить два главных женских удовольствия: шопинг и трахтинг. По мотивам «Секса в большом городе», с той, правда, разницей, что четверем подружкам уже за ненадобностью и ремешки от «Гуччи», и бойфренды в комплекте с нервотрепкой. Как, впрочем, и девичьи посиделки за «космо»-коктейлями.

– Допустим, чисто теоретически, – начала Пенни, избегая смотреть Тэду в глаза, – на рынке появился новый, фантастически успешный бытовой прибор широкого потребления. На изобретателя пролился золотой дождь.

Тэд внимательно слушал; их бедра почти соприкасались.

Она старалась не думать, из чего сделана сосиска в хот-доге.

С появлением «кончиков» Макса на прилавках, нью-йоркцы как-то притихли. По крайней мере та их половина, которая успела побывать в большом розовом универмаге и облегчить там кошельки. Теперь единственным источником социального напряжения был лишь зубовой скрежет и нетерпеливое притоптывание туфелек в известных очередях. Которые удлинялись с каждым днем. На первой полосе сегодняшней «Пост» рассказывалось про некую даму, рискнувшую пролезть без очереди. Да ее чуть насмерть не затоптали.

– Допустим также, – продолжала Пенни, – некий потенциальный клиент сыграл принципиально важную роль в испытаниях и разработке этой феноменальной продукции.

Розовые пакеты встречались на каждом шагу. Мимо проехал автобус, в который раз пригрозивший, что «Миллиарду мужей грозит скорая отставка».

Пенни не очень-то улыбалось пускаться в подробности своих экспериментов с Максом, но тут уже дело принципа.

– И опять-таки допустим, речь идет о женщине. Молоденькой и невинной мисс, которая позволила одному мужчине испытать на ней ряд прототипов секс-игрушек.

– Чисто теоретически, – надломив бровь, осипшим голосом подхватил Тэд, – звучит пикантно.

– Опять-таки теоретически, – гнула свое Пенни, – имеет ли подопытная право на совладение патентами?

Тэд языком подхватил выдавленную горчицу, едва не посадив пятно на штанину от «Армани».

– Истице больше двадцати одного? – уточнил он.

Пенни тайком избавлялась от шинкованного лука в своем хот-доге.

– На пару лет.

– И что, ты с ней лично знакома?

Угрюмый кивок.

– А она очень хорошенькая? – дразнил Тэд. – Бархатная кожа и светлый адвокатский ум?

Пенни запротестовала:

– Зря ты так. Она тебе не шлюшка и действительно нуждается в совете профессионала.

Возможно, всему виной разгоряченное воображение, но казалось, будто дамы с розовыми пакетами прихрамывают. Тем самым давая повод для опасений, что участие в дележке прибыли будет означать и разделенную ответственность за нанесенный ущерб, если выяснится, что продукция – в частности, стрекозки – действительно бракованные, а значит, и опасные.

Тэд не сводил с нее глаз. Черты лица посуровели.

– Клиентка готова выступить в суде с подробным изложением процесса испытаний?

Пенни сглотнула.

– А без этого нельзя?..

– Боюсь, что нет. Кстати, другие свидетели имеются?

Пенни задумалась. Положим, есть экипаж частного самолета Макса. Прислуга в шато и пентхаусе. Всякие там шоферы и ассистенты, кого иногда привлекали держать ее за руки и за ноги, когда она билась в экстазе, потеряв голову. Вызвать их, конечно, нетрудно, но воду они будут лить на мельницу хозяина.

И тут ее чело просветлело.

– Существуют конспекты, которые можно приобщить к делу распоряжением суда!

– Что за конспекты?

Пенни мысленно прикинула варианты из блокнотов Макса. Безымянные женщины, труженицы секс-индустрии и мировые лидеры.

– Как ты думаешь, дело усложнится, если кое-какие записи расценят как угрозу национальной безопасности?

– Ты хочешь сказать, – прищурился Тэд, – они могут скомпрометировать президента США?

На ходу подметки режет. Даже приятно впрячься в одну телегу с этим неунывающим оптимистом.

В ответ на ее молчание он заявил:

– Если истица даст показания под присягой, можно будет получить санкцию на сбор доказательной базы. – Тэд отхлебнул содовой. – Если добудем экспериментальные протоколы ответчика и они совпадут с подшитыми показаниями, у твоей теоретической клиентки все шансы выиграть.

Пенни и секунды не взяла на размышления. Потому что незачем было.

– С чего начнем?

Не прошло и двух дней, как Пенни вызвали в кабинет Бриллштейна. Похоже, кто-то успел настучать про готовящийся процесс, и начальство было не в восторге. Вдобавок на сессии ООН ожидалось выступление президента, и город встал в пробках. Станции метро прочесывали антитеррористические подразделения и кинологи с натасканными на взрывчатку собаками. Это не действовало на нервы лишь умиротворенным дамочкам с ярко-розовыми пакетами. При виде их выдержки, невозмутимой походки и полнейшей непробиваемости Пенни саму тянуло встать в очередь на Пятой авеню.

Зато мужская половина Нью-Йорка – а если поконкретнее, ее гетеросексуальная часть, – окончательно разворчалась. Во-первых, никто из мужчин не мог составить конкуренцию эротическим познаниям Максвелла, а во-вторых, результаты его тантрических исследований теперь можно было приобрести по ярко-розовой кредитке «До самых кончиков».

Тэд держался твердого мнения, что начинать надо с поиска истиц. По телику запустили серию рекламных роликов, нацеленных на тех покупательниц, у кого игривая стрекозка поломалась прямо... гм... в руках. Счет страдалицам шел на миллионы. Множество женщин по всему миру дремали под убаюкивающую пульсацию лишь затем, чтобы обнаружить потом пригоршню обломков. Жалобы были как под копирку, вечно одно и то же: отвалившиеся крылья и лопнувшее

брюшко. В точности, как у Пенни с Моник.

Доказать ущерб будет нелегко, так как никто не получил и царапины. Многие женщины побывали в поликлиниках, но и медосмотр не выявлял застрявших внутри организма деталек.

В кабинете у Тэда Пенни сложила свои записи в папку и убрала в сумку от «Фенди», чтобы потом отнести домой. Покончив с этим делом, торопливо направилась к Бриллиштейну, чей офис располагался на шестьдесят четвертом, вечно притихшем, оббитом деревянными панелями этаже. В ту самую святая святых, где впервые встретила Макса.

Пенни постучалась в дверь.

Знакомый голос сказал:

– Прошу.

Голос женский.

Повернув ручку, Пенни шагнула внутрь и очутилась лицом к лицу с той, кого видела в бесчисленных новостных блоках. Высокие скулы дамы были широко расставлены. В сочетании с узким подбородком это создавало видимость постоянной улыбки. В золотисто-карих глазах светилось теплое участие.

Сварливый босс-старикашка, по своему обыкновению, торчал за полированным столом.

Президент Хайнд развернула проникновенную улыбку на Бриллиштейна:

– Не могли бы вы оставить нас с мисс Харриган наедине?

– Мисс Харриган... – начала она.

– Пенни, – подсказала юная собеседница.

Президент жестом пригласила ее сесть. С виду ровесница матери, но куда более подтянутая и элегантная. Строгий костюм сидит как влитой. На лацкане, будто пропуск, пришпилена серебряная брошь филигранной работы. Дождавшись, когда Бриллиштейн выйдет, президент заперла за ним дверь на замок и показала на красное кожаное кресло. Сама устроилась напротив, почти касаясь девушки коленями, словно задушевная подруга.

– Милочка, – умиротворяющим тоном промолвила она, – я здесь по вопросу национальной безопасности чрезвычайного свойства. – Такое впечатление, что она держит речь в Овальном кабинете. – Прошу, не затевай тяжбу против К. Линуса Максвелла.

Пенни ошеломленно внимала. В голове не укладывалось, что этому непоколебимому лидеру свободного мира довелось участвовать в знойных экзерсисах Максвелла. Трудно поверить, что изысканно одетую, доходчиво изъясняющуюся даму низвели до уровня каракулей в блокноте. Кларисса Хайнд всегда была ее кумиром, однако образ бесстрашного главы государства никак не сочетался с женщиной, что сейчас украдкой поглядывала на дверь и говорила столь тихим голосом.

– Как адвокат и коллега по профессии, – продолжала президент, – я разделяю твоё стремление к справедливости, однако в данном случае следует воздержаться от огласки. Поверь мне на слово: миллионы людей во всем мире окажутся в опасности из-за тех судебных действий, которые ты намерена предпринять. Любая твоя попытка организовать коллективную тяжбу или оспорить права Максвелла на патенты поставит под угрозу множество жизней, включая твою собственную.

Она уже мало чем походила на красавицу с обложки «Нэшнл инкуайер». Три года в Овальном кабинете прошлись по ее лбу граблями, подарив морщины.

Президент сказала:

– Мне доложили, что пару недель назад на тебя напали в метро.

В голосе чуть ли не робость, слова приглушены сочувствием.

– Могу себе вообразить, до чего это страшно, но, дорогая Пенни, советую не поддаваться иллюзии, что все произошло случайно. Кого бы Макс ни нанял, он не собирался причинять тебе зло. – В честных глазах президента стояла мольба. – Он лишь демонстрировал свою власть. Отныне и навсегда ты должна помнить, что в его силах отыскать тебя где и когда угодно.

Пенни вдруг сообразила, что президент сидит в том же кресле, что и Макс, когда она ползала на

пузе у его ног. На ковре, впрочем, не осталось и следа от кофейного потопа. В памяти всплыл тот случай, когда довелось слышать этот сдержанный тон. Страшное подозрение превратило ее собственный голос в настоящий дротик.

– Сколько он вам платит? – выпалила она. – Вы же с ним заодно! Ведь это вы были на телефоне, когда я сняла трубку по ошибке, еще тогда, в Париже! – Она помолчала, ожидая заверений в обратном. – Вы заставили Управление санитарного контроля дать «зеленый свет» его средствам... самозаботы. – Пенни распалась с каждой секундой. – Короче, людям продают бракованные, опасные секс-игрушки, а вы этому только потакаете!

Хайнд как ни в чем не бывало заявила:

– В обмен на взаимопонимание я готова взять тебя под крыло и стать твоим наставником в политике.

Пенни уловила, в чем тут соль. Во избежание огласки Макс и президент заманивают ее куском глобального политического пирога. Сделают из нее преемницу своей коррумпированной династии. Кто-нибудь пожиже на такое купился бы, но Пенни к этой сделке испытывала лишь гадливость.

– Твой будущий пост совершенно не важен, – добавила президент. – Займи нашу сторону, и тебе будут обеспечены голоса практически всех избирательниц в возрасте от восемнадцати до семидесяти.

Ничего себе! Даже в политике такого не бывает.

– Разве вы можете это гарантировать?

– Я-то нет, – парировала Хайнд, – а вот Макс вполне. – Она подпернула рукав жакета, бросая взгляд на часики. – У меня выступление перед ООН. Продолжим разговор в машине?

За окнами лимузина тянулся серый манхэттенский пейзаж. Президент на секунду прикрыла глаза и помассировала виски, как будто страдала от мигрени.

– Для начала он делает тебя знаменитой, – мрачно произнесла она. – Настолько знаменитой, что носа на улицу не высунешь. – По ее словам выходило, что Макс специально нанимал папарацци, чтобы те охотились за Пенни. Подогревал общественное любопытство и намеренно создавал такие условия, чтобы девушка сидела взаперти. – В итоге, – с печальной понимающей усмешкой заключила Хайнд, – ты только в пентхаусе чувствуешь себя спокойно. Вот так он тебя изолирует, становится единственным человеком, которому ты можешь доверять.

Что же касается таблоидов, которые вроде бы так и норовили залить его ушатами грязи, то, если верить Хайнд, Макс купил их всех на корню. Еще давно, когда заметил, что журналисты чересчур глубоко взялись копать. Став тайным владельцем, Макс мог публиковать о себе какие угодно басни. Скандальные, а то и просто дикие обвинения создавали отличную дымовую завесу, к тому же подрывая репутацию СМИ в глазах общественности.

– Даже если ты сумеешь узнать правду про Макса, тебе не донести ее до людей, – предупредила президент. – Никто уже не верит и строчке того, что о нем пишут. – И вдруг добавила: – В жизни не хотела стать президентом чего-либо.

Загудел ее мобильник. Сидя в кожаном салоне, отделенном от водителя звуконепроницаемой перегородкой, Пенни молча смотрела в тонированное стекло.

– Стараюсь ее переубедить, – говорила президент в трубку. – Нет-нет, пожалуйста, ничего не предпринимай. – Она запнулась, бросив косой взгляд на Пенни. – Нет, не говорила и говорить не собираюсь. Все равно не поверит.

Даже не слыша ни слова на том конце провода, Пенни знала, что звонит Макс.

Кортеж катил по улицам, не встречая помех ни на перекрестках, ни на полосе движения. Возле Брайант-парка Пенни заметила длинную очередь к магазину на Шестой авеню под вывеской «Туфелька». Подавляющее большинство было из той же демографической группы, что сходила с ума по «кончикам». Теперь они давились за новым фасоном обуви. Уж чего-чего, а вот этого Пенни никак не могла понять. Модная обувь была не просто уродливой, но и неудобной, с широким ремешком на подъеме и толстенным каблуком. Стадный инстинкт, впрочем, сработал и здесь. Та же самая потребительская прослойка делала сейчас мегабестселлер из тупого романа про вампиров.

Президент завершила разговор и убрала телефон в карман. Ее взгляд упал на вереницу женщин в очереди за обувью.

– Наши отношения с Максвеллом начались с безумного увлечения, – пустилась она в воспоминания. – Очень яркого. Я была твоего возраста, и Макс мне казался воплощением всего, что я хотела от мира.

Что-то трагическое мелькнуло у нее на лице при словах о собственной наивной юности. В голосе прорезались нотки откровенного омерзения в личный адрес.

– Я ему верила.

Пенни заерзала. Пока президент делилась воспоминаниями, тело девушки начало откликаться на некий эротический раздражитель. Соски отвердели до боли и терлись о шелковые кружева лифчика как о наждачную бумагу. То ли от потряхивания машины на ходу, то ли от запаха кожаной обивки, но в паху стало горячо и влажно.

– Ты пробовала заняться сексом с кем-то после него? – спросила президент Хайнд.

Пенни подумала о насильнике и отрицательно помотала головой.

– Он думает, что защищает нас, но на самом деле мы его марионетки. Для Максвелла это одно и то же.

К Ленсингтон-авеню дыхание у Пенни до того затруднилось, что пришлось ловить ртом воздух как рыба.

Президент Хайнд не сводила с нее печального взгляда.

– Я просила его не делать этого. – Для коварной заговорщицы она поступала странно: подавшись ближе, взяла в руки горячечно трепетавшие ладони Пенни. – Дыши. Просто дыши, – посоветовала она.

Голос Клариссы Хайнд гипнотизировал.

– Это все равно что ненастная погода, грозовой фронт. Тут ничего не сделаешь, остается лишь ждать, пока он минует. – Два теплых пальца легли девушке на шею, подсчитывая пульс. – Ну вот. С возвращением.

Крепко сжимая руки Пенни, Хайнд внушала:

– Так знай же! Спасти всех женщин мира еще можно, но на это способна лишь одна из нас. Та самая, что обитает в пещере, высоко-высоко на кручах Эвереста. Зовут ее Баба Седобородка. Она-то и есть величайшая из ныне живущих секс-гуру.

Президент привлекла Пенни к себе и заключила в теплые объятия, прижавшись щекой к щеке.

– Отправься к ней! Поступи в ученицы, овладей премудростью! И тогда сможешь сразиться с Максвеллом его же оружием и на его же поле!

Хайнд разорвала объятия и откинулась на спинку сиденья.

Пенни потихоньку отпускало неведомое наваждение. Хотя и было над чем поломать голову, к пункту назначения она прибыла уже в полном порядке. В едином строю с президентом Хайнд миновала контрольно-пропускной пункт. В ее глазах агенты спецслужбы ООН ничем не отличались от телохранителей Алуэтты, сопровождавших актрису в день дачи показаний.

Их провели за кулисы. Президента усадили в гримерке лицом к трюмо, и за нее взялся стилист.

Отражение в зеркале обратилось к Пенни:

– Тебе я рассказала все, на что осмелилась. Еще немножко, и он прикончит нас обеих. – Не спуская с девушки стального взгляда, Хайнд открыла сумочку от «Дуни и Бурка», откуда извлекла аптечный пузырек. Проглотив пару пилюль, убрала бутылочку на место и вжикнула «молнией». – Настанет день, и ты поймешь... – Обратив теперь взгляд на собственное отражение, президент добавила: – Что у меня не было другого выхода.

После чего мадам президент не проронила ни слова, пока не пришло время выступать перед делегатами всех стран мира. Когда объявили ее имя, жужжание репортеров резко смолкло; она покинула закулисы, уверенно направляясь к середине подиума.

В пору своего взросления, и уж тем более в трудные годы учебы на юрфаке, Пенни разве что не молилась на эту даму. Из таблоидов следовало, что Кларисса Хайнд начинала как пухленькая активистка, решившая побороться за финансовую поддержку ветшающим школам в Буффало. Организовала движение за корпоративное спонсорство и попросила непосредственно К. Линуса

Максвелла возглавить шефство, то бишь сделать солидный денежный взнос. Колонки светских сплетен тут же взяли их в перекрестия своих прицелов. Максвелл усмотрел в ней прирожденный талант и стал готовить к великому будущему.

Тем временем на глазах Пенни и всей планеты неустрашимый лидер международной категории приступила к своей речи.

– Граждане мира! Уважаемые сограждане Соединенных Штатов, – зазвучали первые слова. – Три года тому назад моя скромная персона принесла клятву служить и защищать.

Усиленный динамиками голос метался по колоссальному залу.

– Эту клятву я нарушила.

Потрясенный гул нарастал по мере того, как десятки переводчиков разносили семантический эквивалент сказанного по наушникам присутствующих дигнитариев.

– За трусость и провал моей миссии ответственность несу я и только я. – Лидер свободного мира гордо вскинула подбородок, будто стояла у расстрельного рва. – Молюсь лишь о том, чтобы катастрофа, которой я так опасаясь, никогда не обрушилась на ваши головы.

Она расстегнула жакетку и сунула руку ближе к сердцу.

– Разрешите воззвать к Господу Богу за прощением.

Хайнд скользнула взглядом по Пенни, что притаилась в тени кулис, после чего уставилась поверх голов аудитории, словно вглядывалась в вечность.

– За ошибки юности, – торжественно возвестила она, – платить приходится до конца наших дней.

По вопросу, что именно случилось в следующую секунду, мнения не разошлись. Перед объективами телекамер, ответственных за доставку картинки зрителям по всему миру, Кларисса Хайнд, сорок седьмой президент Соединенных Штатов, из внутреннего кармана извлекла пистолет 35-го калибра. Приставила дуло к собственной голове. И нажала на спусковой крючок.

В отделе потребительских рекламаций «Би-Би-Би» медленно, но верно сгущалась неприятная атмосфера. Устроившись за столом с пустыми картонками из-под китайской стряпни навывнос, Тэд уведомил, что семьдесят процентов истцов, изначально присоединившихся к групповому иску, забрали свои слова обратно. Из оставшихся тридцати процентов не поступило ни единого формального заявления о начале судебной тяжбы. Итого на круг ноль целых ноль десятых женщин, требующих возмещения за понесенную боль и страдания. Был миллион, стал ноль.

И вообще, добавил Тэд, ситуация обернулась с точностью до наоборот.

Гоняя палочками холодный эггролл, он продолжал:

– Но это еще цветочки. Весь контингент наших бывших союзниц хором купил запасных стрекоз «До самых кончиков».

Искупав кусочек жареной свинины в пряном соусе, Пенни жевала под невеселые вести.

– Их лояльность бренду, – сетовал Тэд, – не знает границ потребительских категорий. Одни и те же дамы теперь покупают тот же самый одеколон для мужей и бойфрендов. Те же книги одного и того же издательства.

Микроволновки, собачьи консервы, мыло – да что угодно. По словам юного адвоката, вся эта продукция выпускалась корпорацией «ДатаМикроКом».

Пенни едва не подавилась:

– Это же компания Максвелла!

Тэд кивнул.

– Тектонический сдвиг в поведенческих склонностях потребителей превратил каждый филиал «ДМК» в монополиста в своем рыночном сегменте.

– Секундочку. – Пенни нахмурилась. – Каким образом товары по категории личной гигиены – хотя бы за ними и гонялись 150 миллионов женщин – сумели повлиять на целые промышленные отрасли?

– Понимаешь, – сказал Тэд, – эти дамочки контролируют девяносто процентов потребительских расходов в развитых странах. – Он отхлебнул супчику из яичной лапши. – Рука, качающая детскую колыбельку, и определяет, как и на что идет семейный бюджет.

Пенни игриво затрясла мертвой креветкой у него перед носом:

– Кем бы они ни трудились, ты уж поверь, денежки им достались не за так просто.

Тэд щелкнул зубами, впиваясь в обжаренное тельце, высасывая его из девичьих пальцев. Тем лучше, у Пенни все равно аллергия на ракообразных. Прожевывая добычу, он сказал:

– А ты не торопись с выводами. По сводкам из нашего же отдела матримониальных тяжб, после выпуска «До самых кончиков» разводы подскочили на четыреста процентов. Это что, девкам уже не надобно парней, а?

Пенни растерянно засмеялась.

– Я уж точно не из таких!

– Докажи! – не остался в долгу Тэд.

Чего тут непонятного... Ему хочется перевести их отношения на новый уровень. Но Пенни не могла пойти на этот риск. После происшествия в метро ей по сей день чудилось, будто в тазовом отделе чего-то не так. А Тэд – вот ведь добрая душа! – не напирает, терпит. Чувств своих к ней не прячет, и вообще полная противоположность Макссу. Еще не хватало полоснуть по гениталиям единственного серьезно настроенного бойфренда.

Чтобы перевести стрелку беседы, она спросила, как бы уточняя:

– Выходит, для группового иска у нас оснований нет?

Тэд дернул плечом.

– А как иначе, без истцов-то?

Размышляя, Пенни слизнула с палочек миндальный соус.

– Мы ведь все равно можем затеять тяжбу по моему заявлению? Насчет патентных прав?

Тэд вздохнул, озабоченно хмуря брови.

– Не забывай, насколько унижительным может стать для тебя процесс дачи показаний. От Бриллиштейна пощады не жди. Ему еще как захочется узнать все подробности, до мельчайших деталей...

Бриллиштейн. Пенни его терпеть не могла. Однако понимала, что он действительно возьмется вести дело. Конторе светили немалые деньги, если удастся отсудить хотя бы малую толику прибыли сексоигрушечной империи Максвелла.

Взгляд Тэда переехал на исполинский рубин у нее на груди. На сувенир. Пожалуй, она могла бы оставить его дома, чтобы не портить парнишке настроение. И в самом деле, хорош кулон или нет, но Пенни решила убрать его в банковскую ячейку, где сейчас обитала ее диафрагма.

Она подалась вперед и принялась собирать бланки для заявлений по делу о дефектной продукции.

– И все же не будем сбрасывать со счетов групповой иск, ладно? – Она свернула бланки в рулон, щелкнула резинкой и пошла на выход. – Дай мне завтрашний денек в мое полное распоряжение, и я обещаю, что найду истицу!

Следующим утром Пенни отправилась по делам пешком. Каблучки от «Гуччи» бодро цокали по Пятой авеню, руки оттягивала стопка клипсовых планшетов. Карманы ее укороченного плаща от Донателлы Версаче топорщились запасными ручками. Бедро обтягивала игривая микроминиюбочка с лейблом «Бетси Джонсон».

Щебетали птицы. На обнаженных, не знающих целлюлита ногах приятным щекотанием отзывались лучи утреннего солнышка – как, впрочем, и замороженные взгляды симпатичных прохожих мужского пола. Поди попробуй не отвлечешься от сегодняшней миссии по сбору доказательной базы, когда ты очутилась в центре такого внимания. Словом, теплая погодка завела Пенни в Центральный парк, где невозможно не заметить изменения в социальной ткани метрополиса.

Привычный легион деловитых британских и сухопарых шведских нянь, кому поручалось присматривать за привилегированной юной порослью богачей с Манхэттена, отсутствовал до боли в глазах. Их нишу заняли стаи неряшливых, липких от грязи детей, сновавших по главной лужайке не хуже диких койотов. Кроме того, буколической сцене недоставало экономических беженцев из стран третьего мира, ранее отправлявших обязанности прикрепленных санитаров и соцработников по уходу за местными инвалидами. Которые так и продолжали торчать у всех на виду в своих креслах-колясках. Было ясно, что бедолагам поручили самостоятельно бороться за существование на мощеных дорожках парка. Минувя обмякшие, накрытые пледами формы, пропитанные запахами полных подгузников и калоприемников, и без того летящая походка Пенни заметно убыстрилась.

Доступные взгляду редкие женские фигурки представляли собой либо девочек препубертатного возраста, либо живые, истекающие слюнями иллюстрации к учебнику по гериатрии. Если же забыть про слишком юных или чересчур немощных, женские лица смотрели лишь с бесконечных улыбочивых фото, которые кто-то расклеил где только можно. Уличные фонари, автобусные остановки, ограды стройплощадок, все вертикальные поверхности Большого Яблока были заняты отксеренными снимками и объявлениями, откуда рвалось: «СРОЧНО В РОЗЫСК», «ПОМОГИТЕ НАЙТИ!», «ПРОПАЛА» – и дальше: «любимая жена», «родная дочь», «моя мама». «Дражайшая сестрица». «Если вы видели эту женщину, умоляю позвонить!» – взывали самодельные плакатики, датированные последними двумя неделями. В глазах Пенни они выглядели могильными камнями, надгробиями; целый город превратился в женское кладбище. Такое серьезно огорчает. Пугает даже.

Уже не первый день циркулировали мрачные слухи, дескать, тут замешаны «кончики». Если верить молве, первая волна покупательниц успела превратиться в асоциальных отшельниц, переехавших жить под мосты или в заброшенные метротуннели. Взяли и убежали от детей, мужей, карьеры. Новые бомжихи не изменили лишь средствам личной гигиены известного свойства.

Пока Пенни размышляла над пугающими последствиями, мимо нее протрусили два бегуна, на редкость стильных и приглаженных. Внезапное появление незнакомцев, да еще в такой близости, едва не заставило девушку выронить бумажную ношу. В глазах уроженки Среднего Запада их спортивные трусы сидели слишком уж туго, в чрезмерных подробностях подавая гипертрофированные ягодицы и беспрерывно елозившие мужские причиндалы. Писклявым голоском старшекласницы один из них бросил соседу: «Ой, да пусть девочки развлекаются сколько влезет!» – в ответ на что крепыш-напарник ответил: «А по мне, провались они все в тартарары». И физкультурная парочка оставила Пенни чихать в облаке дорогого парфюма.

Тем временем впереди возник незнакомый мужчина. Его коротко стриженная, некогда опрятная прическа была всклокочена, оба конца развязанного галстука хлопали по мятому пиджаку.

– Помогите! – попросил мужчина.

Его щеки потемнели от щетины. Одна рука протягивала листок бледно-зеленой бумаги, под мышкой второй бугрилась стопка зеленых листовок.

– Ее зовут Бренда, – плакался незнакомец, – она моя невеста!

Перехватив понадежней свою собственную ношу, Пенни взяла листовку. Очередная улыбочивая женщина, лишенная каких-либо примечательных особенностей после многократного переснимания и увеличения исходного фотофрагмента на ксероксе. Блузка от «Джил Сандер», ослепительная улыбка на камеру. Под снимком надпись: «Эллайд кэмикал. Главбух». Телефонный номер и строчка слов: «Звоните днем и ночью». Еще ниже: «Вознаграждение гарантировано». Пенни тут же сунула листок в карман пальто, поглубже к запасным авторучкам.

Небритый незнакомец ухватил ее за запястье. До боли. Пальцы влажные от испарины.

– Вы женщина, – чуть ли не с изумленными интонациями выдохнул он. – Вы должны мне помочь! Уж коли женщина, то обязаны проявить заботу! – Твякающий, истерический смех. Голодный взгляд шарит вверх-вниз по ее замечательному телу. – А-а, как давно я не видел настоящих женщин!

Побег потребовал решительного и прицельного боевого приема. Мысок от Гуччи вошел в контакт с пахом мужчины, и Пенни смогла высвободиться. Но еще за секунду до калечащего удара она заметила одну особенность в облике незнакомца. Его лицо, точнее даже, щеки... Кожа блестит. Как свежеемытая. Он плакал.

Объятая ужасом, Пенни не рискнула бросить взгляд повторно и спринтерским аллюром метнулась в сторону конической розовой башни на Пятой авеню.

Последнее время потребители «До самых кончиков» взяли в привычку именовать зеркальное здание «маткой». В смысле корабельной. Как плавбаза. С ежеутренним сбором лояльных

покупательниц под дверями. И пусть замки еще не отомкнуты, очередь из дерганных женщин растягивалась на пару городских кварталов. Все до единой нетерпеливо переминались с ноги на ногу в уродливой, громоздкой обуви. Как Пенни в свое время у входа в «Бонвит Теллер», так и они теперь стояли, мучаясь ожиданием. У каждой тот же самый роман про вампиров. Многие пришли с бутербродами, а упаковали их в розовые пакеты, желая показать, что являются повторными покупателями. Кое-кто выглядел изможденно, волосы уже не вьются, щеки ввалились. На ум приходила Моник, чья хорошенькая мордашка за прошедшие недели превратилась в маску смерти. А уж запах немытого тела, исходивший из комнаты злосчастной девчонки... Она и отпрашиваться перестала, так что Пенни приходилось самой выдумывать предлоги для невыхода подруги на работу.

В середине очереди к одной из женщин приставал мужчина зрелого возраста в футболке с надписью «Давши слово – держи». Пенни эта надпись была хорошо знакома, так как отец сам носил поперек груди такую же. Мужчина – судя по повадкам, это был пещерный человек – дергал женщину за волосы, пытаясь затащить ее в такси, что урчало по соседству. Женщина же приседала на корточки, пользуясь весом собственного тела как якорем, чтобы не потерять место в очереди ранних покупательниц.

Приблизившись к не сходящейся во взглядах паре, Пенни услышала от мужчины:

– Ради всего святого, вернись домой! – Речь прерывалась всхлипами. – Джонни и Дебби уже не могут без мамы!

Мать двоих детей отбивалась от мужа чем-то ярко-розовым. Оружием служила вещь продолговатая, гибкая и весьма длинная. При ближайшем рассмотрении Пенни опознала артикул 6435, «Жезл медово-месячный». Агрегат в своем штатном исполнении запитывался от шести батарей, и она без труда различала тяжелые шлепки при соприкосновении жезла с ребрами мужчины. Орудия импровизированной дубиной, дама вопила:

– Да кусок пластика даст тебе сто очков форы!

Пенни опасливо обогнула драчливую пару и поспешила в голову очереди. В руках у нее была стопка планшетов, каждый с уже заправленным бланком и шариковой ручкой наготове. Обработку она начала с наиболее замученных – судя по внешнему виду – покупательниц. Не иначе, эти мертвоглазые создания простояли под запертыми дверями всю ночь напролет. Исходившее от них амбре, а также вялые, сонливые позы лишь подтверждали догадку.

– Извините, ради бога, – защебетала Пенни, протягивая планшет первой приглянувшейся избраннице. – Вам не доводилось сталкиваться с поломкой какой-либо продукции «До самых кончиков» во время непосредственного применения?

Она чувствовала себя дешевым адвокатишкой-стервятником, что дежурит при больничных травмпунктах. И ладно: ее цели оправдают ее же средства.

Поеживаясь, несмотря на утреннее солнышко, женщина приняла планшет исхудалой рукой. Нельзя сказать, что в ее глазах заиграл разум, когда она обратила свой взор на юридически грамотный бланк. Пенни понимала, что дама молода, но что-то высосало из нее жизненную энергию. Из-под пергамента кожных покровов лица проступали черепные кости.

Такое Пенни уже видела – стоя перед зеркалом после изматывающих раундов экстаза. Но ее-то потом массировали и отпаивали выжатым вручную соком из свежих фруктов. Для содействия скорейшему восстановлению сил Макс не скупился ни на акупунктуру, ни на ароматерапию. А у этих девчонок не было ничего. Они погибали от удовольствия.

Глаза блестят, как стеклянные шары, закатившиеся в глубокие лузы под нависшими бровями. Одежда сидит как на вешалке, отяжелевшая и заскорузлая от подсыхающего пота. Губы безвольно распухли. А ведь лишь неделю назад именно эти женщины уверенно и раскованно вышагивали по Юнион-сквер. У Пенни не оставалось сомнений, что их увлечение новыми игрушками превратилось в опасную психопатическую одержимость.

Махнув рукой на правила обработки потенциального клиента, она выпалила:

– А знаете, мы прямо сейчас организуем групповой иск против «кончиков» за злоупотребления и непредумышленное причинение вреда!

Женщина проквакала ответ. Да-да, и эта реакция была знакома. Длительные циклы испытаний с их громкими стонами восторга частенько заканчивались пересохшей и ни к чему более не пригодной глоткой.

Вытянув худые шеи, соседки по очереди придвинулись ближе, интересуясь, чего затеяла Пенни. Как она могла видеть, эти любопытствующие зомби лысели со страшной силой, вне всякого

сомнения от недоедания. На темечках отсвечивали проплешины. Пенни не преминула отметить про себя параллель с более ранней сексуальной революцией, создавшей аналогичные ходячие скелеты. Не так давно эти хромоногие доходяжки считались бы жертвами СПИДа.

Чтобы сплотить их и подхлестнуть боевой дух, Пенни заявила:

– Мы не хотим новых сексуальных игрушек!

Засовывая по планшету в каждую пару рук, она продолжала:

– Зато хотим привлечь «До самых кончиков» за преступления против женщин!

К этой секунде она уже перешла на крик:

– Интим-бутики на замок! Дашь денежную компенсацию!

Труповидная девица в голове очереди гулко сглотнула. Истончившиеся губы шевельнулись в попытке сформировать слова:

– Ты... хочешь... их позакрывать?!

Ее голос прозвучал писклявой сиреной ужаса. Очередь заворочалась, отзываясь кровожадным гулом.

Кто-то выкрикнул:

– Слышь, подруга! Я сначала стрекозку-то куплю, а уж потом засуживай их сколько хочешь!

В толпе подхватили:

– Я не знаю, кто она такая, но эта особа явно против женских прав на личное сексуальное удовлетворение!

Просвистел, забряцал по тротуару планшет, едва не угодив Пенни в голову. За ним вступил хор:

– Антифеминистка!

– Самоненавистница! Тела своего не ценишь!

– Девочки, я поняла! Она это специально, чтобы без очереди пролезть! Хамка какая!

– Ты бы лучше защищала наши права покупать «До самых кончиков»!

Со всех сторон на Пенни обрушился болезненный град из планшетов. Воздух загустел от шариковых ручек и бранных высказываний. Неудовлетворенно-разъяренная женская дивизия побивала девушку чтивом с романтическим вампиром на обложке. Еще минута, и они посбрасывают с ног свои «платформы», возьмут их в руки, и тогда... Верная смерть.

Пенни беспомощно выкрикнула:

– Вы стали марионетками Максвелла!

Прикрывая голову локтями, заголосила:

– Он делает из вас рабынь!

Толпа нахлынула; бесчисленные руки ухватили Пенни за волосы и задорную микроминиубочку «Бетси Джонсон». Скрюченные пальцы оплелись вокруг запястий и щиколоток; Пенни почувствовала, что ее растягивают. Под крики «деспот!», «тиран!» и «синий чулок!» ей пытались оторвать руки и ноги. Разодрать на клочки.

В небо взмыл истошный вопль:

– Я уже не сижу на героине!

– А я сбросила тридцать кило!

– Спасибо «кончикам»!

Почти неслышный на общем фоне, щелкнул замок. Скрежетнул отодвигаемый засов.

Тоже почти никем не замеченный.

– Магазин... – выдавила Пенни. Теряя последние силы в отчаянной попытке спастись, ловя ртом воздух, прошептала: – Магазин открыли...

Это сообщение и спасло ей жизнь. Тысячи взволнованных покупательниц затопили этажи большого розового здания. Уроненная на тротуар, Пенни свернулась в защитную позу младенца в материнской утробе, а кругом стучали и гремели «платформы», увлекая своих владелиц к веселым «кончикам», но невеселому концу.

Тем вечером Пенни скользнула в удобнейшую фланелевую пижамку от «Эл-Эл-Бина». В постель забралась рано, устроившись там в компании бокала «Пино-гри» и не самым маленьким числом синяков формой и размером с планшет. После бесславно и преждевременно оборвавшейся миссии по привлечению истиц она вернулась домой удрученная. Кругом болело. Хорошенькую микроминиюбку бесцеремонно помяли чужие грубые руки, а плащ от Версаче и вовсе превратился в лохмотья. Она порылась в карманах, выгребая оттуда мелочь и жевательную резинку, после чего отправила вещичку в мусорное ведро. Среди содержимого оказался и бледно-зеленый листок, врученный давешним эмоционально несдержанным незнакомцем в парке.

«Звоните днем и ночью, – напомнил флаер. – Вознаграждение гарантировано».

Лежа в постели, Пенни разгладила бумагу. Отставила бокал в сторону и взяла с прикроватной тумбочки мобильник. Мужской голос откликнулся после первого же гудка.

– Бренда?

Да, это он, тот самый незнакомец. Запястье еще саднило после его цепкой хватки.

– Нет, – печально отозвалась Пенни. – Мы с вами сегодня утром встретились.

– В парке, – вставил он и добавил, что помнит ее – единственную нормальную женщину, кого он видел за весь день. Точнее, за последнюю неделю.

– Ежедневно, – потерянно стонал мужчина, – ежедневно я меряю шагами очередь на Пятой авеню, отыскивая, высматривая... Бренды нет...

Тщательно подбирая слова, Пенни подталкивала его на откровенность.

– Она исчезла, да? Как же это произошло?

Из мужчины хлынула скорбная повесть, замешенная на чувстве вины. Оказывается, он сам купил жене «кончик». Всего-то подарок на именины: артикул 2788, «Скипетр экстаза». Милая Бренда зарделась от смущения, когда развернула упаковку в набитом ресторане, но он мягко успокоил ее словами ободрения и участия: «Да пользуйся, чего уж там!» «Только не здесь», – добавил он.

Перед внутренним взором Пенни вспыхнула сценка во французском ресторане, организованная вокруг парочки перуанских камешков. Нахлынувший стыд пришлось запить большим глотком охлажденного «Пино». Лежа на кровати, она разглядывала синяки на руках, переливавшиеся всеми цветами радуги, от красно-розовых тонов до багряно-лиловых. Припомнилась парижская атмосфера; ах, такое впечатление, что она полжизни провела в синяках и в постели, попивая вино. Мысль тут же перескочила на «Мелани Гриффит»: вот что, должно быть, та чувствует.

– Представляете, – продолжал мужчина на том конце провода, – вчера Бренда чуть ли не самая значимая фигура в отрасли, спец по удобрениям, а сегодня она исчезает... – Голос подавленно затих, будто смиряясь с неизбежным.

«Мистер Гриффит» с лупой прошелся по их кооперативной двушке на Парк-авеню, но обнаружил, что вместе с женой пропал лишь скипетр. Случилось это две недели назад. С той поры было несколько звонков, народ сообщал, дескать, видели ее. Скажем, под гнилым пирсом на Гудзоне в районе Хобокена, а в другой раз ее засекла камера слежения, когда мадам главбух тибрила батарейки в одном из баров испанского Гарлема.

Вслушиваясь в печальный рассказ, Пенни залпом махнула вино. Потянулась за бутылкой, что стояла на тумбочке, налила себе новый бокал. И прикончила последнюю каплю к тому моменту, когда настроение одинокого собеседника качнулось от надежды к страху, закончив эволюционный виток бешенством.

Из мобильного чуть ли пена не лезла. Даже находясь подшофе, Пенни чувствовала, что мужчина побурел и его трясет с головы до ног.

– Господом богом клянусь... – давился он яростью. – Дайте только добраться до той твари, что игрушки напридумывала... Да я ее... я ее... голыми руками...

Уродливые «платформы» и фэнтезийные романы оказались лишь верхушкой рождавшегося тренда. Изо дня в день Тэд приносил новости об очередном вывихе в поведенческой картине шопинга. Однажды в понедельник шестнадцать миллионов домохозяек разом отвернулись от привычных за десятилетия марок стиральных порошков, в одночасье переключившись на «Пузырчики», чьи коробки появились на полках едва ли неделю назад. Аналогично целое поколение любителей музыки теперь атаковало подмостки лишь тех сцен, где выступала мальчиговая группа «Фантики». Энтузиастки визжали и падали в обморок. Глядя на этих меломанок в экране телевизора, Пенни отметила про себя, что их дерганье не очень-то отличается от тех конвульсий, что атаковали злосчастную Алуэтту на торжественном вечере киноакадемии.

Социальные бихевиористы и маркетологи терялись в догадках о причинах и механизме сего феномена. Возникло впечатление, что колоссальные по своей численности массы потребительниц откликаются на некие сигнальные импульсы. Тень президентского самоубийства упала и на биржу, пустив котировки по кочкам. Обвалились почти все публично торгуемые акции. Вместе с тем, не преминул отметить Тэд, капитализация датамикромомовских «дочек» взмыла как ракета.

– Особенно у «Курятника», – подчеркнул он.

Наткнувшись на тупой взгляд окружающих, пояснил:

– Та самая звукозаписывающая фирма, под чьим лейблом выступают «Фантики». В еженедельных чартах «Топ-10» у них по шесть и более строчек.

Инвесторы подальше, далее заметил Тэд, уже переключились с фондовых на товарно-сырьевые биржи. Если конкретнее, на марганец и калий. А также цинк. Именно те ингредиенты, что шли в пальчиковые батарейки. Цены на медные фьючерсы спекулянты загнали под потолок. В ряде мест дефицит элементов питания вызвал гражданские беспорядки, а зародившийся черный рынок заставил домошников перепрофилироваться на фонарики и детские электроигрушки. В свое время эпидемия краж автомагнитол заставила автолюбителей вешать за лобовым стеклом плакатик «Радио нет!», а сейчас домовладельцы прищипливали к входной двери табличку «Сами сидим без батареек!», надеясь отвадить воришек.

Весь мир мучился загадкой «последствия до самых кончиков», как этот эффект стали именовать в поп-культуре. Высоколобые академики и аналитики не вылезали из телевизора, обмениваясь учеными ремарками по поводу так называемого пристрастия к возбудимости. До сих пор на этот синдром мало кто обращал внимание, коль скоро он мешал жить одним только мальчикам. На протяжении пары последних десятилетий его жертвами становились в основном молодые люди мужского пола, в которых развивалась рабская зависимость от выплеска эндорфинов в ходе видеоигр и серфинга по веб-сайтам интимного свойства. Целое поколение молодых мужчин привыкло снимать внутреннее напряжение без участия высоких чувств и, как следствие, провалилось сквозь социальные трещины. Зависло в подполье – в гаражах и подвалах, пропитанных тяжелой атмосферой их страстишек, позабыв про реальные отношения с такими живыми и любвеобильными подругами.

Пенни пыталась отмахнуться от подобных репортажей, списав их на самцовую истерику, однако от основополагающей идеи так просто отделаться не получалось. По словам экспертов, проблема возникла после того, как наши первобытные животные инстинкты оказались подвержены манипуляциям со стороны прорывных современных технологий. Взять хотя бы сливочный пломбир. Его приятная сахаристость и аппетитная жирность были теми качествами, в которых нуждаются наши животные «я», чтобы выжить. Именно поэтому Пенни не могла остановиться, пока не опорожняла пол-литровое ведерко. Маркетологи заставили ее же собственные, запрограммированные эволюцией потребности работать против хозяйки. Пока что пристрастие к возбудимости добиралось до мужчин по визуальным каналам, через видеоприставки и широко-порно-полосный Интернет; однако максвелловская линейка бытовых товаров, похоже, возымела аналогичное действие на женщин.

И главное, все сходится! Непрерывно модулируемая стимуляция потихоньку переписывала женские мозги. Лимбические структуры церебрального аппарата оказались затоплены допамином. Управляемая гипоталамусом функция вознаграждения была торпедирована, и префронтальная кора головного мозга утратила контроль. О, подумала Пенни, просматривая медицинские сайты, ужас как сложно, но до чего понятно и очевидно!

Стоило разок попробовать, и дамы «объедались» самогенерируемым наслаждением. Вот оно, последствие до самых кончиков. Традиционные способы времяпрепровождения уже вызвали скуку. Терялся интерес к привычным занятиям. А без постоянного возбуждения за счет максвелловских средств заботы женщины впадали в жестокую депрессию.

Социологи не замедлили указать на тот факт, что еще на заре рекламы упор делался на

сексуальные импульсы самцов. Скажем, чтобы продать некий сорт пива, тогдашним СМИ было достаточно изобразить идеализированное женское тело, и мужчины тут же подсаживались на раскручиваемую марку. Со стороны эта многовековая тактика выглядела эксплуатацией слабого пола в интересах сильного, однако наиболее проницательные наблюдатели сумели-таки разглядеть здесь промывку мозгов человеку разумному: его взгляды, умение сосредоточиваться и даже понимать – все стиралось при виде манящей груди и упругих гладкокожих ляжек.

Точно так же и разум Пенни до самых кончиков оказался промыт от грез и надежд, планов на будущее, в нем не осталось даже любви к собственным родителям. Цивилизация с таких давних пор и с такой беспечностью шарашит сексом по мозгам молодым мужчинам, что социум давно не возражает против этой порочной практики.

Пожалуй, вот почему мир с готовностью воспринял известие об исчезновении женщин в той же бездне. Искусственная гиперстимуляция выглядит идеальным способом сдерживать целое поколение молодежи, которой хочется все больше и больше от мира, где всего подряд становится все меньше и меньше. И кем бы ни были жертвы – хоть мужчины, хоть женщины, – пристрастие к возбудимости, судя по всему, стало новой общепринятой нормой.

В один из редко выпавших вечеров вне офисных стен Пенни с Тэдом сходили на вечеринку в «Йельском клубе». В обществе пенсильванской голубой крови молодой стряпчий чувствовал себя как рыба в воде. Нет, он пока не собирался забросить идею о коллективной тяжбе, и это несмотря на кровоподтеки, отметившие неудачу Пенни подыскать истца. Тэд придерживался рациональной линии в духе поживем – увидим. Да, он был уверен: дайте только время, и материализуется немало женщин с исковыми заявлениями. Ну а пока суд да дело, можно объявить наступление на фронте оспаривания патентных прав от имени самой Пенни.

В чем, собственно, и заключалась еще одна причина отметить сегодняшний вечер. Ведь завтра Пенни столкнется с совладельцами «Би-Би-Би», которые потребуют дачи показаний.

Очутившись в «Йельском клубе», она даже восхитилась, с какой непринужденной ловкостью Тэд носит смокинг и приветствует кое-кого из самых богатых ньюйоркцев как старых друзей. За такого есть смысл держаться. Вот если бы только он перестал помогать вагинального коитуса... Остальные этапы ритуала ухаживания они уже освоили, плюс-минус, но Пенни не могла пойти на риск, что он пострадает. А объяснять свои растущие страхи тоже не хочется.

Погрузившись в мысли, она столкнулась с другим гостем. Пролилось несколько капель шампанского, однако непоправимого ущерба никто не понес. Высокий бородач оказался знакомым.

– Вы ведь Пенни Харриган, да? – Он выставил руку. – Я Пьер Лекуржет.

Ах да, писатель-лауреат, кавалер Алуэтты на момент ее смерти.

– Очень печальная история, – сказал он.

Пенни крепко пожала ему ладонь.

– Вы, должно быть, ужасно страдаете. Она была такая хорошенькая.

Он грустно ответил:

– Вы заблуждаетесь. У нас не было интимной связи.

Пенни ждала, что за этим последует.

– Старались много раз, – произнес он, – но я не смог узнать ее с той стороны.

Пенни обдало волной дурных предчувствий. Перед глазами брызнула кровь из возбужденного органа насильника в метрополитене.

– Что-то... внутри моей Алуэтты... – начал было Пьер Лекуржет, а потом лишь вздохнул.

Исповедь за него закончила сама Пенни:

– Там вас что-то тяпнуло?

– Тяпнуло? – переспросил он, сбитый с толку незнакомым словом на чужом языке.

– Ну-у, укололо, – пожала она плечами. – Проткнуло.

В его глазах вспыхнула искорка понимания.

– *Уи!* – воскликнул он. – *Мон дьё!* Оно там пряталось, внутри ее *шат*. Она была уверена, что Максвелл оставил какой-то инструмент, хотя врачи ничего не нашли. – Он поддержал ее за локоть, не давая упасть. – Дорогая моя, что вам известно про болезнь Алуэтты?

Пенни шатало из стороны в сторону. Стены кружились. Не об этой ли тайне собиралась поведать Алуэтта за несостоявшимся ужином?

Внезапно материализовался Тэд, выразительно приобнял ее за талию.

– А не пора ли кое-кому баиньки?

Он прижимался к ней так тесно, что отчетливо ощущалась эрекция, прикрытая лишь тонким слоем брючной ткани.

Опять двадцать пять. Секса ему подавай. Пенни была до того раздражена, что впору плюнуть и махнуть рукой: а пускай рискнет!

На следующий день, сидя в конференц-зале на шестьдесят пятом этаже, куда в былое время собственноручно доставила такую массу стульев, Пенни дала официальные показания. Единственным сотрудником фирмы, который при этом не присутствовал, была Моник. Злосчастная Моник до сих пор сидела в своей спальне, забаррикадировав дверь. Зато все прочие коллеги и старшие совладельцы пялились на Пенни весьма откровенно. Их пытливые взгляды шарили по лицу, охотясь за признаками лжи. Кроме того, слова собирал и микрофон, в который она рассказала про первую ночь, когда Макс в буквальном смысле накачал ее розовым шампанским. Рука стенографистки летала по бумаге со скоростью не хуже максвелловой.

Большинство коллег слушали рассказ разинув рот. Особенно в том месте, где она со стеснительной запинкой поведала, как Максвелл обрабатывал шейку ее матки, доводя до конвульсий.

Время от времени Бриллштейн постреливал вопросами, думая поймать на нестыковках.

– Мисс Харриган, ранее вы заявляли, что мистер Максвелл просунул весь свой кулак вплоть до запястья вам во влагалище. Как такое возможно?

Воспоминание обожгло мучительно-сладкой болью. На глазах всей фирмы она пролепетала:

– Я и сама не пойму...

– Не волнуйся, лапочка, – подбодрил Тэд. Он дружески подмигнул и показал оба больших пальца. – Все у тебя получается.

Впившись словно клещ, Бриллштейн безжалостно напирал:

– Не хотите ли вы сказать, мисс Харриган, что ваша анатомия особенно пригодна для столь исчерпывающих исследований?

Пенни вскинулась.

– Вы намекаете, что я шлюха?

– Я просто выясняю, – презрительно усмехнулся старик, – в чем именно состоял ваш уникальный вклад в обсуждаемый процесс.

Слово «уникальный» в его устах прозвучало с похабным оттенком.

– Был случай, когда я чуть не умерла! – отбила выпад Пенни, стараясь не елозить под прицелом его колючих зрачков.

– От боли?

Нет, он совершенно точно ее ненавидит!

– Н-не совсем...

Чтобы не встречаться с бесчисленными чужими взглядами, ей оставалось лишь смотреть в пол.

Бриллштейн зашел с другой стороны:

– Вы упомянули, что мистер Максвелл занимался исчерпывающим изучением эротики...

Слово за слово, и в конечном итоге Пенни поведала им все, что помнила про куртизанок и

мудрецов, о которых говорил Макс. Не оставила в стороне и Бабу Седобородку, наипервейшего ментора Максвелла; рассказала о том, что эта великая искусница живет высоко-высоко в Гималаях, в уединенной пещере, где он ее и разыскал. Пенни в красках описала, как ветхая наставница обучила стажера-миллиардера эротической технике, берущей свои истоки на заре человеческой эволюции. А вот про Клариссу Хайнд докладывать не стала, так же как и про совет покойной президентши, мол, иди тоже учись у старой карги. Чего ради тревожить память и без того пострадавшего политика?

Бриллштейн прервал ее вновь:

– Если мои вопросы и кажутся враждебными, мисс Харриган, прошу учесть, что я делаю вам великое одолжение. Защитники мистера Максвелла будут ничуть не менее беспощадны.

Пенни постаралась взять себя в руки. Верно, надо закаляться. Развернув плечи и вскинув подбородок, она ждала.

Его похотливые глазки злобно смеялись.

– Вот вы говорите, что позволили мистеру Максвеллу устроить вам анальную стимуляцию в помпезном французском ресторане...

Бриллштейн терзал ее со вкусом. Взгляд старикашки препарировал ее тело с той же беспощадностью, что и взоры незнакомых толстосумов, которые пытались проанализировать ее чувственные тайны на парижских суарэ.

Ледяным тоном она отвечала:

– Мы с мистером Максвеллом занимались исследованиями.

А-а! – почувствовала Пенни, с минуты на минуту жди залпа из главного калибра. Несмотря на постоянный приток прохлады из кондиционера, конференц-зал напоминал сауну. Мужчины крутили головами, оттягивая пальцами воротнички, и норовили тайком ослабить галстук. Дамы-коллеги – их, впрочем, было немного – были готовы прийти ей на помощь, а покамест сами обмахивались первым попавшимся юридическим документом.

– В таком случае... – сверился Бриллштейн со своими записями, – правда ли, что в месяце апреле семнадцатого числа, в промежутке от семи пополудни до восьми вечера, вы уведомили мистера Максвелла об успешно состоявшемся оргазме номер сорок семь, индуцированном в вашем теле средствами и приемами, которые вы сейчас именуете термином «исследования»?

Пенни насторожилась. Положим, да, это правда, но откуда у Бриллштейна такие точные цифры? Столь подробные сведения он мог получить, лишь пообщавшись с самим Максвеллом. Догадка пронзила ледяной молнией: Бриллштейн с ним заодно!

А старикашка тем временем развивал успех:

– На протяжении без малого часа ваш пульс составлял в среднем сто восемьдесят ударов. – Обратившись к бумажкам, он зачитал: – «Респираторная динамика стабилизировалась на сто девяносто одном такте в минуту». – Вам не кажется, что вы были с лихвой вознаграждены за участие в этом, с позволения сказать, эксперименте?

Он самодовольно ухмыльнулся, дразня катышками глаз: ну, вздумаешь отрицать?

Не дожидаясь ответа, старший совладелец ткнул в кнопку, что была вмонтирована в столешницу. С потолка быстренько съехал проекционный экран. Очередная кнопка вызвала к жизни собственно проектор, из невидимых динамиков хлынул визг. До гротеска объемистое, многократно увеличенное и нагое женское тело заполнило всю отведенную площадь. Дама ерзала на спине среди вороха атласных подушечек, сминая в кулаках белый шелк простыней. Эфес чего-то розового торчал у нее между ног. Когда судорожные конвульсии стали угрожать смещением розового приспособления из нужной точки, в кадре возникла мужская рука и решительно вернула инструмент на место, загнав по самую рукоять. На пальце смельчака сверкнул рубиновый перстень.

Рука Макса. И билась на экране не какая-нибудь дикарка, а Пенни.

– Мисс Харриган, – поднял голос Бриллштейн, чтобы перекрыть зафиксированное электроникой хрюканье, – как прикажете это понимать?

Пенни обернулась к Тэду, ища поддержки, но он даже не смотрел на нее. Упершись локтями в колени, парень прятал лицо в ладонях и лишь мотал головой от отчаяния.

М-да. Одно дело рассуждать о тестировании, важно оперируя профессиональным юридическим

жаргоном, и совсем другое – воочию видеть, как Пенни барахтается в собственном блаженстве, едва не сходя с ума от необузданной, животной разрядки, брызжет вульгарными непристойностями... словом, мало чем напоминает добросовестного трудолюбивого ученого.

В эту жгучую минуту предельного унижения, когда десятки специально обученных правоведов чесали в затылке, решая, кто перед ними – обманутый соавтор эпохального изобретения или просто наглая бесстыжая девка, Пенни услышала знакомый рокот. Вскоре все здание дрожало под ударами звуковых волн, отраженных соседними небоскребами. Двумя этажами выше готовился сесть вертолет.

Интересоваться нет нужды. Пенни знала, кто вот-вот появится.

Видео кончилось. Экран уехал обратно в потолок.

– Господа, – взял слово Бриллштейн, – за работу. После обеда нам предстоит еще одна длительная процедура фиксации показаний.

Пока утомленные адвокаты освобождали места и помещение в целом, Бриллштейн протянул Пенни руку.

– Юная леди, – сказал он, – если позволите, маленький совет. Думаю, ваша затея чрезвычайно глупа.

Пенни разрешила ему довести ее до двери за локоть.

Расставаясь в коридоре, он поинтересовался, нельзя ли попросить ее об одном одолжении.

Онемев от удивления, Пенни кивнула.

– Будьте так любезны, – сказал Бриллштейн, сочась презрением, – передайте вашей подруге Моник, что она уволена!

– Ты уж не сердись на меня, доченька.

Мама.

Пенни сидела с газетой за кухонным столом, когда загудел мобильник. Все сегодняшние новости касались покойного президента. От Белого дома пока не последовало никаких официальных заявлений, но одна из следственных комиссий уже выпустила предварительный отчет. В соответствии со служебным протоколом, Верховный главнокомандующий не подвергался ни личному досмотру, ни сканированию металлодетекторами. Наоборот, все и всегда считали, что президент – это потенциальная цель, объект атаки. А не стрелок. Хайнд, как выяснилось, сочетала в себе обе роли. Вице-президента – естественно, мужчину – спешно привели к присяге. Всезнайки-радиокомментаторы кивали на менопаузу: довела, проклятая, до измены родине самоубийством.

Поскольку пистолет так близко был к микрофонам, грохот получился апокалиптическим. У Пенни до сих пор звенело в ушах, и матери приходилось надрывать, чтобы из Небраски докричаться до дочери.

Осторожно подбирая слова, домохозяйка из глубинки сообщила:

– Знаешь, я все-таки прикупила этих «кончиков»...

У Пенни сперло дыхание.

Вслед за признанием мать поменяла тон, подняв голос до девчачьего писка:

– Что ж ты мне раньше не сказала?! Так проняло, до сих пор не отпустило! Вот почему Господь Бог сделал нас женщинами! А твой папаша вторую неделю в лесу дуется. Ну чисто ребенок... – Застеснявшись, мать добавила: – Только они хрупкие какие-то... Специально, что ли...

Пенни пробормотала:

– Так. Что именно поломалось?

Даже по телефону было слышно, как мама залилась румянцем.

– Ах, доченька, одному богу ведомо, как эти инженеры в своих ОТК работают. Да и я хороша: завела ее на все обороты. Как в этой... ну... про часики которая?

Пенни смутно припомнила бодрящий рекламный слоган от «Таймекса»: «Нас бьют, а мы всё ходим».

– Но пока не сломалась... – мать вздохнула, – я таких ощущений набралась, на всю жизнь...

Пенни скрестила пальцы.

– Мам, я спрашиваю, что это была за штучка?

«О, только не стрекозка!» – мысленно взмолилась она.

– Стрекозка.

– Ну мама! – вознегодовала дочь.

А та, словно не слыша, продолжала:

– Помнишь, как ты в седьмом классе выпрашивала кроссовки, по которым все с ума тогда сходили? Считай, что и я спятила. Знаешь, когда я вижу рекламу этих штучек по телевизору, у меня внутри что-то такое прямо щекочет, не могу.

Вернувшись в тот день с работы, Пенни постучала в спальню подруги-приживалки. У нее не хватило крепости духа сообщить Моник печальную новость: тебя-де уволили за прогулы. Вместо этого она стояла в коридоре и дергала за дверную ручку, периодически повторяя: «Открывай давай!» Приложив ухо к створке, послушала злое зудение.

– Открывай, говорю! – потребовала она. – «Неотложку» вызывать будем.

Дверь чуть приоткрылась. Хлынула вонь. Через щель удалось рассмотреть череп в обрамлении запущенных дредов.

– Не в службу, а в дружбу, – просипел череп. – Сгоняй за батарейками, а?

Шварк! Дверь захлопнулась. Сочно щелкнул замок, и вновь раздалось приглушенное зудение.

Бесило, что сейчас ее родной матери грозила та же опасность. Решив отвлечь ее внимание, Пенни поинтересовалась:

– Мам, а помнишь, я тебя просила покопаться в старых подшивках?

Ее пальцы сами собой потянулись к шее. Пульс 127. Время, проведенное с Максом, наделило ее привычкой следить за показателями собственной жизнедеятельности.

Мама не ответила; во всяком случае, не ответила сразу. Может, винить надо буйное воображение, но вроде с того конца провода доносилось слабое жужжание.

– Мам? – спросила она. – А что, папа опять взялся за бензопилу?

– Знаешь, я тут хотела тебе сказать... В общем, жди от папы звонка. – Мать перешла на шепот: – Грозится сунуть меня в смирительную рубашку и отвезти в дурдом. – Раздраженное шипение: – А я всего-то забочусь о себе! В кои-то веки!

– Ма-ам, ну что там с таблоидом? – не отставала Пенни. – Мы же договорились, что ты помотришь насчет детства Максвелла.

Мать сменила тему:

– У тебя есть планы на сегодняшний вечер?

Так, уже 131 удар в минуту.

– Сегодняшний вечер? – Вообще-то имеется одна мыслишка, надо ее проверить. – Ну да, я тут решила кое-кого пригласить...

– Кого-то особенного? – заинтересовалась мать.

– Да, – ответила Пенни без тени иронии в голосе. – Вечерок выйдет незаурядный.

Должно быть, Бриллиштейн увидел ее имя на индикаторе АОНа, потому что трубку снял уже на втором гудке. Голос приглушенный, невнятный от плотского желания.

– Да?..

Откуда-то издалека донеслось женское, властное:

– Дорогой? Кто это? Ведь ночь на носу!

– Да никто! – бросил он в сторону. – С работы. Может, придется отлучиться на пару часиков.

Скороговоркой сообщив собственный адрес, Пенни бросила трубку и кинулась в коридор. Смерчем прошла по чуланам и гардеробным, подыскивая самый дерзкий пеньюар. В Париже, ничем и никем не сдерживаемая, она прикупила десятки пикантных, сверхукороченных ночных сорочек, надеясь хоть этим раззадорить Максвелла. Ага, как же. Зато к сегодняшнему вечеру удачно подойдет вот этот узенький поясок из перьев марабу, выкрашенных в насыщенный лиловый цвет. Вещицу полагалось носить на талии, оставляя обнаженным торс, а стало быть, и грудь, к тому же лишь частично прикрывая вульву.

Пенни зажгла люстру в прихожей своего хорошенького городского особняка и заняла позицию, которая отбросит ее тень на матированное стекло парадной двери. Слегка подогнула ножку, чтобы при взгляде с улицы у тени соблазнительно выпячивалось бедро, и замерла, поджидая гостя. С богом. Капкан заряжен.

«Динь-дон», – пропел дверной колокольчик.

– Открыто! – отозвалась Пенни самым знойным голосом.

Бриллиштейн бочком сунулся в дверь, отдуваясь, словно бежал даже в такси. Узрев прелести, подчеркнутые марабуиным пояском, сочно чмокнул морщинистыми губами и сказал:

– «Предчувствия его не обманули...» И впрямь шлюха!

Пенни ловко выскользнула из жадных рук. Уворачиваясь на ходу, заманивая в глубь просторных комнат, она позволила только собственным ладоням скользить по шелковистым изгибам тела.

– О, мистер Бриллиштейн, о! – хихикала она, избежав очередной поимки. – Я так долго этого ждала!

Глупый распутник уже избавился от пальто, штанов и шляпы и гонялся за ней меж оттоманок и журнальных столиков, однако вечно опаздывал на шажок. Никак ему не удавалось цапнуть пригоршню юной, упругой кожи.

Вываживая добычу, Пенни ворковала:

– Мы теперь работаем за Максвелла, да?

Вновь хихикнула и упорхнула.

Бриллиштейн ухмыльнулся и старческой рукой вытер слюни с подбородка. Кот, готовый захрупать косточками одной яркой, сексуальной канарейки.

Обиженно выпятив нижнюю губку, Пенни увернулась вновь и задала следующий вопрос:

– А откуда вы так хорошо знаете, что у Макса в блокнотах?

Из-под семейных трусов «Брукс Бразерс» кое-что выпирало в ее направлении; волосатые свиноподобные ляжки подгибались от вожделения. Не пощаженные временем ягодицы судорожно сжимались и разжимались, толкая набухший пах вперед. В глотке клокотала одышка.

– Дай себя словить, – прохрипел Бриллиштейн, – и я все расскажу.

Она увлекла его на второй этаж, к спальне. Изобразила собственное возбуждение, мяукая и кривляясь тем притворным способом, что в свое время так досаждал Максу. А вот Бриллиштейн не замечал, что у нее ровный пульс и полнейшее отсутствие перспирации. Загнав Пенни в постель, он забрался сверху, закопошился, понуждая раздвинуть колени. Рывком спустив трусы, он и не прикидывался, что хочет доставить ей удовольствие. С кончика фаллоса тянулась нитка прозрачной слизи, приликая к девичьей коже, о которую он терся. Размазывая клейкие выделения по безволосой наготе, Бриллиштейн хрипел:

– Гладенькая, какая гладенькая!..

Харкнув себе в руку, взялся втирать мерзкий плевок. Затем выяснилось, что он не умеет попадать в

подвижную мишень, поэтому Пенни пришлось замереть, дабы он смог проникнуть.

С первым же толчком он вошел на всю глубину. Вцепившись в дряблые складки по бокам его туши, она напряглась: впереди, кажется, ждет нечто похлеще. И до последней минуты молилась, чтобы так оно и вышло.

Ее надежды оправдались. Не успев еще выйти для второго захода, Бриллштейн взревел, как хряк на семейной ферме, угодивший под нож закольщика. Забился, стараясь спастись, но крепкие девичьи пальцы надежно прижимали добычу к паху. Чем бы это ни было, что-то внутри ее вагины терзало Бриллштейна, да так, что он взмолился о пощаде. Обсыпанные гречкой руки толкались и дрались, однако Пенни все превозмогла.

– Говори! – потребовала она, прогибаясь в пояснице, чтобы ее вагинальная пыточная камера могла плотнее взяться за жертву. – Признавайся, что вы с Максом затеяли!

Бриллштейн выл. Пока неясно, чем ее зарядил Максвелл, но функцию злой сторожевой собаки эта штукавина исполняла на все сто.

– Он как-то связан с гибелью Алуэтты? – напирала Пенни. – Макс убил ее из-за той тяжбы?

– Да! – взвизгнул Бриллштейн. – Мне больно!

Крича в пунцовую, перекошенную морду, Пенни не отставала:

– Каким боком тут замешаны «кончики»?

– Я не знаю! – Он всхлипнул, корячась, будто шершни целым роем облепили его член и жалят напропалую.

Если он и хлестал кровью внутри ее, Пенни было плевать. Под угрозой жизнь лучшей подруги с мамой за компанию! Миллионы других женщин в опасности. Продолжая инквизиторский допрос, не ведая пощады, как и он ее не ведал при даче показаний, она гнула свое:

– А ну выкладывай бесовский план Вклинуса!

– Я ничего не знаю! – жалобно взвыл Бриллштейн.

Ну ладно. Пенни расслабила хватку, выдергивая когти из потных ягодичек, и хнычущий старший совладелец выкатился из ее объятий. Серьезно кровотока, скрежеща зубами, он пожаловался:

– Спираль, что ли, выскочила? Вставлять научись, неумеха!

Забежав в ванную комнату за ватой и спиртовой примочкой, Пенни гордо взглянула на себя в зеркало. Победа! Признание Бриллштейна подтвердило ее наихудшие опасения. Заговор и впрямь существует.

Когда она плеснула детским антисептиком на пострадавшие интимные части босса, тот зашелся визгом. Чужая кровь до сих пор струилась по ногам, ну да черт с ним. Пенни выдернула из чулана дорожную сумку, которую принялась набивать всем, чем надо, от «Веры Вонг». Не отрываясь от дела, свистнула айфону и приказала:

– Сири, бронируй! Авиабилет до Непала с посадкой в Омахе, штат Небраска. Чего? На когда? Да на сегодня!

Перед побегом из собственного особняка Пенни пинком спровадила начальника – голого и залитого кровью, с ворохом личных шмоток в руках – на улицу. Она также навестила Моник, вернее, постояла под запертой дверью и, постучавшись, позвала:

– Мо? Ты меня слышишь? Алё-о?

Надорвав пачку вафель с черничным муссом, одну за одной просунула галетки в дверную щель, приговаривая:

– Обязательно поешь! И не забудь попить. Я вернусь как только смогу.

Ответом было лишь знакомое зудение, которым спальня подруги заходила далеко не первый день.

Бегом преодолевая аэровокзальные службы, Пенни мельком отметила про себя, что других женщин не видно. От персонала на стойках регистрации до собственно пассажиров все как один были мужчинами. Похоже, вся сервисная инфраструктура напроць лишилась женщин.

Чтобы лишний раз не привлекать внимание взбудораженных самцов – город Нью-Йорк превращался в сексуальную пороховую бочку! – она предусмотрительно надела ив-сен-лорановский брючный костюм: уж очень он напоминал мужской, особенно в сочетании с белым вязаным свитером, который своей мешковатостью скрывал ошарашивающие линии ее бюста. Пышную гриву скрутила в узел, сверху прикрыла вязаной шапочкой, а блеском по губам прошлась лишь разочек. Походкой шла косолапой, развинченной, подав плечи вперед и втянув голову в шею. Если ее и заметит кто из прохожих, наверняка примет за хиппового морячка в увольнительной на берег.

Тот, кто снаушничал президенту Хайнд про готовящийся иск в «Би-Би-Би»-конторе, наверняка подрабатывал и на таблоиды. Аэропортовые киоски пестрели кричащими заголовками: «Золушка Пенни Харриган – новый Эдисон в индустрии секс-игрушек!» Первые полосы в подробностях излагали ее претензии на соавторство. Текст иллюстрировался: утонувшая в белом атласе головка Пенни крупным планом. Страшное косоглазие и вывалившийся язык свидетельствовали о том, что снимки взяты из парижского домашнего видео. На редкость возбуждающие картинки, спорить не приходится, однако они и близко не напоминали образ гения от секс-эргономики, на который, как уверяла «желтая пресса», она замахнулась.

Уютно устроившись в шикарном салоне заказного реактивного самолета, Пенни подняла крышку ноутбука и принялась бороздить новостные сайты. Хватило нескольких страниц, чтобы подтвердились худшие опасения. ВЖО – Всеамериканская женская организация – впервые в своей истории отменила ежегодный слет вследствие полнейшего отсутствия делегатов. Каких-то шесть недель назад список участниц этого представительного форума трещал по швам, однако после анонсированной реализации «До самых кончиков» все они взяли самоотвод. Кто-то скромно сослался на личные обстоятельства, другие открыто заявили, что нашли альтернативный путь для самореализации. Как бы то ни было, после провала несостоявшейся конференции и в отсутствие активных членов ВЖО очутилась на грани исчезновения. Точно так же, когда Пенни позвонила в штаб-квартиру Лиги избирательниц, магнитофонный голос уведомил ее, что эта общественная организация испытывает временную нехватку персонала, а посему на неопределенный срок закрывается. Женская часть сената и палаты представителей в полном составе прогуливала заседания вот уже вторую неделю.

Страх расцвел в сердце, но Пенни продолжала серфинг.

А вот еще одна новость, на первый взгляд не относящаяся к делу: олимпийская сборная США лишилась всех своих спортсменок, от многократных золотых призерш по женскому хоккею на траве до гениальных гимнасток и фигуристок. Все они выразили желание посидеть дома, отказавшись от первых мест на пьедестале почета. Далее, знаменитый Мормонский хор остался без контральто и сопрано: те попросту не вышли на работу.

Чуть ли не поголовная эпидемия прогулов была отмечена во всех без исключения профессиях, традиционно опиравшихся на зоркий женский глаз и заботливые руки.

А между тем, отмечали бизнес-сайты, датамикромомовские акции росли как на дрожжах. Подразделения гиперкорпорации, в особенности те, что касались «До самых кончиков», отчитывались о рекордных объемах сбыта.

По прибытии в Омаху Пенни уже поджидал минивэн скучного белого цвета.

– Дочурка! – раздался голос с водительского сиденья. Не скрывая удивления, ее отец спросил: – Пенпенчик, ты почему оделась как моряк?

Лязгнула сдвигаемая боковая дверь. Скорчившийся внутри машины незнакомец прикрикнул:

– Сюда! Живей!

Махнув рукой в знак готовности принять ее саквояж, он пояснил:

– Надо спасать! Твою мать!

Имя незнакомцу было Мило, и он выступал руководителем местного капитула тех, кто «давши слово – его держал». Он же владел и минивэном, чей салон был практически пуст, если не считать одинокой аптечки, стопки одеял и жутковатой связки нейлонового шнура. Пока отец вел машину по притихшим улицам ночной Омахи, Мило с Пенни не сводили глаз с тротуаров и переулков, высматривая пропавшую женщину. Проткнув резиновую пробку на каком-то пузырьке, Мило набрал целый шприц прозрачной жидкости.

В одном из наиболее запущенных кварталов они заметили человеческую фигуру в банном халате, которая толкала перед собой блестящую, дребезжащую тележку из универсама. Ее волосы – да, это была женщина – висели нечесаными клоками, скрывая лицо. Слезившиеся глаза утонули в

оплывших веках. Голые ноги были черны от грязи. В тележке тряслась коллекция изгвазданных, утративших былой глянец, но по-прежнему розовых «кончиков». Сбоку висел прихваченный проволокой транспарантик: «Работаю за батарейки».

– Есть! – шепнул Мило. – Не спугни!

Он еще на ходу сдвинул боковую дверь. Женщина с тележкой даже не успела заметить их появление, как Мило прыгнул на нее с развернутым одеялом в руках. Накинув его как сеть, он сшиб женщину на асфальт. Та зашлась криком, отбиваясь от ловца. Мило скомандовал:

– Шнур! Скотч!

Пенни испуганно забилась в глубь салона, а вот отец мигом выскочил из-за «баранки» на подмогу. Вдвоем они взвалили даму в халате на плечи и быстро затащили в минивэн. На протяжении всего эпизода она настаивала:

– Игрушки! Игрушки мои не забудьте!

Мило натужно задвинул тяжелую дверь, и отец Пенни ударил по газам. Тележка с убогим скарбом растаяла в зеркале заднего вида.

Похищение заняло не более полутора минут. В темной глуби салона выкраденная женщина продолжала визжать, пока Мило не воткнул шприц ей в руку.

По-прежнему с одышкой, но уже не столь сильной, отец промолвил:

– Прости, дочка, что заставил тебя такое увидеть.

Лишь сейчас Пенни сообразила, кто именно лежит рядом с ней в шнурах и с транквилизатором в крови.

Ее родная мама.

– Бедняжка, только посмотрите на нее, – сочувственно сказал Мило, заклеивая рот скотчем. – Придется распрограммировать.

Они катили по живописным бульварам и кварталам, которые Пенни знала с детства.

Отец тем временем рассказывал, как мать стремительно деградировала до безумия. Он со своими товарищами по церкви организовал допрос с пристрастием, однако на все обвинения в преступном пристрастии следовал категорический протест и отказ признать патологическую зависимость от «до самых кончиков». Сегодня они решили силой вернуть ее домой, где и будут держать на седативах, попутно обрабатывая гипнозом и прочими методами для выработки условной реакции отвращения. Не то она окончательно себя погубит.

Пенни уже не удивлялась, что не сумела узнать собственную мать в ополоумевшем, предельно изможденном существе.

Добравшись наконец до дома, они аккуратно занесли спеленутое и перевязанное тело на крыльцо, затем в прихожую. Когда пациентку освободили от остатков одежды, а руки и ноги надежно притянули к ножкам кровати – мало ли что, – Пенни отпросилась в подпол, где мама хранила подшивки. Каждая полка каждого стеллажа была снабжена биркой с указанием года и месяца; впрочем, Пенни не потребовалось копаться в такой массе материала. На стульчике лежала уже заготовленная стопка номеров, относящихся к Максвеллу. «Спасибо, мама, выкроила время», – тепло подумала Пенни. Бедняга перелопатила тысячи накопленных за полстолетия выпусков, дабы отобрать из них драгоценные страницы.

Приготовив себе заслуженную чашку какао, Пенни перенесла таблоиды в гостиную, устроилась в любимом кресле возле камина и стала читать.

Новой информации почерпнуть удалось не так уж много. Итак, Максвелл, окрещенный Корнелиусом Линусом, появился на свет 24 января 19 ... года в родильной палате медцентра Харборвью города Сиэтл. Сведения об отце отсутствуют. Мать вырастила его в одиночку. Других детей не имелось.

Макс поступил в Вашингтонский университет, однако бросил учебу уже на первом курсе, когда погибла мать. Ходили слухи, что вуз он променял на шанс стать учеником каких-то там гималайских гуру. Сплетники позднее помещали его в экзотические публичные дома и мутные околomedicalные учреждения, где за деньги было доступно что угодно: разнузданные сексуальные оргии, дизайнерские наркотики... Одним словом, Корни Максвелл сошел с горизонта на целых шесть лет. А когда вынырнул, по прошествии пары месяцев объединил силы с юной и амбициозной Клариссой

Хайнд.

В номерах десятилетней давности отыскалась серия бизнес-заметок про текущие проекты «ДатаМикроКом». На протяжении десяти выпусков публиковались подробности, как Максвелл стал пионером в области нанороботов. Так называемые наниты, или наноботы, до того крошечные, что своими размерами не превышают миллионную долю метра; еще немного, и их можно будет сравнивать с молекулами. Наука всегда вгоняла Пенни в сон, однако это чтиво завораживало. Основной областью приложения нанитов была медицина, где каждая такая крохотулька-наномедибот запускалась в кровеносный сосуд или нерв, чтобы чинить повреждения на молекулярном уровне.

В научно-популярном разделе того же таблоида нашлась более обстоятельная статья, дополнявшая картину. Одни наноботы создавались для плавания по венам и артериям, откуда они выгребали опасные холестериновые бляшки. Другие целыми роями атаковали раковые клетки, которые и приканчивали точечным нагревом или впрыском спецхимикатов.

В голове Пенни прорезался крошечный голосок: «А трети выбирались из «кончиков», чтобы взять на бордаж круру твоего клитора!»

Нахмурившись, она взялась искать и другие откровения на тему наноботов, однако в статье вдруг поставили точку. Такое впечатление, что, провозившись с десятилетие со сверхминиатюрными роботами и даже показав прорывные достижения, «ДатаМикроКом» забросила проект. Чуть позже небольшая заметка сослалась на самого Макса: наноботы нерентабельны. Лабораторию закрыли, а фонды перенаправили на куда более прибыльную линейку «До самых кончиков».

В памяти потрясенной Пенни всплыла картинка из президентского лимузина. Там на нее без какой-либо видимой причины вдруг накатило плотское желание. Да что там желание! Оргазмом пахивало. Мир свелся к одревеневшим соскам и клитору. Только ласковая помощь президента обуздала цунами эротического буйства.

А взять Алуэтту с ее нервным срывом на сцене «Кодак-театра»? И добавить сюда ее родную мать: вон она, лежит ровнехонько над головой, прихваченная за руки и за ноги к спинкам кровати. Ну точно, все дело в поломанной игрушке-стрекозе. Звучит ничуть не хуже того пенистого бреда, что порой изливается из ротового отверстия отдельных фанаток-феминисток. И все-таки, что, если игрушка отнюдь не сломалась, а и впрямь была чем-то вроде кокона? Из лопнувшей оболочки хлынули миллионы нанороботов, которые взяли и забрались Пенни в матку. Оттуда перелезли в кровеносные сосуды и давай захватывать ее яичники, разгуливать по всей центральной нервной системе. Вплоть до головного мозга. Одному богу ведомо, что они вытворяют с ее органами чувств и как влияют на поведение.

Еще в самолете, по пути в Омаху, Пенни вычитала в новостях про двадцатитысячную толпу покупательниц, взявших штурмом парфюмерный магазин в стремлении приобрести некий новый аромат. А в Риме их товарки устроили аналогичное побоище за право купить крем для лица, чей выпуск сопровождался сверхагрессивной рекламой.

Что же касается пресловутого рентгена, который Пенни прошла после нападения в метро, то не приходится удивляться, что он ничего не показал. Ведь наномедиботы до того крошечные, что их никакой диагностикой не выразишь. И сейчас, как понимала Пенни, с ними расхаживали десятки миллионов женщин по всему миру.

Если Бриллштейн не соврал и Макс действительно замешан в смерти Алуэтты, то где гарантия, что наноботы способны доставлять лишь удовольствие? А вдруг они умеют и убивать?

Пенни допила какао и медленно поднялась вверх. Там, в полумраке, ее отец и Мило стояли над обнаженным телом ее мычащей матери, пока та извивалась в путах.

– Излечить ее полностью у нас не выйдет, – сказал отважный Мило, – но мы можем хотя бы подавить в ней саморазрушительные повадки.

Мужчины преклонили колена по обеим сторонам кровати и принялись молча молиться в сложенные лодочкой ладони. Тумбочка в изголовье была уставлена пузырьками с транквилизатором, откуда торчали одноразовые шприцы.

При виде этой картины беспомощная Пенни задалась вопросом, верна ли ее теория. И что делать, если за дикарскими, сексуально окрашенными выходками мамы в самом деле маячат наноботы?

– Пап, – сказала она, – мне пора.

Он горестно взглянул на дочь.

– Знаешь, Пенпенчик, когда мы с твоей мамой жили еще в Шиппе, врачи предупредили, что она не

сможет иметь детей.

Пенни насторожилась. Что еще за новости?

Уставившись на свою беспомощную, оглушенную седативами супругу, отец сказал:

– Все специалисты, к которым мы обращались, в один голос утверждали: беременность невозможна. Вот почему ты стала для нас настоящим чудом.

Пенни шагнула ближе и повисла у него на шее.

Не вставая с колен, он улыбнулся.

– Ты была подарком Всевышнего.

И добавил с надеждой в голосе:

– Если Господь сумел благословить нас столь чудесной дочерью... – вскинув руку, поворошил ей волосы, – тогда он, наверное, сможет избавить нашу маму от мерзкой напасти.

Мило тоже обернул к ней лицо, лучась блаженным простодушием веры. Голая, сумасшедшая мама Пенни находилась в добрых руках.

– Останься! – жизнерадостно воззвал Мило. – Хоть поесть сварганишь!

Пенни прокрутила эсэмэски.

– Пилот пишет, близится какой-то там фронт. Еще час, и мы уже не взлетим.

– А куда? – спросил отец. Бедолага. Рушилась его вселенная.

Твердым и холодным тоном – голосом постороннего – Пенни ответила:

– В Непал!

И добавила:

– Так надо.

Проклятый як отказывался лезть в гималайскую глубинку. После деревушки Хопцынь Пенни пришлось пересест на узкие костлявые загривки шерпов, чтобы преодолеть последние три вертикальные мили. Но даже шерпов не хватило до конечной остановки. Чем ближе становилась вожаденная пещера, тем отчетливее дрожали их колени. Наконец, непрерывно бормоча заклинания против злых духов, они ссадили девушку на пропеченный солнцем грунт и пугливо заторопились в обратный путь. В ответ на бурный протест самый крепкий из них ткнул пальцем в сторону черного зева и что-то истерически провизжал на туземном диалекте.

Делать нечего, придется пешком.

Карабкаясь по осыпающейся круче, Пенни представляла себе, как проделал этот же путь еще молодой Макс-паломник. В Париже он рассказывал о годах, проведенных с мудрой, загадочной отшельницей. Представившись охочим до знаний подмастерьем, уговорил ее стать наставницей в самых эзотерических областях тантрики. Несмотря на юность и бодрость, добавил Макс, годы сексмагических тренировок с опытной специалисткой его чуть на тот свет не отправили.

И вообще, сказал он – эта подробность в особенности беспокоила Пенни, – пещерное обиталище мистической колдуньи завалено скелетами тех мужчин и женщин, которых она укатала до смерти. Их косточки навеки застыли в невыносимых эротических изгибах и заломах, неведомых и авторам Камасутры.

И все-таки Пенни с притороченным к спине луи-витоновским спальным мешком упрямо лезла вверх, цепляясь за выбоины в скальной стене. Припоминая рассказы Макса про оргазмическую агонию, она чуть ли не молилась, чтобы провидица успела преставиться. Сухие ледяные ветра угрожали вырвать ее пальцы из тех трещинок, куда она их вставляла. Местная крылатая фауна пикировала с высот, норовя заклевать и поцарапать в стремлении защитить гнездовья с молодыняком. Вонь от помета перебивала дыхание.

Однако выбора нет. Даже президент заверила, что это единственный способ противостоять масвелловским козням. Умертвив Алуэтту в столь публичной манере, злодей доказал, что способен убивать кого угодно и где угодно. Захватил миллионы заложниц, даже если они сами того не

ведали. И пусть кому-то из них удастся обнаружить наноботов, время уже упущено.

Лишь Баба Седобородка могла предложить противоядие... антидот... терапевтический тренинг, способный стать заслоном на пути легиона вживленных микророботов.

Порыв ветра дернул Пенни за плечо, отрывая от скалы. Отчаянно махнув рукой, она расстегнула пряжку прадовского ремня, который крепил ее пожитки к спине, и проводила их взглядом. Импровизированный рюкзак падал вечность, поворачиваясь то так, то эдак, пока не разлетелся яркими ошметками от «Анны Кляйн». Сбросив ношу, Пенни полезла живее. К трем пополудни, устало выдохнув, она перевалилась через порог пещеры.

Никого.

По словам Макса, Баба Седобородка влачила свои дни, ползая по скалам за лишайником и мхами, которые составляли ее скудный рацион. Пробавлялась также ворованными яйцами. Немалая доля умащающих афродизиаков и возбуждающих бальзамов имела в своей основе ту плесень, что она соскребала с камней. Ночи, если верить Максусу, проводила сама с собою. И так две сотни лет: изыскивая, апробируя, осваивая новые и все более мощные методы самоудовлетворения. Такова была суть техники, которую Баба привила Максусу и которую он внедрил при массовом производстве «До самых кончиков».

В точности как он описывал, пещера была населена скелетами и сушеными трупами тех, кто, очевидно, скончался в тисках экстремального восторга. Рядом с покойниками нашлись разнообразные вещицы, плоды рук человеческих. А именно грубоватые прототипы тех изделий, которые Максвелл тестировал и совершенствовал на Пенни. Вот они, эротические изобретения одинокой Бабы, изготовленные из вяленых пантов северного оленя и животных сухожилий. Она собирала, разбирала и заново переделывала многочисленные приспособления для самовозбуждения, чтобы вынести бессчетные ночи изоляции. Беспредельная уединенность Бабы и породила сей кладезь сенсуального инструментария.

Пенни прошлась по пещере, осматривая найденное. Отдельные экземпляры, вырезанные из материкового базальта и отполированные до стеклянистого блеска, были явно предназначены для массажа перинеальной губки. Другие, представлявшие собой плетения из птичьих косточек, служили, по-видимому, для возбуждения клиторальных свай вокруг влагалища. Отдельные образчики со всей очевидностью применялись ректально.

Коварный злодей! Должно быть, Максусу хватило одного взгляда на эти хитроумные прибабасы, изобретения старой анахоретки, чтобы понять: такая сила сокрушит и поработит цивилизованную женщину. Каждая из вещиц потрясала, и Пенни откровенно им изумлялась, не замечая, что в пещеру вскарабкалась согбенная фигура и сейчас кралась в ее направлении.

Надтреснутый голос молвил:

– Давненько гостышкой не тянуло.

Пенни вихрем повернулась на каблучках и увидела пустынножительницу, до удивления похожую на близлежащие приспособления и скелеты. Баба Седобородка сама была чуть ли не вязанкой костей, державшихся вместе благодаря жилам, узловатым мышцам и блеклой шерсти. Залепленные бельмами глаза сияли не хуже лунных камушков. Мослы – телом это назвать было нельзя – не ведали одежды, а пресловутая седая борода на поверку оказалась лобковой порослью, при ходьбе подметавшей землю.

Максвелл предупреждал, что она слепа. Баба, сказал он, преодолевала перевалы, брала скальные стены и промышляла охотой исключительно на ошупь и на запах. Ее пальцы знали каждую щель, дыру и борозду в этих горах. Она носом определяла загаженные трещины.

Вот и сейчас она принюхивалась, водя ноздрями по спертому воздуху, и выцветшим голосом сказала:

– Свежа ты, мать... или мне кажется?

Пенни замерла как вкопанная. Затаила дыхание.

– Духовитая, – проворчала старая карга. – Я чую. От меня не утаишь.

Спустив с плеч заплатанный сидор, она принялась черпать из него мох горстями. Осторожно извлекла крохотные яйца, приговаривая:

– Из Нью-Йорка, поди? Крюком через Омаху?

Помнится, Максвелл предостерегал, что Баба способна по вкусу гениталий определить всю

интимно-половую биографию объекта.

– Сымай одёжу-то, – прошамкала старуха. – Лизать будем. Поглядим, какая ты студентка.

Шагнув ближе, ведунья выжидательно остановилась.

Пенни знала, что выбора нет. Мама и лучшая подруга, должно быть, уже при смерти. Значительный процент населения заражен едва ли не вирусом, в чье существование несчастные жертвы отказывались верить. Поэтому Пенни медленно сбросила с ног модельную обувь от Кристиана Лубутена, затем блузку и слаксы от Донны Каран, и наконец, следом отправились трусики «Ажан провокатёр». Оставшись нагой, если не считать лифчика «Виктория секрет миракл бра», она принялась, в свою очередь, ждать.

Подволакивая ногу, Баба Седобородка приблизилась к госте. Пятнистая дрожащая рука полезла Пенни в промежность.

– Ах! – Изумленный шепот: – Безволосая! Максвелл-негодник постарался?

У Пенни от страха отнялся язык. Она кивнула. Мол, сработал племенной узбекский способ с алое и кедровыми орешками.

Баба гордо ткнула морщинистой подушечкой пальца в растрескавшуюся кожу груди. Непрерывный обдув сухими ледяными ветрами так растянул ей молочные железы, что они теперь болтались пустыми мешочками, хлопая при всяком движении. Ведьма кивнула, пряча довольную улыбку в усах.

– Это я его научила.

Решительная в своих ласках, горная подвижница тем же скрюченным пальцем шутливо погрозила Пенни и, засунув узловатый кончик ей в вагину, сказала:

– Ох и сочна!

Палец – шишковатый, хрупкий, ни дать ни взять высохший сучок – зашел по кулачную костяшку. Старуха скрипнула:

– И восприимчива! Голуба моя, из тебя получится славная ученица.

Пока многовековая отшельница ее зондировала, Пенни старалась припомнить все, что любила в этой жизни. Например, катание в карете с Тэдом по Центральному парку. Торт-мороженое. Фильмы с Томом Беренджером. Затем на ум пришли сумочки от «Фенди», летние карнавалы с чертовым колесом и сахарной ватой. С теплой печалью она подумала о собственном восхищении в адрес Клариссы Хайнд и той радости до небес, что пришла к ней с присягой первой женщины-президента.

Когда приятные воспоминания истощились, Пенни невольно поежилась в ответ на манипуляции ведьмино перста. Ей словно лезли в самую душу.

Изрядно пошуровав, палец наконец убрался и, мимолетно сверкнув в тусклом пещерном свете, попал в морщинистые губы немолодой искусницы. Обсасывая фаланги, Баба понимающе хмыкала. Для верности еще разок облизав палец серым языком, она кивнула и заявила:

– К. Линус Максвелл. Вот кто тебе преподавал.

Колдунья сумела прочесть все по одной-единственной взятой пробе.

– Это он проинструктировал тебя в навыках, которые у меня перенял. Мой лучший ученик. О таком мечтает каждый наставник. Увы, современный человек чересчур нетерпелив, ему лишь бы поскорее достичь оргазма. Нет в нынешней молодежи уважения к учителям, не умеют они уделять им время.

Скрупулезное обследование утолило любопытство древней скитницы. Продолжая гладить Пенни шершавыми руками, она говорила:

– Да, я обучила Максвелла эротическому искусству древних. Эта практика почти утрачена человечеством. Никто уже не хочет посвящать ей бесчисленные часы, а ведь без должного прилежания не стать мастером сенсуалики.

Зато Максвелл, похоже, был не прочь потрудиться. Она с радостью приняла такого ученика для передачи опыта, тем более что...

– Если не считать Макса, последний раз студент ко мне заглядывал лет шестьдесят тому назад.

Звали его Рон Джереми.

Продолжая посасывать палец, она рассказывала:

– Максвелл перенял у меня все, что я знала и умела. Усвоив плоды вековых автостимуляций моего лона, получил на блюдечку суть всех моих открытий. Но нынче Максвелл применяет сексуальные премудрости, чтобы мучить многочисленных женщин к личной выгоде.

Пенни была потрясена ясновидческими талантами колдуньи. Когда та вновь выставила сучковидный палец, Пенни нанизалась на него с восторгом и радостным ожиданием.

Беря новую вкусовую пробу, Баба вещала:

– Ты испытываешь чувство великой вины. Предала сестер по полу. Помогала пристреливать оружие порабощения. Не счесть теперь рабынь, коих ты ввергла в лапы окаянного Максвелла своими же трудами.

Пенни рыдала, внимая этим словам. Звучала истинная правда. Страшная и до того горькая, что она ни разу не позволила себе поверить в нее до конца.

Баба чмокала пальцем во рту. Насосавшись, выдернула его со звучным хлопком и лакомо облизнулась.

– Ты, Пенни Харриган, пришла ко мне, чтобы натренироваться для борьбы с этим злом.

Серый язык обвил палец змеей. Вылизывая, подбирая последние росинки правды, притаившиеся в морщинах.

– Вы узнали мое имя? – изумленно пролепетала Пенни. Впервые за все время пребывания в пещере она заговорила, и собственный голос резанул по ушам. – Прямо вот... на вкус?

Потрескавшиеся губы Бабы растянулись в улыбке.

– Я много чего знаю.

Она жестом показала на циновку, сплетенную из лишайников и ее собственных оческов.

– Располагайся. Тебе понадобится много сил для тренировок. А я покамест заварю чаю.

Под стать тому, как Пенни отдалась опытам Максвелла, производимым в уединении пентхауса, сейчас она вверила самое себя наставническим заботам Бабы в келейной тиши высокогорного обиталища.

Пенни впервые довелось «возлежать» с другой женщиной, и сейчас все было совсем иначе. Она отродясь не чувствовала себя более желанной, как в те минуты, когда ее нежная, упругая плоть соприкасалась с морщинистой оболочкой древней ведуньи. Баба передавала ей великие тайны сексодейства. Отшельница беспощадно работала пальцем, пока Пенни не принималась кричать, вопя так, что эти звукоизлияния казались ее последними словами на земле. Ведьма редко просила о встречах услугах, но если такое случалось, Пенни исполняла задание с величайшим уважением к сморщенной наставнице. А уж если удавалось извлечь из учительницы хотя бы кряхтенье, она собой по праву гордилась.

Отправляясь на промысел, старуха наказывала воспитаннице не терять времени даром, а упражняться самостоятельно с костями и булыжниками, учиться вырезать из них собственные инструменты. Тряся перьями на палке, Баба хвасталась:

– Со стороны поглядеть – тьфу, веник, да и только. Ни в какое сравнение не идет с орудиями Макса. Однако на деле такая метелка почище любого цветочного букета раздувает пламя женской энергии.

Подмигнув бельмом, она заверяла:

– Не пожалеешь.

И, наваливаясь ближе:

– Ну что, наказать тебя, сладенькая?

Баба предостерегала:

– Большинство, кто алчет эротической премудрости древних, не способно с нею совладать.

С грустной улыбкой:

– Нет-нет да и забредает ко мне иной студент, взыскующий сих навыков. Многие гибнут в пути, но еще больше тех, кто налагает на себя собственные руки.

Секс-ведунья делилась грустными повестями, как носила им деликатесные яйца, но воспитанники отказывались питаться. Приглашала разделить с ней постель из мхов и птичьего пуха, но упрямы и упрямцы не желали отвлекаться на сон.

– Вечно одно и то же. – Она удрученно пожала плечами. – Стоит ознакомить человека с рудиментарными приемами сенсуальной практики, как его в скором времени пожирает самонаслаждение.

К вящему изумлению Пенни, однажды вечером ей удалось довести мудрого педагога до длительного, яркого выброса. Жалящими ударами языка и точно выверенной работой губ она раздражила лукавую травницу, вырвав из нее тонкоголосое тявканье. Костлявая секс-волхатка бурно выражала одобрение, крутясь на двуспальном ложе из веточек. Беззубые десны ходили ходуном.

Пенни довела сладкую муку чуть ли не до жестокости и лишь затем принялась потихоньку ослаблять атаку на интимные части ведуньи. Наконец она отвела мокрое лицо, обтерла капающий подбородок пригоршней гигроскопического мха, задорно взглянула на Бабу и сказала:

– Поведай мне тайну, старая!.. Или я залижу тебя до потери рассудка!

Пенни знала, что та сейчас довольна. И действительно, запыхавшаяся Баба, пьяная от восторга, трясла головой, отбиваясь от лавины повторяющихся оргазмов.

– Секрет! Секрет! – ликовала Пенни.

– Ну ладно, – согласилась Седобородка. Приподнявшись на локтях, она таинственно зашептала: – А Максвелл говорил тебе, отчего решил пойти ко мне в ученики?

Пенни пожала плечами.

– Чтобы набраться знаний?

– Не-ет, – печально покачала головой Баба.

– Чтобы отвлечься. Чтобы забыть великое горе, посетившее его в один злосчастный день.

– А, когда погибла мать? – кивнула Пенни. – Ну какой же тут секрет? Все давно задокументировано таблоидами.

И вновь Седобородка поправила ученицу:

– Макс отправился в сексуальное паломничество для того, чтобы забыться после смерти жены.

Настала очередь Пенни качать головой. Вот так новости.

– Он был женат?!

Баба молча кивнула. Макс однажды состоял в браке. Познакомился в колледже со старшекурсницей, девушкой примечательной во всех отношениях, да еще с юрфака. Любовь оказалась взаимной и глубокой. В ту пору он не был тем холодным, клинически отстраненным Максом, с которым развлекалась Пенни. Свою невесту молодой человек носил на руках. Пара стояла на пороге счастливой совместной жизни.

Бывалая кудесница вздохнула.

– Обстоятельства смерти девушки не столь важны. Вроде бы, анафилактический шок. Ее кончина поставила точку и в жизни Макса.

В пещере Бабы появился молодой вдовец. Ожесточенный, озлобленный на всех и вся, он хотел лишь одного: спалить оставшиеся годы в горниле гедонистических забав.

Пенни с удовольствием послушала бы еще, но не та была минута, чтобы тормозить наставницу, требуя новых подробностей.

Она спросила:

– А как ее звали?

Пальцы Пенни подкрались к ветхой отшельнице и шаловливо коснулись дряблой ткани заднего прохода. Изношенное отверстие колдуньи потребовало нескольких плевков.

– Как звали? – Баба мягко осела, отдаваясь ласке. Голос осип, словно накатывала дрема. – Фиби ее звали.

Фиби. Эхо этого имени еще долго звучало в голове Пенни. Фиби Максвелл. Похоже, что подручные Макса удалили всяческое упоминание о ней из газет, которыми тот владел, из Интернета и вообще из истории. Вот она – ахиллесова пятка Вклинуса. Вот доказательство, что даже его сердце может быть разбито. Осмысля вновь выявленный аспект его жизни, Пенни задумчиво склонила лицо к белесой поросли на лобке, который успел нетерпеливо выпятиться, требуя внимания.

Возвращаясь за «ученическую парту», она вдруг задалась вопросом, как долго продолжалась супружеская жизнь Макса и Фиби. Ответ пришел на ум сам собою...

Сто тридцать шесть дней.

Во время передышек между уроками Баба втирала мази в саднящие слизистые Пенни. Чувственная репетиторша с любовью укладывала ее на ложе из сушеного мха, а сама отправлялась по окрестностям за яйцами и грибами. Заваривала бодрящие чаи и настои, приучив девушку лакать из ее морщинистой горсти, показывала, как правильно толочь пауков камнями, добывая аналог бальзамического кольдкрема для повышения анальной чувствительности. Черета дней тянулась до того умиротворенно, а взаимопонимание и тяга друг к другу были настолько искренни, что Пенни и думать позабыла о легионе коварных микроботов, которые прямо сейчас могли копошиться у нее в венах.

Блаженное забытие продлилось недолго.

Однажды ее соски вдруг встали и завибрировали, словно Макс где-то нажал кнопку, прозванивая цепь: работает ли? Вслед за сосками дрожью зашелся и клитор. Тем утром старуха столько раз доводила ее до оргазма, прежде чем отправиться за ящерицами к обеду, что от самой себя подобного поведения Пенни ждала меньше всего. До того странной и неожиданной была эта напасть, что она поняла: без Макса не обошлось. В ту минуту она сидела в одиночестве на каменном полу, скрестив ноги по-турецки и попивая лишайниковый настой. Не успела она вскочить, как нахлынула вторая волна возбуждения.

Ее охватила демоническая одержимость, иного слова не подобрать. Тело перестало повиноваться. Какая-то чужеродная сила расцветала, набирая объем в промежности. Грудь пронзило болью желания. Пульс пошел вразнос, кожу обсыпало мурашками.

Пенни уже доводилось слышать от Макса сухое, лаконичное описание этого процесса. Вот и сейчас возбужденная вагина растягивалась в длину, словно принимала эрегированный фаллос. Непосредственно над зевом матки формировалась полость: идеальный контейнер для надежного сбора и хранения спермы в целях последующего оплодотворения яйца. Совершенно естественный и даже красивый процесс; но это в природе, а то, что сейчас творилось с Пенни, было насильственным, дистанционно-управляемым вмешательством коварного Макса. Перед ее глазами возникла картинка с мириадами сверхминиатюрных роботов, грызущих и пинающих ее нервные окончания. Даже здесь, в гималайском медвежьем углу, гениальный злодей имел все возможности их активировать. Он заваливал ее секс-эмэсками – в три-дэ! Словно у него в смартфоне был установлен апплет, только кнопку нажми... Не важно, что за метод, главное – он стимулировал ее точно так же, как в свое время атаковал Алуэтту. Насиловал по спутниковому каналу связи.

Вернувшись в пещеру, Баба обнаружила Пенни в конвульсиях непрошеного блаженства. Пожилая, много чего пережившая ламия всплеснула руками, роняя котомку, и поспешила на помощь.

– Борись! – настаивала коленопреклоненная Баба. – Чего бы он с тобой ни вытворял, ты способна отплатить ему той же монетой. – Смочив палец в беззубом рту, она приступила к возвратно-поступательной обработке опухших вагинальных губ ученицы. – Ты не просто приемник! – внушала Баба. – Отрази энергию обратно, к ее дьявольскому источнику!

И вдруг она вскрикнула, выдергивая кровотокающий палец.

– Что за чертовщина?

Баба пригляделась к ране на морщинистой подушечке. Кровь охотно струилась по канальцам и

бороздкам, рисуя замысловатый узор на потрескавшейся за минувшие столетия коже.

– Что этот прохиндей в тебя встроил?

Обычно здравомыслящая Пенни сейчас напоминала истекающую слюной душевнобольную. Раздвинув ноги, корячась в бреде, она выгибала спину, хлестко подрабатывая бедрами. Руки летали по нагому телу, а спятывшие пальцы дергали и тормозили чувствительную плоть в самостимулирующем угаре. Голова запрокинулась, челюсть отвисла, язык метлой ходил по опухшим губам, сквозь которые продавливались стоны.

Баба скомандовала:

– Извергни сладкую муку! Дай пройти ей насквозь, как излишку вина или яств!

Схватив ученицу за руки, встряхнула что было сил.

– Зеркало не боится обгореть на солнце!

Взвизгнула:

– Отражай! Отражай бесовское зло!

Все глубже проваливаясь в эротическую кому, Пенни едва разбирала горячие призывы наставницы:

– Нельзя удержать воды вселенной в мочевом пузыре!

Приглушенный лавиной чувств, старческий голос продолжал:

– Точно так же нельзя запасти все разносолы мира внутри собственного чрева. Наслаждение, как и снесь, требует выхода. Вздумаешь его копить, не останется места ни для чего иного. Ты лопнешь. Единственное спасение – заменить одно удовольствие другим. Как новая пища спроваживает шлаки, так и ты должна любовью вывести секс-магию Макса. Сосредоточься на том, что любишь, и тогда сумеешь отразить его эротические козни.

В отчаянном порыве Баба Седобородка вооружилась ветвистым оленьим рогом и многоопытной рукой вставила его в лоно страдающей воспитанницы.

– Не противься ощущениям, – поучала она. – Голуба моя, дай им пройти насквозь, не то испустишь дух, как столь многие допреж! Только взгляни на эти скелеты, на моих студентов...

У Пенни закатились глаза, пена слетала с губ, садовым шлангом извергавших непечатные высказывания.

– Да! Вот так! – возликовала Баба. – Громче! Сбрось жар словами! – Аккуратно, ритмично работая рогами, она призывала: – Не держи! Не держи в себе!

Пенни рвало нецензурщиной. Опыаненная блаженством, она хрипела и квакала от вожделения.

– Дай лавине захлестнуть с головой и покатиться дальше!

Пенни застыла, разинув рот. Поток площадной брани стихал; она медленно приходила в себя.

Ведьма бережно извлекла олений рог.

– Этой пытке конца не будет, – промолвила она. – Ты не узнаешь покоя до тех пор, пока не сразишь Макса – или он тебя.

Баба принялась накладывать смягчающий бальзам из давленных сороконожек на кровоточащие потертости, уже возникшие у Пенни в промежности.

– Науку, которую я преподаю тебе, – сказала она, – ты должна распространить среди всех женщин мира, чтобы они могли постоять за себя в этой войне с эротическим злом.

Седобородка говорила без горечи. Нагая, она лежала навзничь на просторном ложе из мха и перьев, раскинув ноги и без стеснения позволяя обозревать дряблую кожу ее интимного треугольника. То поглаживая себя, то похлестывая в том месте веничком, она делилась воспоминаниями. Каждое движение отзывалось новым словом, а то и целым предложением, как будто скитница читала по складкам собственной кожи.

– Я осиротела в жестокий век. Ранним утром нашла ее, мою маму, измочаленную, поломанную, у подножия утеса, где она, должно быть, собирала яйца ржанок. – Слепой взгляд был устремлен в

прошлое. – Взяв холодную мамину руку, я с мольбою прижалась к ней, зная, что не должна ни рыдать, ни кататься в истерике, чтобы не растратить живущую во мне энергию моего пола.

Так скорбящий ребенок поддерживал свои силы на протяжении многих часов. Увы, любострастники из родной же деревни догадались, что беззащитное и безнадзорное дитя находится отныне в их власти. В ту же ночь, когда юная Баба впервые осталась наедине в лачуге, они хищно атаковали.

Хрипловатым от ностальгических переживаний голосом Седобородка рассказывала:

– Их жадные руки и члены стали тем компасом, который раскрыл мне географию моей сокровенной женственности. С каждым новым проникновением я все глубже и точнее знакомилась с собственным внутренним устройством.

Отшельница поведала, как по ночам в ее хижину набивались орды. Многие пользовали мягкое детское тело ради греховных удовольствий, но Баба твердо решила, что возьмет от каждого что-то взамен. Если не получается их остановить, то можно хотя бы научиться ими управлять, разжигая или приглушая степень удовольствия. Будучи еще отроковицей, она приняла и обслужила тысячи блудодеев, сумев обернуть их похоть к личной выгоде. Эти беспощадные ночи и стали ее университетами. В муках и стогах обретала она бесценное сокровище: неслыханный опыт половой жизни.

– Я научилась встречать их с восторгом, сияющим взглядом следила, как они вываливают наружу свои мясистые хоботки. Знала, что каждый из них дает мне шанс поэкспериментировать и отполировать технику.

Она прикрыла веки, грезя воспоминаниями.

– Среди жестокосердных учителей были и женщины, чьи ладони стискивали мне затылок. Переплетя пальцы, чтобы я не выскользнула, они оседлывали мое лицо, понуждая вылизывать подставленное, пока я не начинала задыхаться.

Голос ее звучал ровно, без обиды или жалости к себе. За стенами пещеры ярилась метель, внутри же потрескивал камелек и булькала похлебка из свеженаловленных ящериц. Помешивая в казанце, Баба говорила:

– Так прошло детство, за ним промелькнуло отрочество. За годы тренировок моя сила лишь преумножилась, а вот стареющие учителя начинали сдавать. К этому времени я успела их поработить своими эротическими навыками, и не мудрено: ведь я стала живой энциклопедией чувственной техники. Уже нигде не могли они обрести удовлетворение, кроме как со мной, а я брала у них все, чему только могла научиться. Люди несли и золото, и драгоценности, и прочие вещи, которые мне были неинтересны. И наконец моя хижина стала свидетелем сцен, пронизанных мольбами и местью. Каждого и каждую из моих бывших мучителей я довела до смертельного экстаза.

Бабий эпос не прерывался, даже когда она поднялась, покряхтывая, и зашлепала по отпотевающей пещере.

– Слух обо мне, корифее секса, разнесся по миру, и началось паломничество. Стар и млад, кто в штанах, кто в юбке – все взыскали моих советов.

Молоденькую ведьму осадили толпы, алкавшие сподобиться ее тайн, проникнуть в сокровищницу, обретенную за бесчисленные ночи неутомимых трудов.

– И вот, чтобы отделить плевелы от доброго зерна, я удалилась в пещеру: ведь осилить такой путь могли лишь самые крепкие и юные. Дрянцо, старое и ветхое, издыхало по дороге, костями вымостив незарастающую тропу.

Каркающий смех.

– Шерпы отказываются приближаться к моему жилищу, – пожаловалась Баба. – Думают, что я умерщвляю своих полюбовников, но истина состоит в том, что смерть приходит к ним от их собственной длани...

Лишь самые выносливые и физически здоровые абитуриенты добирались до пещерной секс-академии. Это было ясно по скелетам: ни одного калеки. Или уродца. Черепа изящные, зубы сахарные – сразу видно, красивые были люди. Они приходили в поисках наслаждения для самих себя, объяснила Баба.

– Лишь Макс прибыл с целью нести удовольствие другим. Увы, стоило ему осознать власть, которую дает это искусство, как он решил воспользоваться им в корыстных интересах!

Она показала пальцем на скелеты и сорвавшимся голосом посетовала:

– Довели самих себя...

Плоть учеников и учениц таяла от изнурения, подтачивалась недоеданием. Вскоре даже самые юные из них начинали выглядеть старше своей наставницы. А потом обязательно наступал день, когда, вернувшись с охоты, Седобородка обнаруживала очередной труп.

Что ж, нет худа без добра, и если Бабе глянулся подвздошный гребень какого-нибудь мертвого воспитанника, она могла его позаимствовать под новый проект. В ход шло все: и голосовые связки, и ахиллесовы сухожилия, и вяленые кишки, которые успешно заменяют бечевку. Так прекраснотелые мертвецы, можно сказать, приносили Бабе больше радости после смерти, нежели при жизни. Если улыбалась удача, к моменту появления на пороге нового студента отшельница успевала смастерить очередное приспособление для удовольствия.

Ошеломленная Пенни уточнила:

– То есть вы... этими косточками...

Да. Вся линейка «До самых кончиков» была смоделирована на конструктивных принципах Седобородки. Скажем, ухватистое коромысло одного из агрегатов могло иметь своим прототипом ребро. Диаметр другой игрушки был продиктован пропорциями бедренной кости человека.

Показывая на хитросплетение локтевых костей и сухожилий в одном из углов пещеры, Баба сообщила:

– Однажды Макс меня вон той штукой чуть не прикончил! – Ее взор танцевал. – До такой степени наострился, что едва не отправил на тот свет моим же изобретением!

Посмеиваясь в усы, она рассказала, как Максвелл вызвал ее на эротическую дуэль. Юный, самоуверенный, голый самец встал в дерзкую позу – руки на поясе, ноги шире плеч. Нажав на головку торчащего рычага, выжал его до колена и отпустил. Отвердевший орган смачно шлепнул по мускулистому животу. Строя глазки, где плясали чертенята, покрутил на талии невидимый хулахуп, заодно помахивая срамным удом из стороны в сторону и приговаривая: «А ну, старая, подставляй корыто! Обучила мулодца – получи горсть зулотца!»

– Как же вам удалось спастись? – всплеснула руками Пенни.

Улыбаясь воспоминаниям, Седобородка пояснила:

– Оружие, которым он думал меня нафаршировать, выскочило. Да-да, словно пробка из бутылки, а возникший при этом реактивный импульс отбросил меня назад, отчего я и приложилась затылком о каменный свод. Когда пришла в себя, Макса и след простыл. Скрылся, шельмец, прихватив наиболее удачные из моих находок.

– Да, но почему та штука все-таки пульнула? – не отставала Пенни.

– Я подменила одно удовольствие другим. Подумала о том, до чего красивой была моя мама и до чего сильно я ее обожала. И тогда она крикнула.

Баба торжественно коснулась самое себя.

– «Она»? В смысле, вагина? – изумилась Пенни.

– Дитя! – повысив голос, обратилась к ней наставница. – Помни, энергию можно извергать из любого телесного отверстия!

Пенни уважительно отхлебнула лишайникового чаю и призадумалась над концепцией.

– Вот, – продолжала секс-колдунья, что-то выковыривая из собственных влажных недр, – вот все, что у меня осталось от мамы.

Предмет, что начал показываться на глаза, был коричневатым, как полированное дерево, и цилиндрически-продолговатым наподобие карандаша. Наконец раздался тихий чмокающий звук.

– Ее самый длинный палец, – пояснила Баба, понизив голос. – Успела отрезать, пока дикие звери глодали все остальное.

Она вручила вещицу Пенни для более близкого знакомства. Палец влажно блестел, его поверхность бороздили морщины. С узкого конца торчал обесцвеченный ноготь. Противоположный, более широкий торец заканчивался зазубренным обломком желтоватой кости. Теплый и насыщенный природными внутренними маслами Бабы, он казался живым. Даже в пещерном мраке эта

диковинка напоминала произведение искусства.

Пенни взвесила реликвию на ладони и тут же взгрустнула, потому что вспомнилась родная мама и то, как она – голая и распяленная между спинками кровати – силилась вырваться из пут на пыльном чердаке в далекой Небраске. Вот и сейчас, поди, лопочет на неведомых наречиях, бьется, как наркоман при ломке, дрожа на мокрых от пота простынях, будто дикое животное. Этот образ заполнил Пенни тоской и отчаяньем.

Когда она потянулась к учительнице, чтобы вернуть драгоценный предмет, та не подставила ладонь, а откинулась на спину и выпятила древний лобок. Догадываясь, чего хочет сексодейка, Пенни увлажнила кунсткамерный палец плевком и прицельным движением послала шишковидный кончик в центр седой, словно подернутой инеем пушистости. Отважно загнала его в гнездо, вызвав всхлип восторга у старой искусительницы.

– Я спаслась, направив гибельное презрение Макса обратно к его источнику. Когда очнулась, бесово отродье уже испарилось, а с ним и многие из моих любимейших инструментов.

Похищенное пришлось восстанавливать по памяти: например, травяные сборы, которые шли на примочки и клизмы неблагодарному ученику.

– Как пуля рикошетом отскакивает от утеса, как эхо отражается от стен ущелья, так и ты должна научиться перенаправлять энергию.

В один из дней на закате их совместной пещерной жизни Пенни отставила чай, решив покопаться среди лишенных мяса косточек и облизанной яичной скорлупы, устлавшей каменный пол. До возвращения Бабы с охоты еще имелось время, и она желала исправить один серьезный проступок. Пошарив в мусоре, Пенни наткнулась на искомое: свой мобильник. Иконка на экране сообщила, что в аккумуляторе оставалось энергии на несколько секунд. Пенни набрала нью-йоркский номер, хранившийся в одной из ячеек памяти.

Мужчина откликнулся на первый же гудок.

– Бренда? – Его голос сипел как после многомесячных рыданий.

Пенни грустно промолвила:

– Нет.

И исполнившись сострадания, добавила:

– Это я.

– Ах да, – согласился он. – Встреча в Центральном парке.

Бедный, раздавленный несчастьем горемыка.

Пенни самой себе напомнила причину звонка. Во-первых, она хотела покаяться и признать хотя бы часть вины за чумную заразу «До самых кончиков». А во-вторых, поклясться, что сделает все возможное для ликвидации кризиса. Тянуло заверить этого обезлюбленного, малознамого страдальца, что она вот-вот бросит вызов Корнелиусу Линусу Максвеллу. Совсем скоро обретет квалификацию полноправной секс-колдуньи, в чьих силах поставить заслон, разоблачить наноботский заговор Макса. Пенни очень хотела, чтобы ее участливые слова окутали бедолагу теплым одеялом. Однако в решающий момент смелость ее покинула. Вместо этого она спросила:

– А как вас зовут?

Мужчина в телефоне шмыгнул носом.

– Юрий.

Когда его дрожащий голос немного успокоился, он, в свою очередь, поинтересовался:

– А вас?

Трудно сказать почему, но с этими словами в воздухе повисла какая-то двусмысленная недосказанность.

Пенни призадумалась, называть ли свое истинное имя. Виновато помаргивая, проводила взглядом полет птахи в синем непальском небе, что раскинулось за пещерным зевом. И наконец ответила:

- Ширли.

Последовала долгая пауза, в конце которой мужчина повторил:

- Ширли.

Его тон ошетинился колючками.

- Интересно, отчего же мой телефон показывает «Пенни Харриган»?

Пойманная с поличным, девушка оцепенела, утратив дар речи и подвижности в суставах. Зато сердце, напротив, разогналось до 165 ударов в минуту.

- А не надо строить из себя дурочку, - поделился советом мужчина по имени Юрий. - Я тоже умею читать «Нэшнл инкуайрер». - Его голос был пропитан горечью. - Там пишут, что Пенни Харриган решила отсудить себе авторство «До самых кончиков»! Я сам видел в новостях, что заседание назначили на следующую неделю... Ты украла мою Бренду! Ты! Отбила жен у миллионов! Разлучила детей с матерями!

Обличительная тирада поднялась до таких децибелов, что Пенни была вынуждена разогнуть руку в локте. Пещера тряслась от угроз. Ошибки нет: в голосе собеседника слышалось глумление созревшего убийцы.

Возмущенный Юрий громыхал:

- Все мужики Нью-Йорка спят и видят, как бы до тебя добраться!

Мобильник робко пискнул, напоминая о севшем аккумуляторе.

- Вот только нос покажи на суде, - делился мужчина планами. - Да мы тебе руки-ноги повывидаем. А сегодня... а сегодня мы твой дом сожжем!

Угроза врезала Пенни под дых. Моник! - пронеслось в голове. Там Моник, одна-одинешенька, беспомощная пленница спальни с вафлями и бутылочкой воды. Ей надо позвонить. Ее надо предупредить. Ведь если раздосадованная толпа запалит дом с четырех углов, Моник сторит заживо.

В этот миг аккумулятор и решил испустить дух.

Весь долгий рейс от Непала до Нью-Йорка Пенни думала о лучшей подруге. При мысли о Моник - некогда такой живой и задорной, а нынче как каторжник орудующей самотыком (копчиковой костью гомо сапиенса, отлитой из хайтек-полимера) в зашторенной комнате - хотелось разрыдаться. Злосчастная Моник, натершаяся до волдырей и мозолей в известных местах, без сомнения, пребывала в той сумеречной зоне, где наслаждение уступало очередь смерти. Пенни безмолвно молилась древним тантрическим богам, чтобы ее милая сожительница еще дышала.

Коротая время длительного перелета, она делала комплексы самоудовлетворяющих упражнений, которые Баба безжалостно вдальблывала в нее на занятиях. Доведя себя до черты оргазма, замещала щекотку чувств искренней любовью, которую питала к отцу. Нащипав и надергав соски чуть ли не до гипервентиляции, выполнила коммутационный переброс девятого вала страсти на образы котят-абиссинцев.

Изо дня в день старая карга хваталась то за одно, то за другое эротическое оружие. Орудия грубыми сборками из костей, кремней и перьев, уподобляя их клинью и рычагам, она достигала самых сокровенных тантрических точек Пенни. А уж обретя доступ, ведьма раз за разом доводила ученицу до умопомрачительного возбуждения, поощряя физический выброс восторга в форме конвульсий и фонтанов непечатной лексики. Потом, по окончании каждого урока, обтирала взмыленное тело Пенни губкой из ароматного мха.

За чаепитием Баба Седобородка разъясняла, что наслаждение представляет собой бессмертную энергию, которой можно управлять, пуская по нужному руслу. Наслаждение, поучала она, тяготееет к тем, кто сознательно тренирует свои воспринимающие органы. Вместе с тем, предостерегала Баба, его нельзя собирать или хотя бы удерживать в себе. Энергия должна пройти насквозь, в противном случае тебя ждет верная гибель.

Потрясая бараньим рогом, чьи свойства она дополнительно усилила, инкрустировав кость кремнистыми голышами и натерев возбуждающими мазями, колдунья укладывала Пенни обратно, приговаривая:

- Отдохнули и хватит, пора бы за учебу, голубка моя...

Круг замыкался. Сто тридцать шесть дней в Париже познакомили Пенни с наслаждением без любви. А недели уединения в сыром вертепе горной ведьмы научили ее, что ярчайший экстаз способен мирно сосуществовать даже с самой сильной привязанностью. Пенни сама изумлялась глубине той симпатии, которую испытывала к секс-ведунье. Вернее, изумилась – потому что произошло это один раз, зато в самый последний день, тем утром, когда она, проснувшись на коммунальном ложе из сушеного растительного материала, поняла, что настало время возвращаться в широкий мир.

Пенни на скорую руку позавтракала кашей из местных змей грубого помола, упаковала скудные пожитки в удобный, ноский овечий пузырь. Она так много времени провела совсем голой, что брючный костюм от Нормы Камали показался странным и чужим. Встав на колени, чтобы тихонько поцеловать спящую Бабу, Пенни начала нелегкий спуск по предрассветным обрывам Эвереста.

Сейчас, одиноко сидя в салоне арендованного реактивного самолета, с ног до головы обверсаченная по последней моде, Пенни попивала чай с молоком диких яков, заваренный на собранных ламией веточках. Заглянула в мейл-бокс и обнаружила, что слушание по ее делу о патентах назначено на ближайшие дни. Первым шагом в боевых действиях против Макса должен стать иск, оспаривающий эксклюзивность его прав на конструктивные решения. Максвелла надо вызвать на открытую схватку, а именно на публичный судебный разбор. Проигрыш дела означал гибель. Впрочем, смерть внушала ей не страх, а надежду, что когда-нибудь она вновь встретится с Бабой Седобородкой, на сей раз для вечного наслаждения.

А если она, Пенни Харриган, выиграет эпохальное сражение? Что ж, если выиграет и если мир полностью очистится от паутины Вклинуса, то Пенни сама сможет начать ту жизнь, которую вела древняя пустынноница: в уединении пещеры будет изобретать бесконечные способы самоудовлетворения и передавать опыт ученикам.

По возвращении в Верхний Ист-Сайд выяснилось, что парадная, морозно-узорчатая дверь нью-йоркского особняка стала жертвой хулиганского произвола. Орудия алым аэрозолем, какой-то грамотей полуметровыми буквами вывел: «Пенни Харриган сосет в аду!» Размашистая надпись не пощадила и элегантный каменный фасад по обеим сторонам косяка. Потёки вызывали в памяти фильмы ужасов с их визуальными спецэффектами. Взойдя по ступенькам, Пенни увидела, что беломраморное крыльцо завалено мягкими игрушками в тапочках от Сальваторе Феррагамо. Мордочки кукол-лоскутшек были прошиты стежками с таким расчетом, чтобы напоминать черты лица Пенни. Чьи-то умелые руки наделили их теплыми карими глазками и пухлым розовым ротиком. И все бы хорошо, но впечатление портили рваные раны и торчащие спицы, которыми те же руки наспиговали ватные тельца. Всхлипнув от накативших эмоций, Пенни зябко передернула плечами. Гадать нечего: это куклы вуду.

Среди вороха зловещих артефактов нашлись разлагающиеся тушки куриц с перерезанным горлом и заляпанными кровью перьями. Остекленевшие глаза укоризненно смотрели на Пенни. Птиц принесли в жертву непосредственно на ее крыльце. Порог собственного дома превратился в алтарь непримиримой ненависти. Привлеченные кровью, по трупикам ползали старые знакомые – надоедливые черные мухи. Многие их товарки роились и над оплывшими остатками свечей.

Со всех сторон доносился вой пожарных машин. Небо потемнело от дымных столбов, гарь забивала глотку, не давая вздохнуть. Над головой деловито прошуршала ракета; вычертив пологую дугу, она скрылась за небоскребами Мидтауна, где вскоре что-то ухнуло. По неизвестной причине город превратился в зону боев.

Пенни немедленно подумала о Моник.

В момент осады особняка та наверняка находилась наверху. Заботливое участие мигом вытеснило страхи, и Пенни дала пинка гротескному натюрморту. Замок поддался ключу без возражений.

Теперь каждый шаг сопровождался хрустом осколков под мини-шпильками от Кейт Спейд. Вандалы выбили окна; их боеприпасы – булыжники в газетной обертке со злыми надписями – там и сям выглядывали из стеклянного боя. Хорошо еще, крепкие решетки из заказной бронзы не позволили нападавшим проникнуть в дом собственной персоной.

Перемахивая через три ступеньки зараз, Пенни взбежала на второй этаж, крича на ходу:

– Мо? Мо? Ты в порядке?

Она пожарным топором выбила дверь в спальню подруги, где и обнаружила ее полумертвое тело. Некогда веселая и беззаботная как птичка, Моник лежала поперек загаженного матраса в облаке вонючей слюны и фруктовых вафель. Пенни тут же взялась выхаживать соседку по дому, отпаивая ее лишайниковым чаем. Судя по запекшимся, потрескавшимся губам, та едва не скончалась от обезвоживания. Слава богу, батарейки «До самых кончиков» сдались первыми! Все

хорошо, что хорошо кончается, и Пенни, облегченно переведя дух, принялась растирать отошавшие конечности еле мычащей страдальцы мазью из орлиных гонад и нутряного жира лапландского оленя.

Наварив горшок похлебки из ферментированного костного мозга с яйцами ржанки, она с ложечки кормила покалечившуюся девушку. Когда немощная товарка попыталась что-то сказать, Пенни поспешила ее успокоить, приговаривая:

- Ничего-ничего, бывает. Не кори себя: ты стала жертвой примитивных удовольствий, устоять перед которыми могут лишь специально обученные женщины.

Пенни на руках отнесла голодную полупарализованную подругу в домашний кинотеатр, где усадила в комфортабельное кресло. Как и в тот раз, когда юные леди смотрели репортаж с церемонии награждения, Пенни разогрела попкорн и щедро заправила его солью с маслом. Пальцем проталкивая одно вздутое зернышко за другим, она неторопливо кормила Моник, не сводя глаз с экрана, где шел новостной блок Си-эн-эн.

Семидесятидвухдюймовая плазма сверхвысокой четкости развернула панораму глобального хаоса. Теперь мало кого интересовали войны или природные катаклизмы, все и вся подавил эффект «До самых кончиков». На сцену стремительно меняющегося мира полезли мужчины, которые шагали по головам, захватывая себе новые роли. Большинство, впрочем, вело себя пассивно.

Чуть ли не быстрее всех сориентировались самопровозглашенные интим-тренеры, которых окрестили донжуанерами. Эта новая порода торговцев внушала публике, что женщины, уступившие чарам «До самых кончиков», не будут рады традиционным мужским поползновениям. Зато стоит вооружиться «Палкой-выручалкой» (артикул 3447), и прекрасный пол уже не обойдет тебя вниманием. Из правил съема пропал рекомендованный список служебных фраз типа «Хотите, познакомлю с моим трудолюбивым другом?»; вместо него советовали обронить: у меня-де припрятан особо редкий, коллекционный ДСК. И вообще, любой мастер-самоделкин, знакомый с дрелью или бензопилой, запросто освоит «Трясуна» или «Влюбленного удава». Вот почему многие уволенные нашли себя, подавшись в коробейники с демонстрацией товара на дому.

Камеры Си-эн-эн переключились на салон, расположенный на Пятой авеню. Лощенные продавцы-консультанты сноровисто нагружали подставленные руки покупательниц коробками в несколько ярусов, предлагали дорогостоящие гарантии и разнообразные схемы покупки в рассрочку. Финансовые аналитики утверждали, что «ДатаМикроКом» делает хорошие деньги на процентах по кредиту, оформленному с помощью ярко-розовых фирменных карточек. Холодея, Пенни поняла, что против этих беспринципных торгашей не сможет устоять ни одна заскучавшая домохозяйка или иная представительница слабого пола. О местечке в таком магазине мечтали все мужчины мегаполиса.

Телевизионная картинка поменялась. Теперь камеры демонстрировали многомиллионную очередь к флагманскому бутику. В толпе Пенни высмотрела и продавщицу из «Бонвит Теллера» - не элегантную надменную даму, а зомби с отвисшей челюстью и неполным набором передних зубов. В той же очереди оказались Эсперанса и Гуань Ци, прежние соседки Пенни. Вяло моргая воспаленными от недосыпа веками, они теребили потертые розовые карточки.

По наблюдениям Си-эн-эн, за последние недели гендерный состав покупателей радикально изменился. Теперь в очереди стояло почти столько же мужчин, сколько и женщин. Спекулянты.

Стервятники мигом сообразили, что к чему, и, скупая новинки первыми, перепродавали их женщинам втридорога. Дамам побогаче, инвалидам или просто слишком нетерпеливым - словом, всем тем, кто не мог или не хотел томиться под дверями магазина. Вибраторы и фаллоимитаторы стали новой подпольной валютой. Дня не проходило, чтобы не поступало сообщений об очередном угоне грузовика с драгоценными «кончиками». Не говоря уже про нападения на склады, чью охрану расстреливали с колес. Теперь новые партии товара развозили по торговым точкам в бронированных инкассаторских машинах. Счастливых покупательниц на выходе поджидали местные жиганы и среди бела дня под дулом пистолета отнимали добытое, чтобы перепродать затем на черном рынке.

Братва ножом и пулеметом делила зоны влияния. Рынок наводнил контрафакт, который не приносил радости, зато в изобилии штамповался в потогонных мастерских, где не гнушались детским и рабским трудом.

В глазах Пенни ситуация выглядела почти столь же дико, как и бывшее общенародное увлечение кроссовками Майкла Джордана. Почти.

Пока беззубые десна Моник вяло жевали горсть высококалорийной воздушной кукурузы, си-эн-эновский репортер взмыл в небо на вертолете и, описав круг над Манхэттенем, подался на север, в

сторону громадного султана из черного дыма, что стоял над Бронксом. Нью-Йорк с высоты напоминал разбомбленную столицу одной из стран третьего мира. Соседние кварталы словно обменивались минометными залпами, поджигая этажи в небоскребах. Полицейские и санитарные машины омывали улицы светом мигалок. Трафик застопорился из-за горевших автомобилей.

Камера повисела над Двадцать второй улицей, сдвинулась в сторону Гарлемского проезда и опасно вторглась в Бронкс. Изображение затем скособоилось и поплыло: пилот завалил машину на борт, уклоняясь от ракеты, которая промелькнула огненным шаром на дымном острие. Через секунду вертолет нырнул, пропуская другой снаряд поверху.

Телеэкран домашнего кинотеатра был теперь весь исчеркан шлейфами от активно работающих гранатометов или ПЗРК. При каждом попадании расцветал огненный куст, поджигая где здание, где грузовик, где городской сквер. Превращая остров в зону боевых действий. Пенни обратным ходом проследила за траекториями: все они брали свой отсчет в исполинском дымном столбе по центру.

Пылал стадион «Янки». Правда, не весь. Ядром катаклизма являлся питчерский круг, но уж там горело будь здоров.

Аэросъемка уступила место наземной команде, транслировавшей репортаж с поля. Сцена рукотворного хаоса и воинственных толп. Куда ни брось взгляд, одни мужчины, причем большинство в майках и футболках с логотипом церкви тех, кто держит слово. Все стояли в очередях, тянувшихся к центру стадиона со стороны трибун, словно спицы в колесе. Ни дать ни взять мужской аналог покупательниц, выстроившихся к розничным точкам ДСК во всем мире.

Фанатично настроенный народ хором тянул песню, которую Пенни знала с детства. Это был религиозный гимн «Кумбая». Очереди-спицы волнами колыхались в такт мелодии, и по этим живым конвейерам двигались какие-то предметы, передаваемые из рук в руки. Доехав до конца, транспортируемый объект попадал в костер.

Камера сделала «наезд», и Пенни стала свидетелем картины, которая была воплощением геенны в глазах любого мужчины. В огне корчились неисчислимые мириады отрезанных пенисов. Страшное пекло заставляло фаллосы крутиться, сворачиваться улиткой, покрываться волдырями и ожоговой коркой. Отдельные экземпляры, словно червяки под огнеметом, старались уползти. Другие прыгали. Третьи скакали, сигали и порскали в стороны. Выделяли коленца и дергались в агонизирующих конвульсиях. Беглецов настигали команды ловцов и без суда и следствия швыряли обратно, в гибельное пламя, где те лопались, извергая розовую лаву.

Пенни догадалась: да это же фаллоимитаторы «До самых кончиков». А любители хорового пения – вовсе не дикари, резвящиеся вокруг ритуального костра, а мужчины, решившие отправить конкурентов на заклание. Под стать прошлым поколениям, сжигавшим книги или пластинки в стиле диско, современники Пенни самозабвенно передавали друг другу самотыки и дрючки, наваливая шипящую, плюющуюся огнем гору. Черный как смоль дым этого погребального костра висел над улицами, провонявшими ядовитой гарью подожженных покрышек.

Вместе с фаллосами гибли стрекозы, самоподрывались спринцевальные клизмы. Ни один артикул не избежал отмщения. Закипевшие батарейки выпускали дух с тонким визгом, как забиваемые крольчата.

Однако нашлись фаллосы, которые взмывали ввысь ракетами. Прямо из костра. Вот откуда брались огненные шары, едва не сбившие си-эн-эновский вертолет. Именно они, эти неуправляемые реактивные снаряды, и бомбили граждан метрополиса.

Репортер пояснил, что игрушки, которые уважаемые телезрители видят на своих экранах, были куплены, позаимствованы или выкрадены. Не важно, волею каких судеб они очутились на стадионе, главное, что ни одному экземпляру не суждено выбраться отсюда в целостности и сохранности. И вообще, сообщил тележурналист, на всех стадионах мира, от могучих коллизеев до пришкольных футбольных площадок, орды озверевших мужчин раздували пламя аналогичных погребальных костров для любовных аксессуаров.

Камера внезапно дернулась, повернулась в сторону. Какой-то закадровый активист самочинно направил объектив на одинокого обтрепанного мужчину. Его лицо своим цветом напоминало ваксу благодаря саже горящего каучука. Многонедельная щетина скрывала черты, оставив на обозрение лишь налитые кровью глаза. Пенни сумела опознать его только по голосу.

Это был Юрий.

– Пенелопа Харриган! – страшно взревел плазменный телевизор. – Скоро придет и твой черед, ведьма ты растреклятая!

Итак, Манхэттен, в который вернулась Пенни, стал царством мужчин. Никто, кроме них, не бродил по тротуарам. Никто, кроме них, не сидел за баранкой машин и в метропоездах. Стулья в забегаловках кряхтели именно под мужскими ягодицами. И расхаживая в одиночку, Пенни привлекала массу внимания. Концлагерная диета из плесени вкупе с долгими часами напряженного самоудовлетворения превратили ее тело в резную статуэтку. Под тонкой гладкой кожей маняще подрагивали мышцы, когда девушка с независимым видом вышагивала по центральным площадям и проспектам.

Для маскировки она надела безразмерные солнечные очки и бейсболку козырьком назад. От массивного рубина на груди пришлось отказаться, раз уж он стал ее опознавательным знаком: вот идет Доткомовская Золушка. Несмотря на свое нынешнее инкогнито, она с легкостью могла вообразить себе оравы мстительных боевиков – типа Юрия, – кидających на нее с небоскребов на альпинистских веревках. Защитники мира отживающих и одичалых пенисов. Те самые типы, что загубили несколько кур у нее на крыльце, могли в любую секунду хлынуть из подворотен. У каждого по факелу и линчевальной веревке. Стоит кому-то опознать Пенни, и неразбавленная, стопроцентно мужская орда устроит на нее облаву как на какого-нибудь Франкенштейна.

Дым со стадиона гробовым покровом окутал Большое Яблоко. Над головой визжали огненные фаллоимитаторы, валил пеплопад. От сажи щипало в глазах, а в глотке – от кислой вони. Небесная копоть замарала розовые бока штаб-квартиры «До самых кончиков», обрядила ее в черный саван, превратила некогда гордую башню в темную пародию на снежный рай, который совсем недавно покинула Пенни.

Объявления насчет пропавших женщин по-прежнему занимали все общественно доступные вертикальные поверхности города. Словно вьюнки-паразиты, они лезли по фонарным столбам и телефонным будкам. Смеющиеся лица ненаглядных жен и обожаемых матерей, однако, начинали блекнуть под резким светом дня. Дождь потихоньку смывал карьерные достижения главбухов и корпоративных президентш. Их имена исчезали. Успели наполовину забыться.

Вместе с ними осыпались и плоды социально-политического прогресса, давшего прекрасному полу с таким трудом.

На углу Бродвея и Сорок седьмой Пенни замерла: «А ведь я ее где-то видела...» На тротуаре, спиной к фонарному столбу, развалилась – в смысле сидя – молодая женщина. Приблизившись к знакомой незнакомке, Пенни разглядела на ней обсыпанную бриллиантами золотую брошь от «Тиффани». Над крашенными прядями шевелюры явно колдовал дорогостоящий стилист. Сейчас, впрочем, волосы протухшими осьминожьими щупальцами обрамляли лицо с остатками профессионально наложенного макияжа. Лохмотья розового жакета от «Коко Шанель» и не пытались скрыть от посторонних голую грудь. Юбка была задрана, и ее владелица самозабвенно обрабатывала себя одним из артикулов «До самых кончиков». Ноги грязные, ногти нечищенные, фаллоимитатор весь в копоты, а ей хоть бы хны. Ухватив самотык обеими руками, она его всаживала и выдергивала, всаживала и выдергивала. Ни дать ни взять обитательница дома скорби Викторианской эпохи: сама себе что-то бормочет, чему-то посмеивается, пока мимо текут прохожие, стыдливо отводя глаза.

В двух шагах от безотрадного зрелища Пенни осмелилась подать голос:

– Бренда? Я не ошиблась?

Не сбавляя темпа, женщина вскинула взгляд, где тлела искорка понимания.

– Вы ведь невеста Юрия, да? – Пенни показала открытые ладони, словно хотела вернуть визави ее прошлую жизнь. – А еще вы главбух в «Эллайд кэмикал», помните?

Орудие самоудовлетворения она тоже опознала: артикул 2788, «Раз-экстаз». Его латексно-силиконовое покрытие изрядно поизносилось и было чем-то заляпано, сильно преобразив вещь. Даже Юрий, наверное, не смог бы теперь с уверенностью сказать, дескать, да, это мой подарок, и я некогда преподнес его на день рождения невесте из чисто невинных побуждений. А кстати... Пенни быстренько прокрутила память мобильного, отыскивая номер. Ткнула кнопку набора и стала слушать гудки.

Одновременно с этим она поспешила на помощь Бренде и, дергая за истерзанный жакет, попыталась прикрыть той грудь, попутно осыпая градом обнадеживающих высказываний. Что интересно, никто на помощь не пришел. Все так и норовили прошмыгнуть мимо. Сплошные мужчины; каждый кидал взгляд украдкой, вздрагивал и шагал себе дальше. Телефон Юрия по-прежнему не отвечал.

– Ну хоть кто-нибудь! Позвоните девять-один-один! – молила Пенни, сражаясь с чужими пуговицами. – Пожалуйста!

Против собственной воли она отметила, что расхристанная маньячка носила в ушах изумительные сережки, вроде бы жемчужные, каждая размером с кубик льда для коктейля. Хотя нет, секунду...

Точно! Это каплевидные бриллианты чистой воды по два карата. Покрутившись сто тридцать шесть дней на гламурных тусовках, Пенни научилась разбираться.

Что касается самой Бренды, то в ответ на участливую заботу та мертвой хваткой вцепилась в фаллос, подтянула коленки к груди и завалилась набок, будто желая уберечь некий драгоценный приз. Губы разъехались в зверином оскале.

– Да помогите же! – крикнула Пенни какому-то бизнесмену в полосатом костюме, однако тот лишь испуганно вытаращился и быстренько сделал ноги. Девушка мягко, но настойчиво попыталась разжать пальцы Бренды – и взвизгнула. Малоознакомый главбух впился ей в кисть зубами.

Потрясенная неблагодарностью и резкой болью в руке, Пенни выронила мобильник, хотя в самый последний миг все же услышала мужской голос:

– Аллё? Бренда?

Да, это был Юрий, но телефон успел провалиться сквозь решетку ливневой канализации.

Наконец Пенни сумела вырвать руку, а главбух тут же вскочила с тротуара и бросилась удирать заячьим зигзагом. Даже не смахнув кровь с лица, Бренда летела по Бродвею, вскинув грязную руку с «олимпийским факелом» из розового пластика, предметом ее ненасытного обожания. Мужские толпы уступали дорогу.

Единственным местом, где еще можно было увидеть женщин, являлась многомиллионная очередь из зомби, выстроившихся к дверям конической башни на Пятой авеню. Одержимые бесом походили друг на дружку так, что, возмись их кто-то перетасовать, ничего бы не изменилось. Жидкие волосы свисают липкими прядями, ногти обгрызены до крови, у каждой по одинаковой сумочке, на ногах идентичная обувь, одежда как на близняшках. Как отметила Пенни, все эти предметы и аксессуары были выпущены корпорацией «ДатаМикроКом» и ее «дочками». Напротив входа в магазин, хотя и на безопасном удалении, действовал пикет из мужчин в футболках от церкви держащих слово. Они водили хоровод; иными словами, вооружившись самодельными транспарантами, брели друг за дружкой по кругу. Кто-то шел под лозунгом «Самоудовлетворение – это еще не семья!», другие проповедовали, что «Сначала дети, потом оргазм». Понурые, нахохленные мужчины едва шевелились, никому не нужные и никем не замечаемые.

Прежде чем обратиться к женской массе, Пенни по-хозяйски расставила ноги циркулем и развернула плечи.

– Сестры! – крикнула она. – Послушайте меня, сестры мои женщины! Прекратите истязать собственное лоно!

Прижимая ярко-розовые пакеты к груди словно обереги, дамы прищурились, разглядывая ее сквозь бойницы настороженных, недобрых глаз. Никто и слова не сказал, однако многие громко зашипели.

– Вы общаетесь с силой, в которой не разбираетесь, – продолжала Пенни. – Знайте же, что речь идет о древнем искусстве самостимуляции, требующем десятилетних тренировок и соблюдения техники безопасности. – Пенни отважно смотрела в оскаленные, истекающие слюной физиономии. – Почти все из вас, – добавила она, – заражены legionами крошечных роботов.

В ответ многие издали оскорбительные выкрики. Другие сплюнули. Броситься в немедленную атаку им не позволила испытываемая слабость.

– Завтра! – решительно и звонко объявила Пенни. – Завтра я обнародую подлый план, посредством которого К. Линус Максвелл выкрал секс-тайны прошлого, чтобы поработить всех женщин!

Откликаясь на растущее шумное недовольство, она подняла голос:

– «Кончики» истощают ваши эндорфины! Мы должны объявить бойкот всем товарам, которые производит и продает «ДатаМикроКом»!

Проникновенно обнадежила:

– Я научу вас, как можно своими руками делать нечто похожее из доступного природного сырья!

Предложила:

– А еще я принесу мази, чтобы смягчить страдание ваших натруженных вагин!

На сей раз, впрочем, толпа просто отвернулась. Обидные выкрики стихли до негромкого ворчания. Гамбит провалился.

Пенни катастрофически недооценила противника. Этих женщин интересовал лишь розовый универмаг и его товары. Быстренько пересмотрев стратегию, она изменила направление главного удара.

– Сестры! – вновь крикнула Пенни. – Наслаждение есть неотъемлемое право каждого человека! Так возьмем же штурмом этот розовый бастион и все, что нам положено!

И вскинула кулак, алый от собственной крови и носящий следы чужих зубов.

Этот подход сработал. Многие в толпе оживились.

– Разве вы овцы, чтобы смиренно стоять и ждать, когда корпоративные хозяева снизойдут до подачек, отсыпят жалкие крохи экстаза? – напирала она. – Возьмите все сами! Ломайте двери!

Вот как Пенни удалось превратить разношерстную очередь в армию бунтовщиц. Она разожгла их аппетиты до полного бешенства. Тысячи взбудораженных дам подались к розово-зеркальному фасаду, обрушив на него всю мощь каблуков своей уродливой обуви. Понуднее перехватив изношенный эротический инструмент, орудовали им как дубинками. Наконец по стеклу зазмеились трещины, а витрины и двери опасно прогнулись внутрь.

Никто не обратил внимания, как возле Пенни притормозил черный лимузин. Опустилось заднее стекло, показались высокие скулы бледной ящероподобной физиономии. Внутри сидел Максвелл. Обращаясь лишь к Пенни, он сказал:

– Живо ко мне.

– Ха! – оживилась та, показывая пальцем на нестройную женскую массу, которая уже хрустела осколками, прорываясь к стеллажам и стендам. – Нет, Макс, с таким числом тебе не справиться! – Пенни с открытой издевкой наслаждалась триумфом. – Теперь мы сами будем брать все, что захотим!

В ответ на это сидевшая в машине фигура продемонстрировала черную коробочку. Размером и формой со смартфон или, скажем, игровую консоль. То самое устройство, которое Макс вертел в руках перед смертью Алуэтты. Его пальцы забегали по кнопкам, словно набирали эсэмэску. Вслед за первым сообщением пошло второе.

– Давай-давай, – кивнула ехидствующая Пенни. – Вызывай полицию. Своих подручных. Такая революция даже им не по зубам!

– Я те сказал, села в машину, сучка ты драная, – напомнил Макс. – Не то смотри, нагрублю.

– Да пошел ты! – взвизгнула Пенни.

– Нет, моя хорошая, – холодно отозвался Макс. – Пойдешь как раз ты. Ползком.

С этими словами он нажал очередную кнопку, и мародерствующие горожанки как-то притихли.

Многие, обратила внимание Пенни, обеими руками ухватили себя за пах. Примеру тут же последовали и другие. Вскоре все уже корчились на мостовой, издавая жадные всхлипы, лишенные следов человеческого достоинства. Революционная масса распалась на бесноватых и одержимых, вертящихся в гедонистическом угаре. На месте былой повстанческой армии расстился теперь ковер из тел. Бодрые речевки и лозунги сменились хором чувственных стонов. В унисон звукам заработали бедра, активно подставляя себя небу.

Нажата еще одна кнопка, и у многих хлынула пена изо рта, в конвульсиях задержались руки и ноги. Близилась смерть, в точности как у Алуэтты: излишняя эротическая стимуляции вела к остановке сердца или закупорке сосудов головного мозга.

Пронзенная спазмом восторга, Пенни все же нашла в себе силы взмолиться за товарок:

– Отпусти их!

Она ползла к машине, пытаясь перенаправить эротосилу внутри собственного организма, заблокировать, а еще лучше – отразить ее обратно на Макса. Сжала тазовую диафрагму в гневный кулак. Медитировала, следуя поучениям Бабы. Перепробовала все тантрические методики, но увы... Вытирая животом мостовую, она добралась до лимузина. Принимая поражение, прошептала:

– Отпусти их, Максвелл. Дай им жить, и я поеду с тобой...

Распахнулась дверца. Макс сказал:

– Залезай, или я нажму еще одну кнопку.

Подтягиваясь на руках внутрь салона, Пенни заметила собственное лицо в полированном мыске ботинка. «Отражай! Отражай бесовскую силу!» – мысленно скомандовала она, однако ничего не получилось. Убедившись, что Пенни полностью выведена из строя и лишь трясется на коврике, Макс захлопнул дверцу и приказал водителю сделать неторопливый объезд вокруг Центрального парка.

Невыносимое удовольствие потихоньку рассосалось. Макс, нажав кнопку на пульте, снизил его интенсивность. В глазах человека несведущего он выглядел простым любителем компьютерных игр. Освободившись от тисков наслаждения, Пенни села рядом, Макс налил шампанского из мини-бара и протянул спутнице. Та недоверчиво покосилась на розовую жидкость.

– Не волнуйся, деточка, – проникновенно сказал он. – Зачем мне туда чего-то сыпать? Я и так уже владею контрольным пакетом твоего тела.

Пенни приняла бокал. Вино – после многочисленных чашек оздоровительного лишайникового чая и маринованных пещерных крыс – показалось странным и чуждым. Внутри отпускало: расслаблялись вагинальные стенки.

– Я знаю про наноботов, – тяжело отдуваясь, промолвила она. – Их распространяют стрекозки!

– Соображаешь, – кивнул Макс. – Из тебя выйдет отличный датамикрокомовский президент.

– Я не дам помыкать собой! – поклялась Пенни.

– Бедная Кларисса, – сказал Макс. – Она тоже не хотела быть президентом. Я ее заставил.

Он пояснил, что познакомился с Клариссой, когда та вразнос торговала губной помадой «Эйвон». Пустышка, ходячая статистическая единица. Однако Макс, обладая властью над жизнью и смертью, мог сделать из нее что угодно. По истечении 136 дней романтики было уже поздно; она понесла в своем чреве роботов. Ей не оставалось выбора: или стань кем он хочет – или умри. Ее никогда не прельщал пост сенатора, не говоря уже про президента, но в случае отказа – или неудачи на выборах – Макс ее убил бы и возобновил процесс с другой женщиной.

– Та же история с Алуэттой, – задумчиво сказал он. – Просто хорошенькая мордашка, манекенщица, ничего другого от жизни и не требовала...

Обзаведясь батальонами наноботов, она утратила выбор. За неудачно сыгранные роли Макс наказывал ее изнуряющими приступами наслаждения. Доводил чуть ли не до помешательства, тирания клитор многосуточным экстазом без передышки на сон и обед. Возможность провала не рассматривалась в принципе, и злосчастная актриса уже боялась собственных гениталий.

– Вот так, стремясь выжить, они обе повиновались моим велениям. А за болтливость о той власти, что я имел над ними, ждала смерть.

– Ты поэтому убил Алуэтту?

– Да, она собиралась тебе все рассказать.

Шофер Максвелла вел машину по бесконечному кольцу в задымленном, разрушенном войной городе. Кажется, столетия минули с той романтической поездки в карете с Тэдом по этим же усыпанным листвой дорожкам.

Тонированное стекло не мешало разглядывать парк, где до сих пор носились стаи беспризорников, брошенных нянками на произвол судьбы. Старичье в инвалидных колясках по-прежнему сидело на своих местах, напоминая эскимосов, оставленных дожидаться смерти на арктических льдинах. Среди них торчал и Юрий, от которого сбежала падкая на удовольствия подруга. Бородатый, одинокий и сердитый, он продолжал наделять прохожих своими бледно-зелеными листовками. Снимки Бренды – под стать его воспоминаниям о ней – тускнели с каждым новым поколением объявлений. Пенни ужасно хотелось выскочить из машины, кинуться к этому человеку, показать следы зубов на руке – вот оно, доказательство, что его любимая все-таки жива, пусть и неизвестно где! Ранки от клыков обязательно наполнят его сердце новой надеждой.

Макс проследил за ее взглядом и решительно качнул головой.

– Не волнуйся. Я не допущу, чтобы тебя убили какие-то рехнувшиеся типы.

Он махнул рукой, символическим жестом объемля метрополис. А может, и весь мир.

– Где бы ни ступала твоя нога, с первых секунд твоей жизни за тобой постоянно приглядывала моя служба охраны. Да, именно мои люди недавно уберегли особняк от поджога, а однажды спасли тебя

от торнадо.

И несколько менее теплым тоном добавил:

– Ты моя. Уж если кто и лишит тебя жизни, так это я.

Пенни удрученно вздохнула.

– Ну и что за место ты мне отвел в своем грандиозном плане?

Макс подарил ей странную улыбку, смесь жалости и привязанности.

– Станешь пожизненным президентом «ДатаМикроКома». Каждый божий день, до самой смерти, будешь натягивать колготки и ходить с «дипломатом». Прическу сделаешь с лаковым перманентом типа мотоциклетного шлема. Из еды только салат. Будешь сидеть на собраниях и совещаниях до того скучных, что потянет сойти с ума.

Максвелл высокомерно окинул ее взглядом.

– Каждая женщина в мире мечтает выйти за меня замуж. Так что не будь дурочкой.

– Типа приколся, что ли? – опешила она.

– Вот ведь бестолковая. Я же тебе предложение делаю. – Он дернул плечом, словно отметал любые возражения. – Из тебя выйдет линкор, а не спутница. И вообще, с какой стати любой из нас обязан жить в одиночку?

Английская королева, китайская медиабаронесса, японская стальная магнатка – все его прежние победы были верны ему, и только ему. Сеть из власть имущих дам обеспечивала Максвеллу господство над человечеством.

– Стратегия «До самых кончиков», – горделиво присовокупил он, – позволила мне встроить наноботы в девяносто восемь целых семь десятых процентов женщин промышленно развитого мира.

Вот так он заручился их покупательскими предпочтениями. Во время телерекламы датамикромомовских товаров посылался специальный сигнал, которым включалось эротическое возбуждение. Будь то обувь, фильмы или романы про вампиров, женщины быстро подмечали связь между демонстрируемым предметом и собственным откликом, после чего неслись в магазин.

– Женщины – новые хозяева жизни, а над ними хозяин я, – похвастался Макс.

Пенни знала, что это чистая правда. Во всяком случае, в его глазах.

– Только не надо думать, что это вроде борьбы за детскую песочницу, – предупредил он. – Типа мальчики против девочек. Нет, речь идет о власти. Настал век, когда основную власть прибирают к рукам женщины. Что в правительстве, что в сфере потребительских решений, именно женщины вертят штурвалом мира. Да и живут они дольше и, стало быть, наследуют непрерывно растущее богатство с правом его контролировать.

Максвелл с восторгом поглядел на черную коробочку. Выложив ее на ладонь, поднес поближе, чтобы Пенни тоже могла полюбоваться. Поверхность пульта была испещрена мозаикой кнопок, каждая из которых несла на себе некий символ или букву. Клавиатура.

– А представляешь, что будет, если контроллер угодит в руки тринадцатилетнего юнца?

– Это уже случилось, – сухо обронила Пенни.

Большие пальцы Макса скользнули по кнопкам, и она вскрикнула от импульса электровозбуждения, поцеловавшего ее в клитор.

Силиясь обуздать оргазм, она добавила:

– Между прочим, ты создал очень мощное противозачаточное средство.

На ум пришли травмы, понесенные всеми, кто пытался в нее проникнуть.

Максвелл таинственно улыбнулся.

– Если твоя работа мне понравится, я, может статься, позволю тебе размножиться. Человечество не способно регулировать собственную численность, значит, за этим буду приглядывать я. В моей утопии лишь самые умные и наиболее продуктивные самки получают возможность производить потомство.

Заслышав такое, Пенни наконец поняла, отчего президент покончила с собой. Максвелл собрался контролировать темпы рождаемости всего промышленно развитого мира.

– Перенаселенность, – сказала она. – Так вот, значит, откуда взялась собака на сене.

Он кивнул с нескрываемой гордостью.

– Ты имеешь в виду «привратника»? Да, определенные наноботы способны стрелять сгустком обжигающей плазмы. Первоначально их создавали для уничтожения раковых клеток, но, как видишь, они ничуть не хуже срабатывают на эрекцию.

Пенни криво усмехнулась.

– Для твоей статистики: они так же реагируют на пальцы гималайских отшельниц.

Макс надломил бровь.

– Так ты, значит, к Бабе Седобородке ходила... – Он ухмыльнулся. – Ну и что нынче поделявает старая хрычовка?

– Тебя ненавидит! – выпалила Пенни. Несмотря на все его самообладание, она заметила, что новость огорчила Максвелла. Развивая успех, она добавила: – Баба не простила, что ты разорил сокровищницу древних тайн к своей личной выгоде.

Макс молча дал щелчка одной из кнопок, и Пенни содрогнулась от щекотливого вожделения.

Впрочем, она удержала себя в руках.

– Благодаря ее наставничеству я уже не так проста, как твои прежние рабыни.

Макс обратил внимание, что у нее гневно сжимаются и разжимаются кулачки.

– Да, ты не тот слабенький ребенок, которому я преподавал наслаждение... Чувствую, что Бабы уроки сделали из тебя нечто опасное, а именно, женщину. – В его глазах блеснул намек на восхищение. – Если решишь причинить мне вред, имей, пожалуйста, в виду, что моя смерть вызовет такие последствия, которые тебе и в кошмарном сне не привидятся.

– А послезавтра, – кипела Пенни, – послезавтра тебя возненавидит весь мир. – Она отхлебнула шампанского. – После первого же судебного заседания, на котором я разоблачу твои грязные махинации!

Макс отбил чечетку на клавиатуре.

Анус Пенни пошел морщинками от удовольствия. Предупреждение. Она решила его проигнорировать.

Макс поигрался с другим набором кнопок, и у Пенни звякнули соски.

– Э-э, – насмешливо обронила она, – на большее уже не способен?

– Я тебе обещаю, – поклялся Максвелл. – Вот только попробуй меня подставить, и я сделаю так, что ты будешь визжать и твоякать прямо в зале суда. Заставлю спятить от удовольствия. А потом прикончу.

Той же ночью Пенни возвела алтарь тантрическим богам былых эпох и омыла его жертвенным чаем из горсти праха, сметенного с пола пещеры Бабы Седобородки. Сделав прохладный компресс из увлажненного мха, промокнула им лихорадочно разгоряченное чело подруги и соседки. Может, оно и правда, что нынешняя ночь ее последняя, но лучше умереть, чем быть рабыней Максвелла. Перед внутренним взором встали армии наноботов, уже менявших места постоянной дислокации для завтрашней атаки на ее мозг и чрево. Она позвонила отцу в Омаху. Маме не лучше, хотя и не хуже. Держат ее на мощных седативах, а кормят через трубочку.

Похоже, ей верит один лишь Тэд. В ответ на звонок он тут же примчался к ней в особняк, прихватив с собой материалы дела. За пиццей на кухне Пенни рассказала о поездке в Непал. Объяснила, как работает сторожевая ловушка, ныне взведенная в миллионах женских организмов, поставила в известность о «привратнике», который плюется калечащим сгустком антипенисной плазмы.

Пенни не скрыла ничего. Так что сейчас – да-да, именно сейчас – они могут в полной мере, без малейшей лжи или недосказанности закрепить свою романтическую связь. Попивая секретный земляной чай Бабы, они сидели за кухонным столиком и обсуждали, как добраться до этого нового

уровня отношений.

Тэд смотрел на нее, позабыв про остывающую пиццу. Выражение его лица наводило на мысль о напуганном, растерянном первокласснике. Глаза округлились от ужаса. Несколько месяцев кряду он видел, как по конторе хромает Бриллиштейн, открыто мучаясь незаживающей раной. Тэд нервно сглотнул. Кажется, его не очень прельщает та же участь.

– А я-то думал, ты просто не способна на вагинальный коитус...

Баба не раз говорила Пенни, что ее влагалище – отнюдь не единственный путь к власти. Сейчас уже не важно, кто она: красавица или уродина, в какой степени толста или стройна, юна или ветха. Главное, что она – полностью обученная, квалифицированная секс-колдунья. Владеет навыками и приемами сексодействия, которые передавались из поколения в поколение. Ее руки и губы стали оружием поразительной телесной магии. Каждый мускул тела обучен тайному знанию. Да у нее одна прямая кишка владеет бесчисленными методами, как доставить удовольствие.

Впрочем, от перечисления таких талантов Пенни воздержалась и лишь просто кивнула на холодильник.

– У меня там бутылочка шампанского припасена. Может, ты пока ее откроешь, а я схожу переоденусь во что-то пикантное?

Поднявшись в спальню, Пенни достала марабуйный пояс, тот самый, темно-лиловый. Многие перья затвердели от запекшейся крови. Бриллиштейновской. С другой стороны, колер пояса удачно скрывал следы, что остались с той ночи, когда Пенни соблазнила и допросила своего коварного начальника. Нацепив плюмаж, она сунула ноги в самые высокие прадовские шпильки и проверила результат в зеркале. Вид собственной великолепной, безволосой вульвы невольно вызвал горько-сладкое воспоминание о чудесном лице Алуэтты, подставленном в туалетной кабинке ресторана.

Снизу донесся голос Тэда:

– Шампанское готово!

– Еще минуточку! – крикнула Пенни, перегибаясь через перила, и метнулась к спальне Моник. Крепко спавшая подруга не заметила, как девушка собрала изношенные «кончики» в охапку и торопливо отнесла в ванную комнату.

О себе вновь напомнил Тэд:

– Ну чего? Я поднимаюсь?

– Давай в спальню! Я сейчас! – крикнула Пенни, лихорадочно водя душевой насадкой, чтобы смыть старую смазку и засохшие потеки с позаимствованных эротических инструментов. Сейчас, когда она владела тайной конструкторского гения Макса, Пенни без труда узнавала человеческую ключицу вот в этом куске розового пластика. Или, скажем, обрезиненную стекловолоконную копию лопатки вон в том. Обсушив каждое приспособление полотенцем, она прыгнула на кровать. С лестницы уже доносился топот, так что ей едва хватило времени завить ресницы, проэпиллировать ноги воском и надуться за ушами.

По ходу дела она перебрала в памяти подробности сексуальной анатомии мужчин. Кое-что преподавал Макс. Куда богаче оказались сведения, почерпнутые у Бабы Седобородки, хотя шанс применить их на деле у Пенни еще не было. Закружилась голова, когда она попыталась вообразить ректальный нерв Тэда и его тестикулярную *тунуку вагиналис*.

А вот и последний удар кисти мастера: Пенни описала неторопливый, но широкий круг по комнате, чтобы заполнить своим ароматом все любовное гнездышко. Не пропали зря Бабы уроки и рассказы о мощных способах самовыражения посредством феромонов, которые естественным образом аккумулируются в говардской железе. Одним словом, романтическая мизансцена пополнилась и гормональным ароматом.

Тэд уже стоял в дверях, держа бутылку шампанского и два фужера баккара. В глазах – триумфальное сочетание радости и испуга. Потряхивая марабуйными перьями, Пенни провела его к постели и быстро раздела, тайком пробежав глазами натурно-анатомическую шпаргалку. Серия ненавязчивых ласк дала доступ к его пубопростатной уздечке. Выщупывая, мягко исследуя, ее тонко чувствующие пальцы потихоньку забирались все глубже и глубже в ректальный проход Тэда. Прогулявшись по его ингуинальному каналцу, она вышла к бульбоуретральным железам и семявыбрасывающему протоку. Если ему и не понравились эти вольности, он ни словом не выдал недовольства. Скорее, наоборот: молодой и вирильный адвокат содрогался от волнительных ожиданий, пока Пенни разводила в розовом шампанском патентованную смесь из секретных

ингредиентов «До самых кончиков». Юная мужская плоть под ее прикосновениями ежилась от страха и предвкушения.

Он и не подозревал, что кровь ее несостоявшегося любовника до сих пор пятнала тот матрас, на котором они сейчас отдыхали. К счастью, сметливая Пенни не позабыла его перевернуть.

Девушка наслаждалась видом Тэдовых мурашек. Вот что чувствовал Макс, дирижируя ее оргазмами, вот она – власть. Тэда бросило в дрожь от плохо скрываемой страсти, когда Пенни погрузила кончик спринцовки в его сжавшийся сфинктер; одолел озноб, когда розовое вино с приправами раздуло внутренности и вторглось в кровавый поток. Пенни доводила его тело до состояния удовлетворенности, от которого под угрозой окажется концептуальное устройство знакомого ему мира.

Что касается самой Пенни, то если она и возбудилась, то чисто на интеллектуальном уровне. Урчание и корчи Тэда служили доказательством, что она действительно стала владычицей центров удовольствия гомо сапиенса. И ведь скольких женщин подвергли таким воздействиям! До чего довели! Так что теперь было очень приятно видеть, что аналогичный эффект достижим и на самцах. Макс оказался прав: это не «мальчики против девочек», здесь совсем другая опера. А именно речь о том, как углубленное знание собственного тела дает власть над другими людьми. Когда-то Пенни тоже была урчащей, слюнявой подопытной крысой. Но сегодня она царица. Сегодня она повелевает.

Секс-дока сноровисто обжала Тэду семенные каналы, подавляя сперматогенез. О нет, Пенни Харриган не дрожащий кусок мяса, покорно ждущий своей очереди к удовольствию. Даже в этом лиловом плюмаже она была бесподобным виртуозом секс-обрядов. Молодой адвокат тяжело дышал, сердце отбивало 197 ударов в минуту. Тазовая диафрагма наконец поддалась, Пенни сноровисто вставила ярко-розовый фаллос из внушительной коллекции соседки, и «Одуванчиком любви» (артикул 371) словно мутовкой взболтала пьянящий коктейль в недрах бойфренда. Манипуляции быстро довели его до эротически индуцированной комы – внутренняя температура ниже восьмидесяти градусов по Фаренгейту, зрачки дилатированы, реакция на свет отсутствует, – так что Пенни пришлось его оживлять собственным дыханием. Как в свое время Макс довел ее до полусмерти, а затем вернул к жизни, так и Пенни реанимировала Тэда, попутно внушая: «Не умирай, ведь сейчас ты знаешь, как много радости может получить твое тело...»

Это был не тот секс, с которым водил знакомство Тэд. Или все братство «Сигма хи». Даже эякуляции не произошло. Точно рассчитанные прикосновения Пенни подавили деятельность его спермагенераторного контура. Вместо гейзера горячего семени с кончика утомленного, дряблого члена свисала одинокая, хрустально-прозрачная капля сперматоплазмы. Эту-то росинку и подхватила Пенни на кончик языка. Вполне обычная, фруктозная сладость семенной жидкости, вырабатываемой куперовыми железами, хотя и со сложноразветвленным послекусием.

Подобно Бабе, Пенни тщательно высосала все нюансы и оттенки из взятой пробы. Прочла щенячью привязанность, которую испытывал к ней Тэд. Различила грезы об их женитьбе и скорейшем производстве шумной ватаги детишек. В этой единственной капле glandулярной секреции обнаружился и дом в пригородной жилой зоне, и породистый ирландский сеттер, и семиместный минивэн. Тэд оказался таким же узником пошлых, гендерноспецифичных мечтаний, как и она в свое время... А вот и кое-что любопытное... Пенни почмокала, фильтруя последние инфонамки. Ага! Ее вкусовые пупырышки выделили ключевой компонент.

Стыд.

Измученный Тэд лежал на разворошенной постели и таращился на любимую с откровенным испугом. Сейчас ее руки деловито накладывали смягчающий бальзам из пивачной пасты на его пламенеющую промежность.

Высосанная истина огорчила Пенни. Увы, сомнений нет. Она промолвила:

– А я знаю твою самую страшную тайну. Так что можешь не притворяться.

При этих словах помертвевший Тэд сомкнул веки.

– Да ладно, в самом деле. Я ж никому ничего... Ты ведь в Йеле не учился, да?

И уж тут амбициозный юный адвокат не выдержал. Разрыдался.

Присягнув, Пенни могла высказать правду от имени тех, кто на это уже не способен: Алуэтты и Клариссы. Ее устами заговорит опустившаяся орда, выстроившаяся вдоль Пятой авеню. Входя в судебный зал, она пригляделась к обстановке – и оцепенела. Ни одной женщины среди присяжных. Или репортеров. В толпе зевак на галерке сплошные мужики. Мысль, что она оказалась тут единственной женщиной, одновременно возбуждала и пугала. Пенни задержалась в дверях как раз

настолько, чтобы секундной заминкой приковать к себе всеобщее внимание. Голоса затихли. Она знала, что смотрится сногшибательно, на пике формы. Вскинув наманикюренную руку, пропустила сияющую гриву сквозь пальцы, при этом слегка поворачивая голову вправо-влево, чтобы на длинных, густых прядях заплясали солнечные зайчики. На нее смотрел каждый, а она ни на кого.

Пенни приказала себе сделать шаг, и за ней последовали все взгляды. Пока она добиралась до стола, исходящая от мужчин ненависть горячим туманом лапала ее за колени.

В зале появился хромоногий Бриллиштейн. В его возрасте раны заживают медленно, и страдания старца были заметны любому. Мучительно скривившись, он медленно сел возле Пенни, косясь пылающими, налитыми кровью глазами. От девушки его отделял лишь Тэд. Хозяева фирмы согласились, чтобы именно молодой адвокат занялся вопросами, когда наступит очередь Пенни давать показания. Список свидетелей со стороны истицы был невелик, поскольку Тэд рассчитывал получить от судьи добро на изъятие записных книжек Макса.

В коридоре возник шум. Головы повернулись в направлении источника звуковых помех. Кричали мужские голоса: «Максвелл, вы до сих пор любите Алуэтту?» Целый хор: «Как вам удалось выдержать самоубийство Клариссы?» Прямо-таки слепок с той сцены, свидетелем которой Пенни стала в вестибюле «Би-Би-Би»-конторы, когда Алуэтта д'Амбрози шагнула из лифта. Сейчас репортеры и блоггеры дрались за внимание Макса. У каждого над головой по смартфону со встроенной камерой, каждый ведет запись, фиксируя, как олигарх входит в судебный зал.

Пенни его не видела – Макс был слишком плотно защищен свитой телохранителей в синих костюмах, – зато без труда следила за ним по крошечным экранам, которые изображали его со всевозможных ракурсов. На магнате был приглушенный ральф-лоренский прикид, очень уместный для свадеб или похорон. Бледные руки пусты; никаких признаков контроллера, которым он мог истязать любого, кто носил в себе злобных наноботов «До самых кончиков». На бесцветных губах поигрывает ироничная усмешка.

Со своей стороны Пенни надела прочный, но стильный брючный доспех от «Джил Сандер». Идти на риск с платьем или юбкой нельзя; ей никак не улыбалось повторить трагически-фатальный стриптиз, который Алуэтта была вынуждена проделать на сцене «Кодак-театра». От идеи последовать примеру президента Хайнда и протащить пистолет в прадовской сумочке пришлось отказаться: слишком поздно для убийства. Да и охраны будет неупрочен.

За Максом семенила гусиная стая репортеров. Возле стола ответчика кто-то из его команды подвинул стул, и Макс уселся, не удостоив Пенни взглядом. Даже на расстоянии чувствовалось, что его сегодняшнее настроение ничуть не теплее вечно холодных пальцев. Пропал без вести некогда улыбчивый, внимательный кавалер, за ужином поощрявший излить на него все девичьи заботы и тревоги. К тому же он диковато смотрелся без авторучки и блокнота.

Верный данному слову, К. Линус Максвелл перекрыл краник с процентными выплатами по пятидесятимиллионному депозиту. Впрочем, если подопрет нужда, всегда можно продать увесистый рубин; вот он, висит у горла на тоненькой золотой цепочке. И вообще, ради отмщения она готова потратить последний цент.

Все встали: в зал вошел судья и ударом молотка запустил процесс.

Поднялся Тэд.

– От имени и по поручению истицы, – объявил он, – первым свидетелем вызываю мисс Пенни Харриган!

Народ разглядывал, как она встает с места. Побывав под постоянным наблюдением со стороны богатых и знаменитых, Пенни обрела иммунитет к подобным публичным осмотрам. Тысяча незнакомцев давала оценку ее формам, прическе и даже характеру. А плевать. Она шла как королева на лобное место. Положила ладонь на подставленную Библию. И лишь тогда позволила себе встретить невозмутимый взгляд Максвелла. Выражение полнейшей скуки на лице. Его полуопущенные веки намекали на борьбу с зевком.

Когда Пенни заняла место за микрофоном и назвала свое имя, Макс сунул бледную руку за пазуху и достал небольшой черный предмет. Запорхали пальцы, набирая некий месседж.

Хотя нет, подумала Пенни. Не месседж, а массаж.

Трудно сказать, был ли эффект чисто психосоматическим, но грудь вдруг обдало теплой волной. Впечатление вышло настолько приятным, ласковым и насыщающим, что Пенни списала все на игру своего воображения. А легкое поглаживание между ног напоминало прикосновения Бабы Седобородки. Пенни заерзала. Вот, наверное, что транслировал Макс, побуждая женщин покупать строго определенные книжки и туфли. Вот как он мог склонить прекрасную половину электората в нужную сторону на выборах. Нежной щекоткой. До самых кончиков.

Со своего места встал Тэд, приблизился к свидетельской трибуне.

– Мисс Харриган, – начал он. – Вы девственница?

Это ее не шокировало. Она знала весь сценарий избранной им тактики: создать из Пенни образ не заблудшей фиалки, а партнера по гениальному изобретению.

– Нет, – звонко и смело ответила она. – Я не девственница!

– А на момент знакомства с мистером Максвеллом вы тоже не были девственницей?

Пенни помотала головой.

– Нет, не была.

Приятные ощущения продолжали массировать тело. Сердце набрало такой мощный ход, что на груди вот-вот должен был запрыгать рубиновый кулон.

Тэд подарил ей суровый взгляд.

– У вас были половые сношения с мистером Максвеллом?

Палец Макса завис над коробочкой, словно предостерегающий перст: только попробуй меня предать.

Пенни кивнула.

Вмешался судья:

– Прошу зафиксировать в протоколе, что свидетель ответила утвердительно.

Тэд продолжал:

– Вы по доброй воле согласились опробовать инструментарий, призванный усиливать эротические впечатления?

Дистанционная щекотка резко прекратилась. Выходит, теплый зуд в сосках и в промежности действительно не был игрой воображения. Это намек.

В ответ на последний вопрос Тэда она сказала:

– Да, я позволила мистеру Максвеллу опробовать на мне многие из его задумок.

Не сводя глаз с Пенни, Макс изобразил гамму на кнопках.

У нее взмокли подмышки. Одежда занялась невидимым пламенем, по седалищной борозде скатились капли пота. В гортани набухал долгий, чувственный стон, однако Пенни, дернув подбородком, сумела вогнать его обратно.

Тэд спросил:

– Вы получали какую-либо компенсацию за свой труд на мистера Максвелла?

При слове «труд» Макс негромко хохотнул, набычив голову.

Раздосадованная Пенни ответила:

– Нет. Все, что я от него получила, – это подарки сугубо личного свойства, например предметы одежды, однако никакой официально оформленной компенсации не было, как не было и документального признания моей роли в качестве его коллеги и полноправного сотрудника.

Макс гневно воззрился на свидетельницу. Любой мог прочесть бешенство у него на лице. Да как она смеет претендовать на равный статус? Последовало несколько энергично взятых аккордов на кнопках контроллера.

Пенни всхлипнула. Сердечко зашлось икотой, а тело вздумало выпрыгнуть из облегающих покровов. Каждый дюйм кожи приобрел такую чувствительность, что шелковые трусики казались теперь сотканными из колючей проволоки. Пальцы затеребили пуговицы и «молнии», чтобы дать выплеснуться страсти незаметно для окружающих. Макс не должен видеть, что его сольфеджио попадает в цель. Да и вряд ли сугубо мужская компания присяжных проникнется сочувствием к Пенни, если та будет елозить, выписывая задом восьмерки, как стриптизерша у полированного столба.

Тэд, ничего не замечая, продолжал расспрашивать:

– Вам известно, что за ответчиком закрепилось прозвище «Вклинус»?

Пенни притушила свежую вспышку вожделения. Немножко поерзала на стуле, надеясь, что со стороны все выглядит невинно. И сказала:

– Да, с легкой руки таблоидов. Но ведь он их владелец!

Тэд продолжал:

– Мисс Харриган, как вы считаете – исходя строго из личного опыта, я имею в виду, – в чем состоит главный источник сексуального мастерства мистера Максвелла?

Вот наконец и возможность вывести проходимца на чистую воду. Пенни быстро сглотнула горячую слюну, залившую ей рот, неприметно промокнула потный лоб платочком. Сейчас она всему миру поведает про непальское паломничество Макса к Бабе и состоявшееся там профобучение. Пояснит, как безвременно оборвавшийся брак трагически мотивировал его поведение. Под протокольную запись изложит, что товарная линейка «До самых кончиков» полностью слизана с высохших костей полоумных пилигримов, которые самих себя заласкали до смерти. Вся планета узнает, как Макс обокрал сокровищницу сенсуальных тайн человеческой истории, чтобы поработить потребительниц, взяв под личный контроль их шопинг-привычки. Пенни сорвет маску с негодяя.

Когда обличительная речь уже кипела у нее на губах, дыхание вдруг резко замедлилось и стало тягучим как патока. Сами собой заерзали ягодицы, высвобождаясь из объятий промокнутого белья. С ног слетели лодочки, неожиданно превратившиеся в тиски.

Мужская аудитория невольно подалась вперед. Жаркие взгляды зашарили по девичьей фигурке.

– Да вы не стесняйтесь, – подбодрил Тэд.

Ах, до чего приятный, ладный юноша! И адвокатская «троечка» ему к лицу! Скорей бы все закончилось, и тогда они сразу поженятся. А уж секс в медовый месяц она ему обеспечит такой, что...

Пенни почти не замечала вдохновенной игры Макса на клавиатуре, призванной задавить ее показания лавиной экстаза. Не исключено также, что он затеял прямое убийство – разрядом наслаждения в головной мозг или сердечную мышцу. Магнат безжалостно давил на кнопки, не сводя глаз с объекта и его запрограммированных реакций.

Надо думать, вживленные наноботы сейчас вовсю заваливают хозяина телеметрией: пульс, кровяное давление, гормональные уровни – короче, все, что надо.

Она и не подозревала, что власть Максвелла настолько велика. Вот он нажал кнопку, и у Пенни во рту немедленно растаял кусочек призрачного шоколада. самого темного за всю ее жизнь; даже язык свело от удовольствия. Еще кнопочка, и она услышала пряный аромат сада из роз. Наноботы, десантированные в ее организм стрекозкой, брали на бордаж все органы чувств. В ушах гремел многотысячный скрипичный оркестр. По телу вновь бежали волны как после клизмы с розовым шампанским.

Но Пенни не сдавалась. Руки сами собой закопошились в волосах. Поясница прогнулась, толкая грудь вперед.

– Он взял весь мир под контроль... – запинаясь, выдавила она. В сторону ответчика потянулся дрожащий палец: – Вон тем смартфоном!

Заметив, что ей не по себе, вмешался Тэд.

– Ваша честь, – обратился он к судье. – Свидетельница проявляет признаки недомогания.

– Ради бога, остановите его! – взывала Пенни. – Он овладел моими мыслями!

Не спросясь хозяйку, руки взялись срывать блузку. Энергичное ерзанье и вихляние бедрами заставили слаксы съехать к лодыжкам. Какофония ярких вкусов – фуа-гра под «Гран Марнье» и карамельный латте – ударила в небо. Уши заложило Моцартом. Гайморовы пазухи воспалились от букета из сладкого жасмина и опиумного мака. В глазах всего мира Максвелл забавлялся «Тетрисом», а на деле он окатывал свою жертву из брандспойта ощущений, управляясь с клавиатурой под стать вдохновенному пианисту-виртуозу.

Организм беспомощной Пенни самостоятельно отвечал на атаку невидимки. Ее телесные отверстия ныли как после знакомства с сотней эрегированных пенисов. Коленки и губы разъехались в стороны, подвергаясь вторжению неразличимых глазом языков. Фантомные зубы игриво кусали за

соски, а затылок грело невесть чье дыхание.

Она визжала, но никто не пришел на помощь. Стенографист прилежно фиксировал ее мольбы. Художники не менее старательно трудились над зарисовками «Из зала суда».

Не веря собственным глазам, на борьбу подруги взирал Тэд. Пенни перестала быть дипломированной секс-ведьмой; вернувшись к былым повадкам, она вновь проявила себя вспотевшим куском мяса в руках кукловода-эротомана.

Прибыли санитары, погрузили ее на каталку. Поинтересовались, какой нынче год да кто в президентах. Спросили имя и с восторгом поняли, что Пенни им знакома как «Доткомовская Золушка».

По дороге в психушку один из них все никак не мог успокоиться, переживал за нее:

– Что ж ты, дуреха, замуж за него не пошла...

Невзирая на упрямый холодный дождь, вдоль всей Пятой авеню выстроилась забрызганная грязью очередь. Промокшие волосы закрывали лица вяло болтающимися прядями, пряча потускневшие стекляшки глаз. Через регулярные интервалы трагические вороны пугала делали по очередному шагжку. Очередь одним своим концом исчезала в зеркально-розовых дверях универмага, противоположный конец прятался где-то за горизонтом. То там, то сям из колонны вываливались особо утомленные особи, но даже они, еле живые, с угрюмой одержимостью ползли вперед на карачках.

Мало кто из покупательниц обратил внимание на супердлинный лимузин, доставивший каких-то молодоженов к собору Святого Патрика, под навес для защиты от лихой погоды. Среди гостей числились мировые лидеры, английская королева, китайская баронесса от массмедиа, лауреатки всевозможных суперпремий и конкурсов. Тротуары полнились репортерами. Ну как же: новость из разряда «гвоздь десятилетия». Первейший, богатейший и влиятельнейший человек планеты вот-вот обвенчается законным браком.

Проезжая мимо многомильной колонны оборванных людских существ, невеста держала вуаль опущенной в надежде, что ее никто не узнает. Ее, Пенни Харриган, которая никого не спасла и сейчас должна заплатить предельную цену. Не выпало на ее долю стать первопроходцем от имени женщин, открыть феминизму новые просторы для освоения. Нарядная словно куколка, она набиралась мужества, чтобы в пышном подвенечном платье от бостонской «Присциллы» пройти к священнику и дать клятву супружеской верности К. Линусу Максвеллу.

Газетные киоски на всех перекрестках цвели таблоидными заголовками: «Король Ботан женится на Чистом Зле». Другие издания призывали: «Долгие лета Ее Пеннисному Величеству!» Нашлись и такие журнальчики, чьи первые полосы без обиняков трубили: «Вклинус нацелился на мировое господство» или «Корни Максвелл втихую собирает сексботов-невидимок». Но лишь Пенни могла читать между строк: он нарочно пустил эти истории в ход, чтобы создать видимость банальной газетной утки, подорвать достоверность выявленных фактов. Теперь пиши пропало, уже никто не примет ее обвинения всерьез.

Винтажное подвенечное платье своей неуклюжестью превосходно гармонировало с настроением. На девушку словно навесили несколько пудов рюшей и оборок. Ничего не поделаешь, таковы законы мифологии. Сказка про Золушку подошла к законному концу: ура, бедняжка наконец-то выскочила за прекрасного принца. Потому что так нужно Максусу.

Ну а в целом город был охвачен смогом от горящего каучука. Пылающие фаллоимитаторы нет-нет да и накрывали жилые кварталы, без разбора неся смерть и разрушения.

Очередь во флагманский универмаг «До самых кончиков» напоминала бесконечную колонну потрепанных, разрозненных подразделений, которые плелись с какого-то дальнего поля битвы. Раненые и деморализованные. В насквозь промокшем обмундировании. Понятия не имеющие, что из них понаделали разменных пешек для заговора библейских пропорций. Пенни не только не смогла им помочь, она активно содействовала разгрому. Именно в ее постели было откалибровано, пристреляно и в целом доведено до совершенства это специфическое оружие массового поражения. Контур обратной связи, замкнувшийся через нее, стал тем оселком, на котором наточили секиру, ежесекундно выкашивающую ее товарок по полу. Так что все сходится: сейчас самое время и место принести Максвеллу клятву верности.

Наиболее талантливые, умственно развитые, целеустремленные женщины во всем мире ныне стали заложницами его каприза. Он одной кнопкой мог вложить им в рот нечто несказанное. А в уши – неслышанное. Макс контролировал их реальность. Сегодня знаменательный день, начало темных веков для всех женщин без исключения; надо лишь надеяться, что правда выйдет наружу и новое

поколение откажется от товаров «До самых кончиков».

С другой стороны, подумала Пенни, если наноботы умеют самовоспроизводиться, матери будут передавать их новорожденным дочерям. А может, и сыновьям. Через пару десятков лет весь промышленно развитый мир окажется у ног Вклинуса. Ох и коварен...

Ведь коли у него была вазэктомия, наследников ждать не приходится. А зная его повадки, Пенни не удивилась бы, если бразды правления в конечном итоге попадут в дисководы какого-нибудь полностью автоматизированного суперкомпьютера. Да. И очень скоро некий бесовский роутер начнет раздавать кому сладенькое, кому соленькое, кому оргазм здесь, кому оргазм там – под псевдомузыку с наноботовской оркестровкой нервных окончаний...

И еще. Пенни вдруг поняла, что вкус вещей попросту перестанет играть роль. «ДатаМикроКом» сможет пихать в продукты питания все, что ей заблагорассудится. А чего ради стараться? Наноботы примут меры, чтобы вкус был таким, какой указан на упаковке...

В памяти всплыла давишняя поездка в такси, еще на самый первый ужин, в «Ше ромен». Какой резкий контраст с вышагиванием по красной дорожке в тот вечер: нынче ее уже не игнорируют, охотники за новостями выстроились вдоль улицы аж в две стены, лишь бы заполучить ее снимок в подвенечном великолепии. Дюжина максвелловских лакеев тащила за ней шлейф, еще с десятков сформировали над головой бронекупол из зонтиков: не дай бог упадет хоть капелька... Клин из телохранителей ледоколом рассекал толпу.

Взбегая по ступенькам собора, Пенни ощущала во рту вкус жареных бараньих ребрышек по-домашнему. В ушах заливались сладкоголосые птицы. Она понимала, что ничего этого нет, что Макс всего лишь навел на нее излучатель органолептического индуктора. Должно быть, для моральной поддержки.

В притворе собора ее ждали три знакомых лица, которые Пенни тут же выкинула из головы, приняв за новую галлюцинацию. Физиономии тем не менее сияли от уха до уха. Она улыбнулась в ответ.

– Вы что, серьезно тут?

Это были ее родители в компании соседки по особнячку. Хотя мама с Моник выглядели хрупкими и истощенными, Макс, надо полагать, специально придал им сил на сегодняшний день. Этих женщин можно назвать скорее не гостями, а заложницами, чье присутствие станет гарантией успеха всего мероприятия. Вряд ли Пенни пойдет на очередной мятеж, если близким ей людям постоянно грозит беда.

Парадоксально, но факт: не так уж давно ее мама с Моник в придачу наперебой советовали забыть про контрацептивы и прищучить Макса. А теперь, гляньте-ка, прищучили как раз ее саму. Впору справлять поминки.

Все четверо тепло обнялись.

Не обращая внимания на распорядителя, который порывался усадить родителей на место, мама шепнула:

– Вот, спрячь-ка. – Она что-то сунула дочери в руку. – Потом прочтешь.

Пенни с екнувшим сердцем отметила багровые шрамы от веревок на маминых запястьях. Контрабандой оказался сложенный лист бумаги; судя по желтизне, выдранная страница из древнего номера «Нэшнл инкуайер». Пенни нервозно обратилась к телохранителю с просьбой объяснить, где здесь туалет.

Обнаружив искомое, она брезгливо поморщилась, так как уборщицы-прихожанки прогуливали работу уже которую неделю. После сложных эволюций и маневров громадной юбкой ей удалось забраться в кабинку, хотя и не без ущерба для подола со шлейфом. Под первые ноты свадебного марша ее глаза скользнули по странице таблоида. Заголовок гласил: «ДатаМикроКом» идет ва-банк на клонов». Если верить заметке, компания Макса сделала колоссальные вложения в технологию клонирования человеческого эмбриона. Эти исследования велись параллельно нанотехнологическим НИОКР. По словам журналиста, заявленной долгосрочной целью проекта было создание некоего микроскопического клона, которого приведут затем в состояние анабиоза. При желании его можно будет затем вживлять в суррогатную матку и доводить до полной зрелости с последующими родами.

Прочитав и перечитав статью, Пенни смыла ее в унитазе.

Если Максу удалось обманом запихать в женщин психоконтролирующих наноботов, где гарантия, что у него не получится то же самое с анабиозными эмбриоклонами? В том числе внутри самой Пенни? Тут и сомневаться нечего: это будет его личный клон. Вот он, дьявольский план во всей

своей красе! Контроль численности населения земного шара, гарантированное вечное господство его корпорации... Словно паразитирующий организм, он засунет тысячи, если не миллионы идентичных максиков в ничего не подозревающие матки. Так вот, значит, какова его концепция умиротворения человечества: утопия, населенная многомиллиардно скопированной версией самого себя!

Макс стоял возле алтаря. Родители Пенни сидели в первом ряду и вместе с сотнями дигнитариев и знаменитостей ждали появления невесты.

Все женщины до единой лучились от счастья. Макс явно бомбардировал их органы чувств полным спектром приятных эмоций. Мама Пенни вздыхала, словно только что вынула из духовки идеально пропекшееся домашнее печенье. Моник сидела с полуприкрытыми веками, как будто кружилась на ковре-самолете под вальс. Одну лишь Пенни обошли удовольствия, которыми Макс вызывал покорность у прочих дам.

Церемония шла своим чередом. Очень скоро на свете появится миссис К. Линус Максвелл. Отныне ей суждено стоять за штурвалом крупнейшей корпорации мира. И быть женой богатейшего человека на свете. Пенни заняла свое место: подле его плеча. Накрытая вуалью. Патологически беременная. Чтобы любить, ценить, обожать и – самое главное – повиноваться.

Епископ нараспев проблеял:

– Пусть выйдет тот, кто может назвать причину, зачем не должно таинству свершиться, а если нет – то пусть молчит вовек!

Со стороны притвора послышалась какая-то возня. Многосотенная толпа проводила взглядом согбенную фигуру, пока та медленно ковыляла вдоль бокового нефа. Седые распущенные волосы болтались вымокшей паклей. Нагое изможденное тело шажок за шажком преодолеvalo путь, подметая красную дорожку лобковой порослью. Судя по боязливому изумлению на физиономии Макса, он сразу понял, кем – или чем – было это неожиданное видение. Неуклонно приближаясь, легендарная личность вскинула слепые бельма на магната и промолвила, непрерывно поводя шмыгающим носом:

– Ага, ты, Максвелл, здесь! Я чую твой ужас! – Пронзительный голос со скрипом вырывался из беззубого рта. – Остановите этот балаган!

Максвелл опасливо сунул руку за лацкан фрака и вытащил черную коробочку. Он мог убить или покалечить миллионы в одно касание.

– Признайся ей! Признайся! – Выставив сучковатый палец, колдунья распорядилась: – Уж коли женишься, поведай деве тайну!

Макс лишь перепуганно таращился.

На половине пути старушечий скелет с одышкой воззвал:

– Отрой секрет, который я не смею ей рассказать!

Пенни растерянно переводила взгляд то на без пяти минут мужа, то на диковинную гостью.

Баба, одолевшая пол земного шара от Непала до Нью-Йорка, пожевав губами, распорядилась:

– Да, негодник, расскажи ей, зачем и почему ты посвятил себя службе доставки радости женщинам!

Макс выставил контроллер на всеобщее обозрение:

– Ну вот что, мамаша! Еще один шаг, и смерть целого миллиарда из них будет на твоей совести!

Старуха слегка призадумалась.

Но тут вмешалась Пенни.

– Баба! – смело крикнула она. – Я знаю, зачем он украл сенсуальные тайны древних народностей! Понимаю, отчего всю жизнь добивался доступа к лучшим вагинам планеты!

Присутствующие гости тем временем продолжали плавать в сладких грезах наяву. Что касается мужчин, многие искренне радовались неожиданному повороту дел на одном из скучнейших и заорганизованных мероприятий – венчании. Если они и видели, что женщинам сейчас приятно, то старательно прикидывались, будто ничего не замечают. Эти субчики, кстати говоря, по большей части принадлежали к числу лицемерных донжуанеров и подпольных спекулянтов, гревших руки на

эффектах «До самых кончиков».

Пока палец Макса висел в миллиметре от кнопки глобального смертоубийства, Пенни сообщила:

– Я знаю про клонирование. Макс впрыснул растиражированные эмбрионы самого себя в пользовательниц «До самых кончиков». Скоро он даст отмашку, и они хором забеременеют.

Приковав к себе внимание всего собора, она кричала:

– Те самые наноботы, которые доставляют наслаждение и боль его рабыням, проследят за подавлением иммунных функций, отвергающих чужеродные тела в организме! Армия микроскопических роботов будет охранять и защищать плодов-паразитов, чтобы сотни миллионов женщин фертильного возраста смогли произвести на свет точные копии Корнелиуса Линуса Максвелла!

К моменту окончания своего краткого выступления Пенни изъяснялась визгом, отчаянно размахивая свадебным букетом. Когда словоизвержение угасло, праздничная аудитория уставилась на нее с плохо скрываемым недоверием. Пенни – вся в рюшечках, не говоря уже про фижмы и оборки – ждала взрыва массового негодования, а от Макса – первых пыточных аккордов. Однако ни того, ни другого не последовало.

Баба перевела на нее мутный взгляд. Недоуменно склонив голову к плечу, старуха сказала:

– Что ты, что ты, голубка моя! Ничего такого и близко нет.

Кто-то где-то хихикнул.

– Зато я не шучу, – пригрозил Макс. – Еще слово, и вас всех постигнут такие муки, хоть кантату пиши!

Но Седобородка презрела опасность.

– Ты, Пенни Харриган, стоишь сейчас в чужом платье. Том самом, которое четверть века назад надела покойная жена Макса на свою свадьбу, и было ей столько же, сколько тебе сейчас! – Высокие каменные своды эхом разносили ее слова по притихшему собору. – Так поинтересуйся у своего жениха, отчего столь удачно подошел размер!

А и впрямь. При первой же примерке подвенечное платье село как влитое.

Не успела она в деталях осмыслить это откровение, как Макс коснулся коробочки. Недоступная глазу орбитальная группировка спутников послушно ретранслировала сигнал, и девушку пробила молния боли. Одновременно с ней точно так же вскрикнули и рухнули на холодный жесткий пол все прочие женщины, гости свадебных торжеств. Только Баба осталась на ногах и дерзко смотрела в бешеные глаза Макса.

– Расскажи ей, – прошипела она. – Расскажи, что у нее на роду написано!

– Ни за что и никогда! – отказался тот.

Пенни едва замечала, как между ними встала Баба. Противники – денди во фраке и высохший скелет – начали медленно кружить друг вокруг друга. Максвелл сунул коробочку за пазуху и угрожающе вскинул пустые руки, готовый атаковать при первом же кряхтении со стороны Седобородки.

Что касается самой Пенни, над ней стоял епископ и заливался краской, пока невеста корчилась у его ног, агонизируя наслаждением – полупомешанная, давящаяся хриплым страстным урчанием.

– Пенни, голубка! – крикнула Баба. – Ты должна отразить его бесовскую энергию! Ваша встреча с Максвеллом была неслучайна! Лишь ты одна способна его одолеть!

Не успела она высказаться полностью, как Макс прыгнул к ней и схватил за морщинистую шею, приговаривая:

– Умри, ведьма!

Едва дыша, Баба тем не менее предложила:

– Загляни! Загляни в его еженедельник за девять месяцев до своего рождения! Загляни и узнай, кого он тогда клеил...

Шурша юбками, Пенни каталась по плитам. Она прямо чувствовала, как по венам скачут наноботы. Вот бы распороть себе артерии и слить зараженную кровь! Проклятые киберблохи уже не дадут

спокойной жизни, от них никогда не избавиться. Максвелловские микропалачи бодро жевали ее изнутри, заливая болью с головы до пят.

Баба меж тем умирала с переломленной шеей. Два столетия отдав сексуальному просветительству пилигримов, она выпускала дух в тисках лучшего ученика. Проталкивая слова сквозь раздавленное горло, старуха бурчала:

– Дитя, ты должна ретранслировать его энергию! Пропусти ее через себя и возверни, многократно умножив! Говорю тебе: зеркала не обгорают даже на самом солнцепеке...

Чтобы вытеснить ложное удовольствие, Пенни сосредоточилась на своей тесно спаянной семье, на родителях и их бесхитростном лютеранстве, с теплотой вспомнила узы дружбы, что связывали ее с Моник. Мысль Пенни растеклась по всем тем замечательным вещам, которые она искренне любила. Пломбир с кремовыми прожилками. Рон Ховард. Ричард Томас. Настойчивая медитация привела к тому, что самосознание начало отбрасывать сигналы контроллера. Еще немного, и своры наноботов присмирели, поплелись вниз и сгруппировались в районе почечной лоханки.

Сей же миг собор вздрогнул от дикого посвиста, что нарастал и креп, пока не превратился в сирену, вполне способную перевыть средства оповещения гражданской обороны. Сирена уступила место паровозному, а затем и паровозному гудку – настолько громкому, что мозги собравшихся едва не превратились в яичницу-болтунью. Гости схватились за головы, содрогаясь от боли в ушах.

Источником акустического удара была Пенни. Лишь слегка приглушенный фижмами и кринолинами, потрясающий звук рождался у нее в промежности. Он эхом летал между величественными стенами, сотрясая витражи, пока каменная кладка не пошла трещинами. Иерихонская труба, да и только. С потолка посыпалась цементная крошка. Наконец могучий гром грянул из-под юбок, сорвав кружевные штанишки и обдав гостей шрапнелью из блесток и жемчугов. Разлохмаченные лоскуты, оседая словно хлопучечное конфетти, открыли взглядам зиждилище и обиталище той властной силы, которой была преисполнена невеста.

А Пенни тем временем сосредоточенно подумала о собственной любви к великой Бабе, и створки вышеупомянутого зиждилища разъехались в стороны, образуя чуть ли не орудийное жерло.

И грянул залп. В соборе мигом задуло свечи.

Главный витраж вынесло как его и не было. Однако не наружу, а внутрь, осыпав праздничную толпу жалящими осколками красно-сине-зеленого стекла. Потому что украшение было разбито чем-то стремительным вроде пушечного ядра, которым пальнули со стадиона «Янки».

Горящий плевок из расплавленного каучука с батарейками метнулся сквозь узкий, но длинный неф. Словно выпущенный из великанского обреза, сей убийственный заряд угодил Максу ровнехонько под нижний край безупречно скроенной ширинки. Плавающая мина из ассортимента товаров заботы о себе познакомилась с интимными частями великого махинатора, сложив его вдвое и опрокинув навзничь.

Итак, многовековая ламия погибла.

Что до Максвелла, он был смертельно ранен оружием из собственного арсенала хайтековских средств для самоудовлетворения: фаллосом на реактивной тяге, который стартовал из очистительного костра держателей слова! Теперь из порванной промежности хлестала кровь. Тут и приглядываться не надо: Пенни сразу поняла, что гениталий больше нет. Как у персонажа из какой-то книжки Хемингуэя, которую они проходили в школе.

Наноботы перестали копошиться и вредничать. Пенни – как и прочие женщины в соборе – медленно встала на ноги, ошалело моргая. Все дамы смахнули растрепанные волосы со лба и полезли в сумочки, чтобы приступить к длительной, трудоемкой задаче восстановления макияжа. И личной жизни.

Ледяные пальцы сомкнулись вокруг щиколотки Пенни – Макс смотрел на нее умоляющими глазами. Его и без того бледная физиономия была обескровлена до бумажной белизны. Свободной рукой он залез в карман фракного сюртука и выудил нечто вроде газетного обрывка.

– Тебе, – прошептал Макс, протягивая его Пенни.

Преклонив колено, она приняла дар. И впрямь вырезка из печатного издания. Ровнехонько тридцатилетней давности, день в день. Заметка из «Нэшнл инкуайер», да еще с фотографией. Правда, черно-белой, зернистой и поблекшей за минувшие годы, но все равно казалось, будто смотришься в зеркало. Ее лицо, точно такая же вуаль и подвенечное платье. Светская хроника, извещение о свадьбе К. Линуса Максвелла и Фиби Брэдшоу. В комплекте с этой заметкой шла

вторая, прикрепленная степлером: некролог, датированный 136 днями спустя. О безвременной кончине миссис Корни Максвелл вследствие аллергической реакции на моллюсков.

Страх распростер свою тень над сердцем Пенни. У нее самой такая же непереносимость. На первом совместном ужине в «Ше ромен» она едва не заказала суси из гребешков; хорошо еще, Макс вовремя остановил. Откуда-то он знал про ее аллергию...

– Моя жена, – пояснил он.

Там, где некогда болтались его тестикулы в компании с пенисом, Пенни видела лишь рваную рану, откуда била кровь. Та же рука, которая вручила таблоидные вырезки, сейчас протягивала вечную записную книжку. Раскрыв еженедельник на требуемой странице, Макс промолвил:

– «Подопытная номер 1148, Миртл Харриган, двадцать четвертое марта 19– года. Место: г. Шиппи, шт. Небраска...»

Мама Пенни тихонько всхлипывала, пока Максвелл зачитывал подробности их тайного свидания. Итак, однажды, а именно двадцать пять лет тому назад, уже замужняя Миртл принимала участие в благотворительной вечеринке, где торговали домашней выпечкой. Мероприятие состоялось в актовом зале местной фермерской ассоциации.

Непривычно галантным языком Максвелл зафиксировал: «Подопытная произвела удручающее впечатление, поставив меня в известность о собственной неспособности иметь детей. Как проезжий, я, по-видимому, представлял собою наиболее удобный и безопасный объект для облегчения сердца». Другими словами, одно поколение назад молодая жительница Небраски поплакалась Максу точно так же, как это сделала Пенни на их первом свидании в «Ше ромен». «Рост подопытной – сто шестьдесят восемь сантиметров, вес около пятидесяти четырех килограммов...»

В дюжине шагов от того места, где Макс сообщал обстоятельства давно минувших дней, рыдающая мама Пенни оторвала лицо от скомканных салфеток и внесла поправку:

– Нет уж, во мне было только пятьдесят один килограмм!

Умирая, Макс продолжал:

– «Я понял сердцем, что в моих силах сделать нечто большее для сей злосчастной, бесплодной женщины, нежели доставить невыносимый оргазм. Я мог дать ей ребенка, которого она столь страстно желала...»

Он сообщил, что вербальная фаза соблазнения состоялась за обсуждением тыквенного пирога. Что касается супруга означенной женщины, тот отбыл на еженедельный слет местного капитула держащих слово, и дабы убедить одинокую юную домохозяйку, не потребовалось особых усилий. Интимная часть знакомства имела место на заднем сиденье арендованного «форда», на котором и перемещался сам естествоиспытатель.

– «Когда ее кардиоритм достиг ста шестидесяти трех уд/м, – бесстрастно сообщил Макс, – я осуществил имплантирование клонозиготы в комплексе с новейшим поколением наноботов, призванных обеспечить выживание диплоида».

Всхлипывая, пеннина мама вновь настояла:

– И вообще, сто двадцать фунтов я набрала только во время беременности!

Через девять месяцев родилась Пенни. Ну не чудо ли?

По страдальческому выражению лица папы она поняла, что тот ни сном ни духом. Оба родителя и понятия не имели, что сыграли определенную роль в планах Макса по репродуцированию покойной супруги, простодушно предоставили самих себя в качестве площадки для дьявольского эксперимента. А ведь Макс мог имплантировать эмбрион в любую из женщин, с которыми имел отношения. И даже во всех без исключения.

Впрочем, Пенни больше волновала мысль, что она, оказывается, вовсе не она. Мало того, что последнее время ее напропалую обдавали волнами, от которых то включались, то выключались нейротумблеры центров удовольствия, так теперь выясняется, что и ДНК всучили бэушное. А все по милости чокнутого гения, которому взбрело в голову воссоединиться со своей ненаглядной. Оказывается, она, Пенни Харриган, не что иное, как генетически воскрешенная Фиби Максвелл.

Сей потрясающий, шокирующий, но вместе с тем тихий миг был нарушен одиноким возгласом. Это

к Моник вернулось ее неустрашимое нахальство:

– Ну, Омаха, ты даешь!

Из глубины собора подхватила Эсперанса, как всегда по-детски непосредственная:

– Ай-яй-яй, карамба!

– За тобой всю жизнь присматривали мои агенты, – шептал Макс, истекая кровью. Церковь притихла так, что любой мог слышать его исповедь.

Пенни хватило одного взгляда на поблекший снимок, чтобы поверить в правдивость всех его слов. Стало быть, ее ангелы-хранители не были услужливыми сотрудниками нацбезопасности. Эти упакованные в костюмы и снабженные очками стражники защищали ее от имени Макса. Чтобы, значит, она созревала в целости и сохранности, пока не сможет заменить ему давно упокоившуюся жену.

– Ты и есть доказательство, что моя клонирующая технология будет работать, – продолжал Макс. – Я целую жизнь отдал делу проникновения во все без исключения матки цивилизованного мира.

Ах, до чего трогательный жест... С этим даже Пенни согласилась. Вот, оказывается, с какой силой Максвелл ее любил. Вплоть до принудительного воскрешения из мертвых.

Максвелл прохрипел:

– Ты, девочка моя славная, со своими образцовыми гениталиями и станешь моим подарком всем мужчинам!

Он до того близко лежал к Бабе, что его кровь омывала труп побежденной отшельницы. Рана перестала фонтанировать, и веки Макса трепетали, смыкаясь теснее с каждой секундой. Легкие расстались с последним выдохом.

– О-о, Фиби... Я так долго по тебе тосковал...

И его не стало.

Пребывая в уединении гималайской пещеры – в обнаженном, естественно, виде, – Пенни приправила специями булькающее варево из нашинкованных ящериц. Помешав в казанце, поднесла дымящуюся ложку к губам. Вкус тотчас же наполнил ее светлой ностальгической грустью по уснувшей Бабе. И часа не минуло после смерти ламии и Макса на полу собора Святого Патрика, как Пенни оказалась на борту зафрахтованного реактивного самолета, чьи крылья донесли ее до Непала. Грозные кручи Эвереста она успешно одолела в подвенечном платье, хотя бы и рваном. О пункте своего назначения не сказала никому.

Итак, подытожим? Родители в безопасности. Моник благополучно избавлена от увлечения на батарейном питании, и, если верить эсэмэскам, которые та слала ежечасно, у них с Тэдом все на мази. Помолвка уже состоялась, а жить она и впредь намерена в особнячке в Верхнем Ист-Сайде на пару с восхищенным красавцем супругом.

Что касается самой Пенни, она полагала, что со временем к ней обязательно потянутся ученики, привлеченные древней легендой о мистической секс-колдунье, носительнице эротического наследия столетий. Физически совершенные объекты для интимно-полового обучения будут сами находить ее, умоляя позаниматься репетиторством. К Пенни совершенно законно перешла коллекция тантрических навыков всех времен и народов, разве не так? Она, Пенелопа Энн Харриган, принимает в свои руки факел, полученный от Бабы Седобородки, Беллы Абцуг и иже с ними. Она сбросит с женщин вековечное ярмо необходимости обращаться за удовлетворением к мужчинам. Вот в чем смысл ее жизни, давно отыскиваемый удел: в этом наследии – не в шмотках, побрякушках или адвокатских корочках. Ее власть незыблема, как и сама потребность в плотских удовольствиях. Ее царство куда обширнее сферы межличностных интриг.

Пенни усвоила, что всего важнее. Важна семья. Незаменима любовь.

Она неторопливо помешивала кипящее варево. В полном соответствии с любимым рецептом Бабы, супец был приправлен хлопьями пряного гуано. Устроившись на корточках подле казанца, Пенни поежилась от удовольствия: тепло, уютно, славно. Напоминая со стороны присевшего сумоиста, она рассеянно подбадривалась шишковатым предметом, походившим на мокрый сучок. Бабий перст, самый длинный. Тот, которым чудодейка некогда прозондировала все-все тайны Пенни. Как в свое

время ветхая ламия отрубила палец родной матери, так и Пенни отсекала этот «мemento мори» у остывающего трупа наставницы. Впрочем, даже обильно смазанный припущенным табарганьем салом, этот сувенир не до конца рассеял меланхолию отшельницы.

В голове мелькнуло тревожное – «синдром пристрастия к возбудимости!» – но Пенни тут же прогнала мысль-паразитку.

Зачерпывая вторую пробу, она озабоченно подумала о миллионах миссис и мисс во всем мире, которые прямо сейчас, как и она, сидят на корточках, тщетно добываясь свежего самоудовлетворения. Как ни крути, а после знойной встряски «До самых кончиков» оставалась ненулевая вероятность, что им уже никогда не достичь хотя бы сопоставимых высот оргазма.

Рудиментарные орудия наслаждения, плоды стоического труда горной подвижницы... Ну-у да, работают помаленьку. Однако ж без хайтековой, комплексной стимуляции вагины по Максвеллу Пенни серьезно захандрила. Неужто яйцеголовые оказались правы? Под стать нынешним мальчишкам, которые намертво прикипели к своим драгоценным видеоиграм и голокожему синематографу, Пенни тосковала по ярко-розовым артикулам. Выходит, пристрастие к возбудимости вовсе не фикция? И теперь ее лимбический церебральный аппарат изнывает без допамина? Или... страшно подумать... скособочило гипоталамус?! Гм. Абстинентная ломка, не иначе...

Нахмурившись, Пенни удвоила усилия с помощью вяленого пальца, однако желанного самоутешения это не принесло.

Оставив очаг, она прошлась по пещере, вороша ногой завалы из прадовских сумочек и древних сухожилий. После смертельного ранения Макса она прихватила с собой его драгоценный дневник вместе с контроллером и с той поры провела немало зимних часов, расшифровывая закодированные записи его чувственных исследований. Мозаика черных кнопочек была промаркирована головоломным способом, но Пенни сумела-таки подобрать оптимальные комбинации.

Пенни жадно схватила за коробочку, чтобы поднастроить свои органы чувств. Итак, она начнет прямо сейчас, когда за стенами пещеры день и ночь метет страшная пурга, раздражая своим неумолчным воем.

Она вбила первый код, и заказанная спутниками реакция последовала незамедлительно. Во рту растекся кусочек торта «Красный бархат» с шоколадной глазурью и радужной обсыпкой. Даже швейцарский часовщик, и тот не сумел бы разглядеть, что за кнопочки она нажимала, – таковы были ее точность и сноровка. Чтобы утешиться еще больше, Пенни набрала другую комбинацию и ощутила восхитительный вкус пломбира с кремовыми прожилками. Но усердным пальцам этого было мало. Расчетливые касания кнопок активировали наноботов в мозгу и крови, чтобы теперь ею занялись Том Беренджер и Ричард Томас, покрывая губы и соски Пенни мокрыми поцелуями.

В следующий миг произошло нечто потрясающее. Раздался звук. Чья-то речь – и поцелуи тут же прекратились. Голос был знакомый. Женский. Глаза Пенни обежали пещеру, однако объяснения не нашли. Фантомные слова были столь же призрачны, что и сон, хотя весьма отчетливы. Разговаривала Баба Седобородка. В холодном воздухе повис запах ферментированных желтков: визитная карточка ламии, когда на ту нападала эротически индуцированная одышка.

Но смеет ли Пенни надеяться? В самом ли деле ее навестил дух мистической кудесницы, чтобы вновь порадовать волшебством любви? Имелось, впрочем, и объяснение попроще: это могли быть очередные происки наноботов. Еле теплящимся – как проблеск разума – голосом Баба приказала: «Уничтожь эту мерзость!» Малоубедительными – как эхо от дуновения ветерка – словами призрак предостерег: «Голубка, такая власть тебя развратит под стать Максу...» Невидимая тень настаивала: «Смели бесовский контроллер меж двух жерновов, пока он тебя не соблазнил!»

Трепеща, Пенни шепнула в ответ:

– Баба, ты здесь?

Она подождала, внимательно прислушиваясь, однако доносилось лишь дикое подвывание ветра. Пенни села и призадумалась о перспективе одиночества, скрашенного лишь хряще-костным инструментарием почтенного возраста. Досчитала до ста пятерками. Поцокала языком на бедственное состояние, в котором очутились ее ногти. Досчитала до тысячи двадцатками. Но даже после этого призрак колдуньи не заговорил. Молодая выпускница секс-фака не могла решить, чем заняться.

И тут ее осенило. Ведь датамикромомовские спутники до сих пор на орбите. Спрашивается, что ей мешает облегчить страдания женских легионов, которые, как и она, испытывают теперь ломку из-за недоступности блаженства «До самых кончиков»?

Кипя альтруистическим порывом, Пенни сражалась с клавиатурой до тех пор, пока не началась

глобальная бомбардировка. Пусть всем достанется вдоволь! Маме в Омахе. Беспечной, жизнерадостной Моник. Даже Бренде, жене Юрия и главбуху «Эллайд кэмикал». Гуань Ци с Эсперансой тоже не забыты! Кто бы где ни находился, всех сейчас обжимают зрелые звезды экрана, а в рот воткнут букет вкусов с конкурса на лучшего кондитера.

Пенни по наитию вдупила в их распахнутые ноздри ветерок с манговой плантации. Да возликуют же все ее сестры! Вот она, солидарность; и достигнута она благодаря Пенни.

Не важно, что у них за жизнь; хотя бы и страшная нищета в болоте невежества; царица Пенни всех жалует богатейшим суррогатом бытия. Она устроит нескончаемый банкет для вкусовых пупырышков. Вечное пиршество без единой лишней калории! А вместо приземленных мыслишек вставит вдохновляющие поэмы, художественно зачитанные высококультурными устами Мэрил Стрип.

Дробь легких ударов по нужным кнопочкам, и начнется ковровое бомбометание чувством самоуважения, на веки веков будет решена проблема несовпадения собственных мечтаний с тем, что видишь в зеркале.

Взяв свои груди в чаши ладоней, Пенни подняла их выше, разглядывая соски с растущим трепетным восторгом и даже изумлением. С ума сойти. Ее сердце... нет, каждая клеточка тела набухла в знак признания собственной славы и красоты. Вслед за ней, прямо сейчас, женщины мира – хоть дылды, хоть калеки, жирные, дряхлые, юные и стройные – все они заново открывали самих себя. Где бы они ни находились в этот миг – чем-то закусывали на пикнике, давились в автобусе или проводили мало кому понятные нейрохирургические операции, – каждая замирала и осматривала свое тело новыми глазами. Плоские, кривоногие, горбатые и даже лысеющие, все получают от Пенни заряд силы, которая заставит признать их личную внутреннюю красоту. По спутниковой команде все женщины приступят к обласкиванию самих себя, млея от достоинств собственного тела.

Вот это власть! Она, Пенелопа Харриган, отныне станет править миром: благожелательный диктатор, вознаграждающий неисчислимые массы заслуженным удовольствием. Такая власть превзойдет даже ту, что некогда находилась в руках ее бывших кумиров, Клариссы Хайнд и Алуэтты д'Амбрози. А чтобы скомпенсировать вред, нанесенный бесовской технологией Макса, она в одиночку обеспечит гражданское спокойствие и мир во всем мире. Хорошее поведение будет поощряться, плохое – караться.

Поколения женщин, воспитанных в давней традиции оскорблений и несправедливости, замаршируют к счастью под ливнем радости. Хеппи-энд по всем правилам. Виртуозно подкручивая центры удовольствия, Пенни вкрадчиво, но неумолимо заставит реализовать их полный эротический потенциал. Политические активистки могут сколько угодно выцарапывать друг другу глаза из-за стратегических целей, платформ и повестки дня. Зайдя с козырной масти, Пенни разольет их кошачьи драки настоящим цунами физического восторга.

Сказано: «Самосовершенствование сродни мастурбации». Что ж, отныне наконец-то справедлив противоположный афоризм.

– Баба! – воскликнула она. – Спи спокойно, моя хранительница! Я не допущу, чтобы эта сила возымела власть надо мною!

Именно сейчас, шепнула себе Пенни, именно сейчас для женщин наступает лучшее время в истории. Она подарит им вожделенный «секс нараспашку». Ах, как ею будет гордиться Эрика Йонг! Вот это – искусство сексодейства, практическая плотская магия – и станет той новой территорией, которую примется осваивать следующее поколение женщин.

Захваченная приступом всеобъемлющей щедрости, Пенни нажала пару кнопочек, чтобы дистанционно обнять и по-сестрински зацеловать Глорию Стайнем.

И поспешила к очагу следить за похлебкой.

Пьяная от удачно сработанного дела, расслабленная радостью, она вновь заглянула в закодированный блокнот Макса. Господи боже мой, что за блаженный миг! Но даже этот идеал – с глубоко вставленным драгоценным перстом, под аппетитное бульканье ящеричной тушенки, обливаемая теплом в сокровенных уголках ее неизъяснимо притягательного тела – даже этот идеал, решила Пенни, может быть усовершенствован.

Усталыми, трепещущими, счастливыми пальцами она набрала команду.

То, что случилось мгновением позже, было, по сути, лишь наноботской галлюцинацией, однако полностью зримой, осязаемой и пахучей.

Дерзкий в своей наготе, из пурги вынырнул крутобокий силуэт. Танцующий синеокий взгляд полон

вожделения, между ног раскачивается уже набрякшее, розово-веснучатое свидетельство мужественности. Красавец Рон Ховард смело шагнул в пещеру.

Автор желал бы выразить признательность нижеследующим провидцам за их непоколебимую веру и поддержку искусства. Да проследят тантрические боги, чтоб к вам почаще приходила лихорадочная, мокрая разрядка в минуты безмятежного отдыха.

Мэллори Мосс

Кэти Доудд

Вильям Клайер

Кэйси Боссерт

Ян В. Арсено

Галле Каспер

Меган Маккрэри

Манди Боулс

Кайл Бекер

Адам Страттон

Дональд Хьюго-третий

Чак Криттенден

Питер Воллесен

Стефани Джин Рэй

Николь Доро

Валерия Кульчихина

Меган Шерар

Ангелена Бигхэм

Захарий Гленн Харбо

Эндрю Дж. Гаол

Питер Осборн

Кристофер Сиверс

Керстин Лейн

Майкл Джон Сильвин

Манди Марес

Джо Вильсон

Уэсли Форд

Стефани Уили

Патрик Д. О'Коннор

Генри С. Розенталь

Брайан Мэннинг

Паркер Кросс

Маргарет Деннисон
Шарон Леонг
Кевин Стевулак
Шарлотта О'Нил Голден
Майкл Андерсон-Макджи
Кэти Маккартни
Жаклин Николь Тауни
Гари Итон
Майк Паркинсон
Дастин Шульц
Джина Чернобы
Мишель Макдэниль
Джек Ричард
Райан О'Нил
Джордж Вашингтон
Андерсон-третий
Айша Мартинес
Трев Пирс
Джон Харденштайн
Беттина Холбрук
Майкл Боухэй
Марк В. Паулис
Кевин Шарп
Патриша Скотт Пити Уэллс
Майк Хардин
Томай Уэйн Харви
Эндрю Гринблатт
Элизабет С. Никольс
Брайан Фостер
Брюс Хэйнс
Татьяна Абастофлор
Рональд Грин-мл.
Алиша Ол
Коди Маасен
Брайан Крэг Уорд
Джессика Даган
Мэттью А. Эллер

Маредит Олдер
Тиффани Джой Атенсио
Кайл Адамски
Джон Майкл
Квентин Р. Воглунд
Джеймс Бендос
Габриэль Сезана
Джейсон В. Борер
Шейн Голлихью
Скотт Тралок
Аарон Блейк Флинн
Бретт Кернс
Джульет Уолкер
Кристина Валенсия
Джеймс П. Джакопелли
Карен Заккони
Шин К. Смит
Рита Сью
Уилл Таппер
Майкл Педраса
Расс Робертсон
Тэг
Саманта Джейд Шни
Рабьян Байбо
Яссаман Тараскар
Ширин Ломбарди
Эшли Блейк Ральф
Майк Дайсон
Лорна Шерман
Патти Ванти-Маккинли
Шон Шарма
Кристина Стрилекис

Примечания

Традиция американских вузов: перед зачислением в те или иные студенческие братства или «сестричества» первокурсники проходят обряд инициации, который может занимать от недели до месяца и более. В программу входит, например, устройство благотворительных мероприятий, зубрение «устава» на полуночных посиделках, неукоснительное соблюдение разных обязательств и прочее. Практика далеко не однозначная, коль скоро дает простор ритуальным издевательствам. Названия же этим организациям принято давать греческими буквами – «Сигма хи», «Дзета дельта» и т. д. – согласно девизу, порой тайному. Например, у знаменитой «Фи бета каппа» девиз *философия био кибернетес*: «философия – путеводитель по жизни». – *Здесь и далее примечания переводчика.*

2

36,9 и 36,4 градуса Цельсия.

Дура (ϕp).

Зад (фр.).

Фабио Ланзони (род. 1959) – итальянский актер, модель, фитнес-гуру.

В ноябре 2011 г. в ходе акции «Захвати Уолл-стрит» демонстранты выдвинули лозунг «Нас – 99 %», тем самым подчеркивая, что финансовые воротилы составляют лишь сотую долю населения США.

Очевидно, реакция автора на злобу дня. В 2013 г. отмечалось 150-летие знаменитого выступления, в связи с чем было развернуто общенациональное движение за массовую декламацию «Геттисбергской речи» классами, школами и отдельно взятыми стадионами. С параллельной, а также последующей трансляцией по телерадиовещательным сетям и каналам.

Le courgette – цукини (фр.).

Что ж... (*фр.*)

10

4-10 градусов Цельсия.

Христианская мужская организация *Promise Keepers*, основана в 1990 г. бывшим футбольным тренером Университета Колорадо. Принципы функционирования основаны на т. н. «обязательствах» или «обещаниях», из семи пунктов. Слово «сексуальный» встречается уже в третьем из них. На втором месте стоят «жизненно важные отношения с другими мужчинами». Семья на четвертом. Ну а Иисус Христос – на первом.

Chatte – «киска» (фр.).

Рональд «Хряк» Джереми (род. 1953) – американский порноактер (свыше 2000 «ролей») и режиссер.

14

26,7 °C.

15

54,4 кг.